МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
1805 — 1940

В. Г. ГЕПТНЕР

Э. А. ЭВЕРСМАНН
1794 — 1860

МОСКВА • 1940

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
1805 – 1940

В. Г. ГЕПТНЕР

ЭДУАРД АЛЕКСАНДРОВИЧ ЭВЕРСМАНН

(Eduard Friedrich Eversmann)

ЗООЛОГ И ПУТЕШЕСТВЕННИК

(1794—1860)

МОСКВА — 1940

Напечатано по постановлению
Совета Московского общества испытателей природы

Президент акад. Н. Д. Зелинский
Вице-президент проф. Л. И. Курсанов
Ученый секретарь С. Ю. Липшиц

Редактор С. Ю. Липшиц. Технический редактор С. Г. Вышнепольский
Корректор Р. С. Капелевич

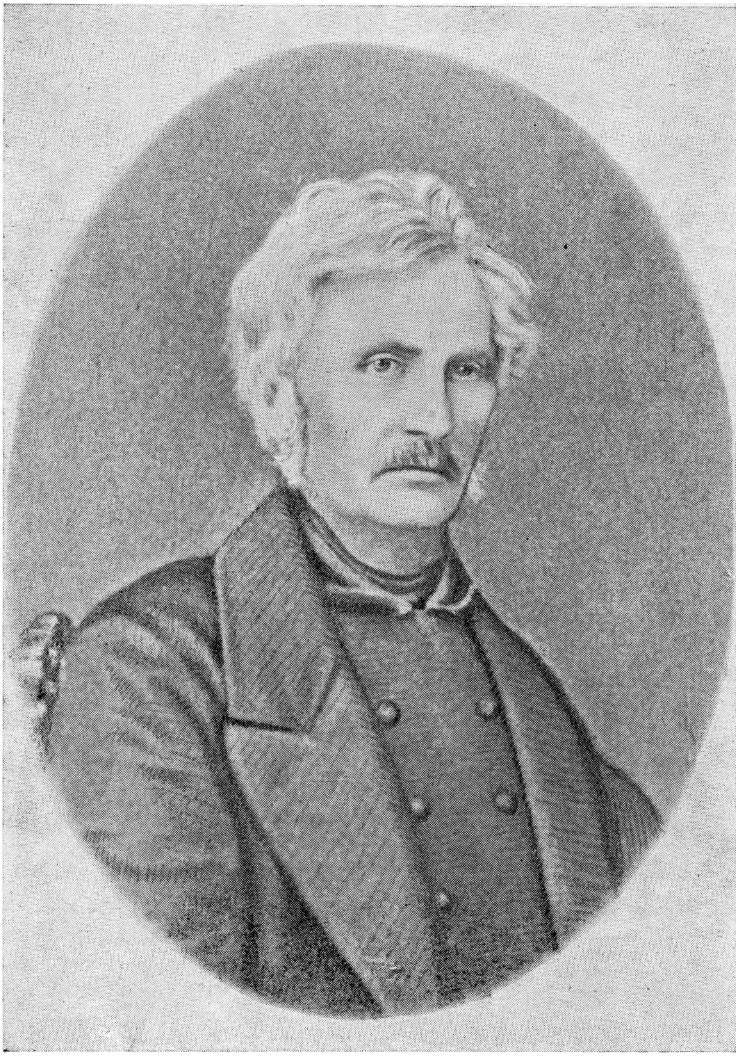
Л70171 Тираж 1000 Зак. 4301
Сдано в производство 2/XI 1940 г. Подписано к печати 16/XII 1940 г.
Печ. л. 5 Авт. л. 7,5 Бум. 70×108

Тип. Управления Делами СНК СССР. Москва, Ветошный, 2.

Серия историческая
№ 12

Дорогому
Георгию Петровичу
[illegible] — для [illegible]
Б. Г.
М. 20.I.41

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ
К 135-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
1805—1940



Эдуард Александрович
ЭВЕРСМАНН

„Покуда не будет у нас издана порознь Естественная История разных частей огромной Русской империи, дотоле нельзя и ожидать подобного творения в отношении к целому Государству. Да принесет каждый, что у него есть, что успел собрать: я приношу свое. Кому труд мой покажется слишком малым, тот покинь его; надобно было кому-нибудь приступить к началу, каждое же начало несовершенно, и мое, вероятно, также;—но оно может быть полезно до появления другого, более полного и совершенного сочинения".

Э. Эверсманн. 1840.

„Summa Zoologorum Rossicorum ratio est, ut satis videtur, faunam patriae studiose curandi. Eam, profecto instituere, pro viribusque et rerum conditione perficere quemque omnium maxime decet. Quod cum ad opus promovendum unius viri virtutes non sufficiant, quisque, ut opus, quod adhuc mancum est, tandem absolutum et perfectum evadat, suum conferat stipem"[1].

D. Eduardus Eversmann. 1845

„Наша наука должна называться столькож ученостию, сколько делом хозяйственным, которое без сомнения, в тойже мере будет извлекать отсюда свою пользу, в какой учение самое расширяется все далее в пределах".

Э. Еверсман, 1839.

Первые исследователи животного мира России, создавшие славу русской зоологии и географии, проложившие науке пути в новые страны, не пережили своего столетия. 25 марта 1735 г. в Петербурге скончался Даниил Готлиб Мессершмидт, первый исследователь природы России в XVIII веке. 17 декабря 1746 г. на пути с Тихого океана умер Георг Стеллер. 12 февраля 1755 г. скончался Степан Петрович Крашенинников, а 20 мая того же года—Иоганн Георг Гмелин, спутник Беринга. 22 июля 1774 г. пленником Табасаранского уцмия погиб его родственник Самуил Готлиб Гмелин. 31 марта 1774 г. в Казани застрелился Иоганн Петр Фальк. 23 марта 1781 г. умер спутник И. Г. Гмелина Иоганн Антон Гюльденштедт. 6 апреля 1802 г. скончался Иван Иванович Лепехин и 27 октября этого же года Иоганн Готлиб Георги. Последним из наших исследователей «века просвещения»—линнеевского и долиннеевского времени—8 сентября 1811 г. семидесятилетним стариком ушел

[1] „Главная задача русских зоологов, как само по себе понятно, заключается в том чтобы изучить фауну отечества. Для того, чтобы действительно начать этот труд, следует в зависимости от сил и условий работать каждому. Так как сил одного человека для этого недостаточно, пусть каждый принесет свою долю, чтобы труд, которого до сих пор нет, получился полным и отличным".

из жизни Петр Симон Паллас. Смертью этого поистине величайшего натуралиста, соединившего в себе все знания о природе, созданные его эпохой, и сделавшего для изучения России больше, чем кто-либо до и после него, кончился XVIII век.

Точный, с острым глазом, с ярким, но сдержанным умом, тонко чувствующий природу, совершенный энциклопедист в естественных науках, блестящий стилист, сделавший лаконичную четкость латинской речи своим органическим свойством, Паллас был не только истинным сыном своего века. Силой своего гения, воли и труда он сделался олицетворением науки XVIII века. Для нас это символическая фигура, определяющая отдельную эпоху в истории изучения нашей родины, эпоху со своим особым стилем науки. Поэтому смерть Палласа на грани двух веков не простое хронологическое совпадение.

Начало XVIII века застало Россию ставшей на путь европейского развития. Территория государства была огромна и простиралась до Тихого океана. Представления о ней у самих русских людей и прежде всего у правительства были в достаточной мере смутны. Необходимость точного знания страны для управления ею и осуществления своих планов были совершенно ясны Петру I. Он кладет основание изучению России путем организации специальных экспедиций. При его жизни и по его поручению большое семилетнее путешествие по Сибири (1720—1727) начал Мессершмидт. Петр сам замыслил знаменитое путешествие Беринга и сам писал для него инструкции. Широкий ум Петра ставил перед экспедициями не только практические задачи. Он всемерно поощрял и чисто научное исследование страны. Как все свои предприятия, Петр и это замыслил широко. Самому ему, впрочем, не удалось увидеть его результатов.

В послепетровские времена Академия наук, основанная в 1725 г., взяла в свои руки исследования природы России. Одним из самых крупных предприятий начального периода работы Академии наук было осуществление петровской идеи Великой северной экспедиции (1733—1743) Витуса Беринга с участием Стеллера. Предприятие, поставленное на широкую ногу (вплоть до включения штатного барабанщика....), как бы определило собою стиль основных будущих работ Академии.

Центральное место среди них занимают «академические экспедиции 1768—1774 годов». Это была продуманная система исследований путем организации крупных экспедиций, прекрасно снаряженных и снабженных и обладавших большими средствами. Экспедиции возглавлялись выдающимися учеными того времени, преимущественно иностранными членами Академии наук или специально приглашенными для путешествий. В помощь им и в выучку отправлялись молодые русские ученые вроде талантливого спутника Палласа студента Академии наук зоолога Никиты Соколова или ботаника Степана Михайловича Кашкарова.

Эти экспедиции имеют несколько замечательных черт. Первая — это широкая организация работ с приглашением действительно видных или выдающихся европейских ученых, как Паллас или представители знаменитой семьи Гмелинов. Вторая и, пожалуй, наиболее замечательная черта — это планомерность всей работы. Экспедиции были длительны и не только по причине медленности передвижения в те времена, но и с целью более детального исследования.

Нужно иметь ввиду, что исследовались не только «три царства природы», но собирались и этнографические и антропологические материалы, иногда изучались языки, промышленность, история, собирались медицинские сведения и многое другое. Разносторонность работ — тоже особенность этих исследований. Нельзя не обратить внимания и на то чрезвычайно важное обстоятельство, что все экспедиции работали в одно время. В результате получилась полная картина за одно десятилетие.

Наибольшее проявление планомерности всей организации видно в маршрутах. Экспедиции за краткий срок охватили все края необъятной страны: среднюю и северную части Европейской России, Кавказ и даже северный Иран и Сибирь с одной стороны — до южной границы государства, с другой — до Тихого океана и до устьев Оби. Это было грандиозное предприятие, не имевшее прецедентов в истории науки. Пожалуй, мало подобного было и в более поздние времена. В результате этих работ, проводившихся как государственное предприятие, если выразиться образно, для науки был открыт новый материк, а Россия сделалась по уровню знаний того времени, пожалуй, наилучше изученной страной, за исключением, может быть, Центральной Европы. Наконец последняя важная особенность академических экспедиций заключается в том, что результаты их были прекрасно изданы. Они составляют целое большое собрание выдающихся по качеству работ. Издание растянулось, и последние тома вышли уже в начале следующего столетия, но зато некоторые появились, когда путешествия еще не были закончены. Так Паллас писал, например, свою знаменитую «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches» во время зимовок в провинциальных городах.

Работы этой бурной эпохи в изучении России полны интереса и глубокого значения и для нас; на современников же они произвели огромное впечатление. По многочисленным переводам и извлечениям, сообщениям о ходе работ и т. п., которых очень много в западноевропейской литературе того времени, легко судить о том, как воспринял культурный мир это мероприятие Академии наук. Крупные экспедиции как государственные планомерные предприятия, изучавшие все «произведения природы», — вот основная черта исследований России в XVIII веке.

Вся работа шла через Академию наук — единственное тогда солидное научное учреждение. Московский университет был еще молод. Иван Алексеевич Двигубский еще только начинал свою деятельность. Местных людей, кроме очень немногих и совершенно одиноких исследователей, вроде, например, находившегося в Барнауле корреспондента Линнея, зоолога-любителя Э. Лаксмана (умер в 1796) или жившего в Оренбурге Петра Ивановича Рычкова (умер в 1777), не было, в сущности совсем.

Первая половина XIX века отличается от XVIII многими чертами — это другая эпоха в изучении России в зоологическом и зоогеографическом отношении. Государственных экспедиций в прежних масштабах уже не организуется, и частная, хотя и широко поставленная, Демидовская экспедиция в Новороссию представляет исключение. Как бы на смену немногим выдающимся зоологам Академии наук приходят зоологи Московского университета и других, еще совершенно молодых университетов: Казани (основан в 1805 г.), Харькова (1803 г.), Петербурга (1819 г.), Киева (1819 г.), а также Виленского и

Гельсингфорсского. Их возможности, прежде всего денежные, особенно в начале столетия, сравнительно скромны, но они получают очень сильную поддержку со стороны совершенно нового типа исследователей, а именно любителей. Число этих любителей совершенно неожиданно оказалось очень большим. Здесь уместно вспомнить имена Карелина, Демидова, Коленати, Гогенаккера, Эшольца, Мочульского, Романовского, Куприянова, Клауса, Крашенинникова, А. Умова, Цвика, Базинера, Ладыженского, Геблера и, наконец, С. Т. Аксакова. Частью это были просто коллекторы — аптекари, врачи, администраторы и т. п., доставлявшие материал специалистам, частью люди со специальным естественно-научным образованием или во всяком случае знаниями, но не профессионалы—ученые в нынешнем смысле слова. Многие выступали в печати. Среди тех и других было еще много иностранцев. Последнее объясняется, с одной стороны, тем, что они привезли с собою в Россию в то время уже очень распространенный на Западе интерес к природе, с другой же тем, что Россия, и не только ее окраины, была для всякого иностранца, конечно, «экзотикой». Они лучше чувствовали неизученность страны, чем местные люди, которые фатально всегда склонны считать интересным что-то отдаленное... Появление большого количества любителей объясняется в немалой степени и тем, что интерес к природе был сильно возбужден изданиями академических путешествий.

Университеты и относительно большое по тем временам число местных зоологов и коллекторов (живших главным образом в губернских городах, в значительной мере — в университетских) как бы заменили собою деятельность Академии наук. Она, конечно, не угасла, но, во-первых, по сравнению с прошлым веком, несколько сократилась, во-вторых же, на фоне общего бурного оживления в изучении России и развития университетской науки выделялась уже не столь резко. Если, выражаясь образно, в XVIII веке изучение природы России было поставлено более широко, чем глубоко, рисовались, так сказать, общие контуры и делались основные, более или менее грубые, мазки, то первая половина XIX века характеризуется углублением работы, известного рода детализацией. В частности это нашло свое выражение в изучении натуралистами отдельных частей государства, т. е. появление того типа людей, которых мы теперь называем краеведами. Наметилась и другая очень ясная тенденция: на смену немногим энциклопедистам-естественникам приходят специалисты в отдельных областях, т е. определившиеся ботаники, зоологи, геологи и т. п. Впрочем большое число их, по крайней мере из академических профессоров, в той или иной мере все еще соединяют в себе зоолога и ботаника или зоолога и геолога. Это происходит частью ex officio, в зависимости от тогдашней структуры факультетов, частью по традиции и образованию. Впрочем к концу первой половины века специализация выступает все резче, и среди зоологов, например, определяется большая группа энтомологов. Более или менее универсальные естественники или зоологи, как например Г. И Фишер, встречаются редко.

Эта эпоха характеризуется чрезвычайно интенсивным коллектированием. При кабинетах университетов и у частных лиц скопляются очень большие, частью широко известные коллекции. Первая половина XIX века может быть обозначена как период чрезвычайно бур-

ного собирания фактов, зоологических и ботанических «документов», интенсивной полевой работы и в связи с этим энергичной разработки фаунистики и систематики. Огромный фактический материал, накопленный первой, так сказать, аналитической половиной века, послужил основой для второй, «синтетической» половины его, родившей много обобщений и, прежде всего, дарвинизм.

На всем описанном процессе развития изучения России вширь и вглубь сказался один очень важный фактор — основание в 1805 г. Московского общества испытателей природы. Конечно, сама по себе организация этого первого в России объединения натуралистов была результатом определенной потребности, ясно осознанной тогдашним образованным обществом. Однако можно без всякого преувеличения сказать, что Общество испытателей природы сразу же сделалось не только организатором имевшихся в стране естественно-научных сил, но и находило их и формировало. В значительной степени именно Общество создало тот широкий круг весьма видных зоологов, который имелся в России к середине XIX века. Общество было «основателем и создателем живейших естественно-научных интересов по всей России»[1]. В этом огромная заслуга основателя и долголетнего руководителя Общества Григория Ивановича Фишера.

Именно он был тем человеком, который не только сделал Общество очагом наиболее деятельной и передовой естественно-научной мысли в России, но и сумел сразу поставить Общество в ряды наиболее заслуженных европейских ученых обществ и сразу создать ему в высшей степени солидную репутацию среди ученых всего мира. Достаточно пересмотреть комплекты изданий Общества за первые пятьдесят лет его существования, чтобы убедиться в том, что мы имеем перед собою действительно международное издание, в котором участвовали авторы разных стран и печатались статьи о разных территориях — до Южной Америки включительно. «Бюллетени» и «Мемуары» Общества были несомненно не только одним из самых солидных и наиболее известных у нас и за рубежом научных изданий, но и главным организатором естественно-научной мысли и работы в России. Наравне с именами корифеев науки мы постоянно встречаем в этих изданиях имена весьма скромных научных деятелей и среди них очень много провинциальных и молодых — свидетельство все того же бурного расширения интереса к естественным наукам, характеризующего первую половину XIX века.

Мы предпослали биографии Эдуарда Александровича Эверсманна эту попытку кратко обрисовать некоторые стороны в истории русской зоологической науки потому, что нам представляется, что в нем, в его трудах и ученой деятельности совершенно отразились характерные черты русского ученого-зоолога и путешественника первой половины XIX века. Он родился на грани двух столетий, имел в себе черты прошлого века, создавал зоологию своего столетия, влиял на ее развитие и несомненно принадлежал к числу выдающихся исследователей животного мира России.

Задача обрисовать фигуру Э. А Эверсманна, хотя и привлекательна, но трудна. Сведения о его жизни и деятельности очень скудны. Устных сведений, конечно, нет, и, кроме того, мы почти не имели

[1] Из письма Рижского общества естествоиспытателей при посылке диплома на звание почетного члена Г. И. Фишеру.

в своих руках архивных материалов. Нами просмотрены лишь архивы Московского общества испытателей природы (письма Эверсманна[1]), в остальном же приходилось основываться на весьма скромных и частью неточных и противоречивых литературных известиях, из которых, к сожалению, не все даже оказались доступны, и главным образом на изучении работ самого Э. А. Эверсманна. Сказанным и объясняются большие пробелы в дальнейшем изложении и известного рода односторонность его. За некоторые интересные сведения автор весьма признателен проф. М. Д. Рузскому (Томск).

Эдуард Александрович (Эдуард Фридрих) Эверсманн был по происхождению немец. Он родился 11 января 1794 г. в деревне Верингаузене (Wehringhausen) близ г. Гагена (Hagen) в Вестфалии, западной (Прирейнской) промышленной провинции Германии. О его родителях и семье сведений почти нет. Отец его был специалистом по металлургии и занимал, повидимому, довольно заметное положение, будучи директором фабрик. Эверсманн вместе с другими детьми учился дома, где получил хорошее образование и тщательное воспитание. Его обучение велось в таком направлении, что оказалось прекрасной подготовкой для будущего естественника. Он, хотя с большим трудом, овладел древними языками и много занимался математикой и физикой. Отец, повидимому, хотел видеть в сыне продолжателя своего дела и подготовить из него хорошего металлурга и специалиста горного дела, и поэтому молодой Эверсманн занимался минералогией и металлургией.

В 1811 г., т. е. 17-ти лет от роду, Эверсманн поступает на службу на горный завод в Гарце. Это было вызвано, видимо, не потребностью в заработке — семья Эверсманна была, если и не богата, то, можно думать, более или менее обеспечена. Очевидно отец хотел, прежде чем послать мальчика в университет, познакомить будущего инженера с практикой заводского дела. Работа в Гарце длилась всего год и мы о ней никаких подробностей не знаем.

Свои студенческие годы Эверсманн начинает в 1812 г. в Марбургском университете, а затем учится в Берлинском, Дрезденском, Галльском, Магдебургском[2]. Повидимому молодой натуралист стремился слушать лучших профессоров, а их в то время в Германии было не мало. Впрочем, по тем временам в этом не было ничего необычного, и скитанию по университетам ради определенного лектора и курса предавались многие. Совершенно так же, изучая медицину, через тридцать лет скитается по университетам Берлина, Галле, Вены, Праги, Парижа и старший сын Э. А. Эверсманна, получивший докторский диплом в конце концов в Москве.

С настойчивостью и увлечением (комбинация, характерная для всего облика Эверсманна) он с большим успехом изучает самые разнообразные науки и получает весьма солидное и разностороннее образование, что позднее сказывается на всей его деятельности. В Марбурге, в первый свой студенческий год, Эверсманн занимается исключительно физико-математическими науками и больше всего увлекается минералогией, геологией и металлургией.

В 1813 г. он попадает в Берлинский университет, где сначала про-

---

[1] Все ссылки на письма Эверсманна ниже относятся к этой серии.

[2] Сведения о Дрезденском и Магдебургском университетах не вполне достоверны.

должает работу в той же области[1]. Однако тут происходит резкий поворот в его занятиях, поворот, который определил течение всей его дальнейшей жизни. Дело в том, что у Эверсманна уже в самой ранней юности был очень яркий и определенный интерес к живой природе и прежде всего к животным и к наблюдениям над их образом жизни. Это было, как писал впоследствии его учитель, «природное стремление» («innerer Trieb»). Оно было лишь приглушено семейными традициями и волей родителей, да и острая любознательность ко всему окружающему, характерная черта Эверсманна, давала ему удовлетворение в изучении техники и мертвой природы, которой он, впрочем, интересовался всю жизнь. Вспышку его «природных стремлений» обусловило знакомство со знаменитым берлинским профессором, зоологом Лихтенштейном, который читал в университете и ведал там музеем — одним из богатейших в Европе. Эверсманн горячо увлекся зоологией, особенно энтомологией и, не бросая других своих занятий, предался ей целиком и сделался близким учеником Лихтенштейна. Здесь человек определился сразу и бесповоротно. Зоологическая наука стала его страстью, которой он отдал всю жизнь. Здесь же осознал он и свое другое столь же мощное стремление — жажду путешествий и путешествий именно в новые, далекие и неисследованные страны.

«Необычайно сильное природное стремление рано заставило его строить планы путешествий в чужие страны и искать для своих наблюдений широкое поле», — писал о нем Лихтенштейн. Стремления Эверсманна были очень близки самому Лихтенштейну, систематику и зоогеографу, занимавшемуся главным образом птицами и млекопитающими прежде всего «экзотических» стран, в частности африканскими. Довольно естественно, что у весьма деятельного и энергичного профессора и молодого человека с «необычайно сильной» и несколько романтической страстью к путешествиям в далекие страны оказалось много общего. Юного студента и известного профессора соединяли дружеские отношения, которые не порывались до самой смерти Лихтенштейна (1857 г.). Это был, видимо, любимый учитель Эверсманна, который всегда сохранял к нему глубокое уважение, как и привязанность к Берлинскому университету Лихтенштейн имел в Эверсманне постоянного корреспондента, и именно к Лихтенштейну посылал он нередко, особенно в первые послестуденческие годы, свои коллекции. Материал для ряда работ и новоописаний Лихтенштейна, собственно для всех его работ по русской фауне, дал Эверсманн.

Свои учебные годы после всех скитаний по университетам Эверсманн закончил в Галле, где защитил 9 августа 1814 г. перед факультетом диссертацию «De affinitate chemica» (1), то есть по теме, которая внешне никак не связана с определившимися уже интересами молодого натуралиста и отражает первый период его учебных занятий. Он получил за эту работу степень доктора философии и магистра свободных наук. Университетский курс Эверсманн прошел в исключительно короткий срок — всего в два года.

В этот момент Эверсманну было 20 лет. Он был известен некоторым видным ученым, знания и энергия его были очевидны. Пе-

[1] Есть указание, что кратковременная работа в Гарце пришлась на период после учения в Марбурге и до перехода в Берлинский университет. Повидимому это не так.

ред молодым доктором, естественно, стал вопрос об избрании пути жизни Создались новые благоприятные обстоятельства — Эверсманн был удачлив. Отец его получил от русского правительства приглашение приехать в Россию и построить в Златоусте оружейный завод. Деятельность старшего Эверсманна была успешна, завод был построен, и он некоторое время был его директором, имея чин берггауптманна, что соответствовало полковнику. Повидимому в 1820 г, получив награду, он вернулся на родину, где и умер, по некоторым данным около 1837 г. В письме к Ренару, секретарю Общества и своему большому другу, написанном 20/VII 1855 г, под свежим впечатлением посещения Златоуста после 35-летнего отсутствия, Эверсманн сообщает об этом так: «Златоустовскую фабрику основал мой покойный отец и пригласил в 1813 и 1814 гг. немецких мастеров из Рейнских областей и Страсбурга, Ремшейда, Золингена, Клингенталя До 1806 г. мой отец был в прусских провинциях директором фабрик и после 1806 г. при французском управлении Inspecteur générale des fabriques et manufactures Прирейнских областей. В 1813 и 1814 гг. во время войны у этих местностей не было хозяина и, таким образом, отец имел возможность вывезти оттуда лучших мастеров. В пять лет мой отец окончил постройку фабрики в Златоусте, которая снабжает всю русскую армию холодным оружием; за это по окончании работы он получил 9000 р. ежегодной пенсии, которую ему выплачивали еще через 17 лет после этого в Берлине; после его смерти его дочери—мои сестры—получали по 3000 р. пенсии, которой они пользуются еще и сейчас». Сестер у Эверсманна, повидимому, было две.

В 1814 г, или в начале 1815 г., Эверсманн вместе с отцом едет в Россию. Это, однако, не имело никакого отношения к его занятиям техникой и не отражало намерения стать помощником отца. Им двигала страсть к путешествиям, которая уже совершенно овладела им, и жажда изучения новых стран. Он хотел найти не просто малоизученную страну, но именно «широкое поле» для приложения своих сил, широкое в прямом географическом смысле. У него уже в то время оформилось вполне определенное намерение исследовать внутреннюю Азию, бывшую совершенной «terra incognita». Сведения о ней были настолько ничтожны, что, например, А. Гумбольдт еще в более позднее время предполагал там даже существование большого числа огромных вулканов Внутренняя Азия в то время начиналась у Оренбурга и Каспийского моря, Эверсманн же мечтал пройти не больше не меньше, как в Кашгарию и в Тибет... Для того времени эти планы выглядят фантастическими Однако широкие планы Эверсманна несомненно делают честь молодому ученому, тем более что, как видно из дальнейшего, отнюдь не были плодом незрелого ума.

У Эверсманна не было средств, чтобы рассчитывать на организацию дальней экспедиции, да такая экспедиция по тогдашним условиям и не могла бы осуществиться даже при наличии больших денег. Он избирает другой путь. Отец едет к месту назначения, а Эдуард останавливается в Дерпте (Юрьеве, ныне Тарту) и принимается за изучение медицины. Медицина сама по себе интересовала его мало, она была лишь средством к достижению главной цели — путешествию вглубь Азии. Молодой человек зрело оценил, что «табиб» на Востоке (впрочем, не только там...) весьма почтенное лицо и лекар-

ское искусство открывает много дверей и дорог — во всяком случае больше, чем диплом доктора философии и свободных искусств. Стремление к путешествиям и изучению Азии было очень сильно, но Эверсманн считал нужным подготовиться к ним по-настоящему, даже если бы это потребовало нескольких лет. Этот 20-летний юноша был умен, страсть соединялась в нем с твердой волей, и он уже в молодости обладал редким свойством умных и сильных людей — умением ждать.

Эверсманн — дерптский студент, выглядит в достаточной мере своеобразной и красочной фигурой, а для тех, которые представляют его себе зрелым человеком, в известной степени неожиданной. Его товарищ по студенческим годам, близкий друг в течение всей жизни, впоследствии известный химик профессор К. Клаус, так описывает Эверсманна в Дерпте. — «Уже при своем первом появлении в 1815 г. он обратил на себя всеобщее внимание, особенно в дамском мире, где его называли красавцем Эверсманном. Все в нем было иным, сравнительно с тем, что привыкли видеть среди здешней учащейся молодежи — одежда, манера держаться и самый образ жизни; в то время среди дерптских студентов[1] царили еще допотопные студенческие обычаи, тогда, как в Германии проявились новые идеи в корпорантской жизни «буршей». Эверсманн, как бурш, сразу попал в другую обстановку. Правда в не совсем чуждую ему, но и не вполне соответствующую. Однако, как раз это «исключение из общего тона» обратило на Эверсманна внимание и его корпорантов и привело ко многим трениям, которые, казалось, как бы для того и возникали, чтобы обнаружить его храбрость и духовное превосходство и силой вырвать себе уважение и любовь товарищей-корпорантов.

Может быть, кто нибудь еще помнит эту высокую стройную юношескую фигуру, которая, ни в какой мере не стараясь обращать на себя внимание, там и здесь появлялась на улицах Дерпта. Густые темнорусые волосы падали на затылок и были едва прикрыты задорно посаженным маленьким черным бархатным беретом. Почти женская шея была открыта и сильная грудь украшалась белоснежным широким отложным воротником сорочки. Черный бархатный казакин плотно облегал стройную фигуру. Белые, немного слишком широкие, штаны дополняли фантастический костюм, который сразу выдавал заядлого бурша-корпоранта. К этому нужно вообразить себе, правда бледное, но настолько красивое и правильное лицо, что оно казалось вышедшим из-под резца Пирготелия. Совершенный греческий профиль с голубыми глазами — глазами, которые были прекрасны, однако, по выражению серьезности и твердости в них, казались принадлежащими не юноше, но зрелому мужу. Кто мог бы подумать, что эта привлекательная фигура слонялась с некрасивыми движениями, с такой небрежностью («nonchallance»), что казалось, что он не идет, но как бы заставляет себя итти. И кто опять-таки мог подозревать, что под этой ленивой вялостью движений скрывается исключительная ловкость. Он был прекрасным наездником, стрелком и фех-

[1] In der Burschenschaft — имеется ввиду специфическая студенческая корпорантская жизнь („comment“) с ее своеобразными обычаями, традициями, костюмом, манерами, в частности постоянными дуэлями на шпагах и т. п. Корпорантство в западных университетах представляло собою в то время очень важную сторону жизни студента. В Дерпте эти традиции соблюдалось весьма строго.

товальщиком, фехтовал левой рукой с такой же уверенностью, как и правой, и в этом превосходил всех своих корпорантов; кроме того, у него были очень ловкие пальцы и он обладал талантом механика, великолепно рисовал, что ему, как зоологу, впоследствии было очень полезно, и был вообще очень практический человек» (Писано в 1860 году).

Жизнь студентов в то время была в достаточной мере рассеянной, но этот «бурш-дэнди» умел работать. Он окончил второй факультет, как и первый, в невероятно короткий срок, в два года, и за это же время успел подготовить и докторскую диссертацию. Это в некоторой степени зависело и от того, что Эверсманн имел хорошую естественно-научную подготовку, однако, главное было, не говоря о блестящих дарованиях, в той колоссальной трудоспособности, которую он проявил здесь и проявлял всю жизнь.

Свою докторскую диссертацию «De systemate gangliorum et cerebiali» Эверсманн успешно защищает перед ученой коллегией русского Юрьевского (Дерптского) университета 23 февраля 1816 г. Под громоздким титулом диссертации (2) скрывается маленькая тетрадочка в шестнадцатую долю листа, написанная по-латыни Содержание ее не выглядит особенно солидным. Она очень похожа на диссертацию «только для диплома» и не представляет собою результатов специального спытного исследования. Любопытны тезисы, в которых отразился уровень медицины того времени.

«THESES

I

Nomen axis pelvis sensu geometiico minime defendi potest.

II

Hydrops semper morbus asthenicus.

III

Matiis phantasiam ad foimationem foetus monstrosam contribuere posse, contendo.

IV

Est methodus prophylactica.

V

Calorigenationem praecipue in finibus arteriarum, mutatione sanguinis in materiam concretam, gigni, contendo.

VI

Duo neivoium systemata (systema gangliorum et cerebrale) accipienda esse mihi videtur.

VII

Instinctum activitate systematis gangliorum pioduci, puto.

VIII

Paritei et systema ceiebrale, nervosque ad id pertinentes sedem intellectualitatis esse, credo.

IX

Lumen minime materies».

Подготовка к путешествиям не ограничивалась изучением медицины. Эверсманн всячески закалял себя, приучал к лишениям и заставил себя приобрести массу мелких практических навыков, познакомился с некоторыми ремеслами и т п. и даже научился делать фокусы, считая и это полезным для своих планов[1].

Эверсманн несомненно был хорошим и знающим врачем, чему, конечно, не мало содействовало его широкое естественно-историческое образование. В его работах встречаются замечания, ясно обнаруживающие и живой интерес к медицине. До последних лет Эверсманн был в курсе новых течений во врачевании, и если в его сочинениях встречаются места, с нашей точки зрения, наивные и даже несколько анекдотического свойства, то в этом вина не его, а тогдашней медицины. Вообще же, как сказано, медицина не была призванием Эверсманна. Медицинских сочинений он не писал и практиковал мало, хотя не без успеха.

С дипломом доктора медицины и повивального искусства, вскоре после защиты диссертации в конце того же 1816 г., Эверсманн едет к отцу в Златоуст. Здесь его уже ждет университетский (дерптский) друг Василий Тиле (Thiele)[2], который занимал должность врача на оружейном заводе. Эверсманн помогает ему в работе, занимаясь особенно хирургией и глазными болезнями; он старается усовершенствовать свои знания все с теми же целями. Через некоторое время (18/II 1818 г.), увидев, что к путешествию он еще не готов, Эверсманн берет такую же должность фабричного врача на заводе, которым ведает его отец. Медицинская практика Эверсманна в период с 1816 по 1820 гг., пока он жил в Златоусте, была очень успешна, и он быстро завоевал себе репутацию и даже известность, притом далеко за пределами Златоуста Его уже хорошо знали в Оренбурге, в центре края. Это в немалой степени помогло в дальнейшем осуществлению его планов путешествий.

Переезд Эверсманна на Урал лишь в малой степени связан с присутствием здесь отца (позже последний вернулся в Германию), но, прежде всего, был шагом к осуществлению того же плана проникновения вглубь Азии. Южный Урал и Оренбург были в то время воротами в Азию Эверсманн был человеком, строившим свою жизнь по определенной намеченной системе. Переезд его на Урал — логическое развитие плана, начатого переездом в Россию

Контраст между Уралом с окружающими его почти сплошь целинными степями и наиболее промышленными районами Германии был очень резок, и, попав на Урал в обстановку богатой и разнообразной природы, в то время еще мало тронутой всякого рода разрушительными воздействиями, Эверсманн не был разочарован. Даже почти через 30 лет — 16 июня 1843 г — свой доклад Академии

---

[1] У него было свое представление о типе ученого-путешественника. Незадолго до его смерти проездом из Восточной Сибири его посетил, тогда еще совсем молодой, Г. И Радде. Он понравился Эверсманну, который пишет о нем Ренару „Радде кажется созданным для того, чтобы гоняться по таким диким местам он довольствуется малым и у него здоровое тело и веселый дух“

[2] Дружба связывала Эверсманна с Тиле всю жизнь Впоследствии Эверсманн помог Тиле перейти в Казань и вообще всячески покровительствовал ему.

наук о животном мире южных предгорий Урала, он, человек весьма вообще сдержанный, начал словами: «Прекрасная страна!».

Эверсманн сразу и с увлечением начинает заниматься изучением края, приступает к ведению научных дневников, которые в дальнейшем он пишет всю жизнь. Видимо лекарские обязанности оставляли ему достаточно времени, и он совершает, как можно судить, поездки, повидимому, довольно отдаленные, нередко бывает и в Оренбурге. В этом важном, хотя и маленьком военно-административном городе Эверсманн знакомится со многими видными в то время людьми, в том числе и начальствующими, в частности с губернатором Эссеном, с которым раньше виделся во время его посещения Златоуста Известность Эверсманна частью объясняется и тем, что его отец был в местных кругах фигурой весьма заметной. Это тоже было благоприятным обстоятельством. С самого начала Эверсманн энергично коллектирует. Уже в 1818 г. Берлинский музей получает от него первую посылку с коллекциями (млекопитающие, птицы, насекомые, растения, камни), в 1819 г. вторую и 1820 г. третью Берлинский музей он снабжал и позже, но в гораздо меньших размерах.

На Урале, на границе со степью, ознакомившись с обстановкой, Эверсманн не оставил своих планов путешествий в Центральную Азию. Можно даже сказать, что положение того времени могло особенно возбуждать страсть к дальним странствиям, хотя, с другой стороны, именно здесь было очень легко убедиться, насколько трудно предприятие такого рода Однако ясно обнаружившиеся препятствия, как увидим дальше, не остановили Эверсманна, но, видимо, даже усилили его энергию.

Положение на востоке Европейской России в то время было очень своеобразно, и Оренбург и окружающие его области привлекали тогда большое внимание. Длительная правительственная и народная экспансия русских на Восток, достигшая еще в XVII веке Тихого океана, шла, однако, как бы в обход Казахских степей. Населенные воинственными и сильными родами кочующих казахов, имевших в тылу турано-кашгарские монархии, казахские степи сохранили независимость от России, но все же оказались охваченными полукольцом русских владений. Вместе с тем, степи в силу враждебности их населения и по причине трудности в них военных операций служили источником постоянного беспокойства русского правительства и пограничных властей. Отряды казахов и туркмен то и дело устраивали набеги, угоняли скот, грабили караваны на важных для России торговых путях, убивали и уводили людей, которых потом продавали на невольничьих рынках Бухары, Хивы и Коканда.

Особенно мешали торговле с Востоком, главным образом Бухарой, хивинцы, действовавшие очень большими отрядами в районе Арала и Сыр-дарьи, но также и в значительном отдалении от них Хивинцы одинаково досаждали как русским, так и бухарцам и грабили мирных скотоводов-казахов. Целью хивинских набегов и нападений на караваны были не только товары и скот, но и люди. Хива была главным поставщиком и рынком рабов.

Русское правительство пыталось умиротворять степь, привлекая на свою сторону ханов и родовых начальников, которые сами были угнетателями и эксплоататорами своего народа, и из которых некоторые даже переходили в подданство России. Однако власть ханов и

маленьких князьков над кочевым населением была в достаточной мере призрачной и не могла обеспечить таких условий в степи, которые были нужны русскому правительству. Поэтому против степи принимались меры военного характера, и к началу XIX века она оказалась охваченной плотным кольцом русских военных гарнизонов.

Некоторые военные мероприятия против Средней Азии имели главной целью хоть сколько-нибудь умерить опасность хивинских набегов.

Несмотря на постоянную тревогу на границах, степь издавна была в торговом отношении связана с Россией Очень оживленные и давние торговые отношения, не менее важные, чем с казахами, были у России и с Хивой, Бухарой, Кокандским ханством, а также с Кашгарией и Китаем. Караванные пути из этих стран шли через степь и главным узлом их был Оренбург (ныне Чкалов) с его Меновым двором — постоянной ярмаркой и таможней.

В Орске, Троицке и других городах, а главным образом в Оренбурге, постоянно бывали кокандские, бухарские и кашгарские купцы Некоторые из них жили здесь подолгу и среди них бывали люди, ходившие в Китай, Кашгарию, Индию. Многие русские мусульмане, которым путь в единоверные земли был всегда свободен, побывали по торговым делам на юге или паломничали в Бухару. Связь русских татар со Средним востоком всегда была сильна. Бухара была для них не только вторым после Мекки священным городом, но и центром мусульманского духовного образования и учености.

В такую атмосферу «преддверия Востока» попал молодой Эверсманн со своими планами путешествия вглубь восточных стран. Со свойственной ему энергией и настойчивостью Эверсманн отыскивает бывалых людей и прежде всего восточных купцов и собирает у них нужные ему сведения. Они касаются, главным образом, конечно, дорог и торговых путей по Турану, Кашгарии и в Тибет. Сразу обнаружились огромные трудности, и о снаряжении научной экспедиции при порядках в восточных странах, управлявшихся деспотическими правителями, не могло быть и речи. Эверсманн принимает смелое решение двинуться к цели своих мечтаний под видом купца и одновременно врача, переодевшись и выдавая себя за мусульманина. В этих условиях необходимо было, конечно, не только тонкое знание восточных нравов, но и языков, и Эверсманн так же, как недавно медицину, изучает восточные языки, прежде всего татарский, но кроме того арабский и персидский, а также совершенно необходимые в то время для всякого видного мусульманина основы мусульманской культуры и образованности. В этом деле он достиг больших успехов и в одной из своих работ смог даже дать параллельный словарь с начатками грамматики татарского, персидского и афганского языков.

Научная работа при врачебной деятельности, службе и изучении языков и нравов Востока не прекращалась, и Эверсманн понемногу становится известен как энергичный исследователь и знаток Урала. Первые годы он еще ориентируется на родной ему Берлинский университет, однако понемногу он становится известен и русским ученым. Прежде всего он завязывает отношения с Московским обществом испытателей природы, вступившим тогда во второе десятилетие своего существования, и находится в переписке с вице-президентом Общества Г И. Фишером. 20 мая 1820 г. Общество из-

бирает Эверсманна своим действительным членом, хотя, в сущности, как естествоиспытатель он еще не успел себя формально ничем проявить — ученых трудов, кроме диссертаций, у него еще нет. Общество, так сказать, «открыло» Эверсманна, сумев в молодом и никому еще неизвестном провинциальном враче-натуралисте, с весьма скромным общественным положением, увидеть будущего большого ученого. Признание со стороны европейских ученых коллегий пришло позже. Эта дата в биографии Эверсманна весьма важна — он становится одним из самых деятельных, а впоследствии и одним из самых видных членов Общества Большая часть работ Эверсманна была напечатана в изданиях Общества. К Обществу он всегда относился с большим уважением и вниманием и очень охотно шел ему на помощь. В частности, как можно судить по письмам, ради просьб Общества о статьях для его изданий он откладывал все дела. Эверсманн очень берег репутацию Общества. В одном из писем к Ренару он с явным неудовольствием пишет о статьях Киреевского, человека, которого он хорошо знал лично и считал очень приятным и образованным. Тем не менее статьи его, по мнению Эверсманна, плохи и совершенно не соответствуют высокому научному уровню изданий Общества.

Путешествие было обдумано и сам Эверсманн был к нему подготовлен, однако достаточных средств у него не было Здесь ему помог тогдашний военный губернатор Оренбурга генерал Эссен. Во время одной из своих инспекционных поездок он посетил Златоуст, познакомился с молодым Эверсманном и заинтересовался им и его планами. Даже без просьбы со стороны Эверсманна он исхлопотал правительственную поддержку начинанию молодого натуралиста. Кроме того для приобретения инструментов, снаряжения для сборов, необходимых книг и т. п. известную сумму, по всей видимости при посредстве Лихтенштейна, Эверсманн получил от прусского министерства духовных дел, просвещения и здравоохранения. «Таким образом, — пишет он, — в денежном отношении я был снаряжен в избытке и в мечтах видел себя уже на вершинах Тибета».

Почувствовав себя окончательно готовым, (была отпущена даже длинная борода), он подает в отставку, получает ее 16 мая 1820 г и, по совету Эссена, уезжает из Златоуста в Оренбург, чтобы присоединиться здесь в качестве купца к одному из бухарских караванов, пройти с ним в Туркестан и затем пробираться дальше Караваны ходили относительно редко, так как для безопасности нужно было собираться в большом числе Эверсманн намеревался уйти с одним из осенних караванов.

Как раз осенью 1820 г. русское правительство отправляло в Бухару под руководством Негри дипломатическое посольство. С согласия властей переодетый восточным купцом Эверсманн присоединился к нему со своими товарами наравне с многими другими купцами, для которых путешествие с миссией создавало условия большей безопасности в пути. Неофициально Эверсманн выполнял обязанности врача. Штатным натуралистом при посольстве был друг Эверсманна зоолог Юрьевского университета д-р Пандер, собравший, впрочем, очень мало материала.

После довольно долгих приготовлений и даже торжеств посольство 10 октября 1820 г. вышло из Оренбурга и покинуло русские владения. Это был огромный караван из 500 (с купеческими — 700)

верблюдов, с большим числом обслуживающих и с солидной военной охраной, состоявшей из 230 конных казаков, стольких же пехотинцев и двух пушек С собой было взято 200 бочек воды, 15 войлочных кибиток и 2 таких лодки, что из них получался плот на 20 человек. Движение шло совершенно военным строем — впереди шел старый казах-проводник, за ним казачий авангардный отряд, далее двигались верблюды, пехотинцы, орудия и т. п., и замыкалось это шествие опять казачьим отрядом. Чтобы обезопасить себя от неожиданного нападения, на значительном отдалении вокруг каравана все время держались конные казачьи дозоры. Чтобы несколько отделиться от каравана, приходилось брать конвой из нескольких казаков, а на двухдневную экскурсию в низовья Сыр-дарьи было взято 40 человек охраны. Предосторожности были совсем не напрасны. Так в северных Кызыл-кумах лазутчики донесли, что 4 000 хивинских разбойников ожидают караван на одном из колодцев Разведка не обнаружила врагов, и путь прошел спокойно. Однако, несколькими днями позже, большой бухарский караван был здесь разграблен и поголовно вырезан. Два других — из Орска и Троицка, — узнав о готовящемся на миссию нападении, повернули назад.

Караван двигался медленно, с дневками, держась основного бухарского торгового пути от Оренбурга к северо-восточному углу Аральского моря и отсюда через Кызыл-кумы прямо к Бухаре (маршрут см. в приложении). Путь был скучен, так как животная и растительная жизнь в степи замерла, и Э в е р с м а н н занимался географическими и, главным образом, геологическими наблюдениями. Однако в общем ему удалось добыть все же много интересного и нового (см. ниже). По дороге к посольству присоединился и провожал посольство до Сыр-дарьи со своей свитой один из дружественных России казахских ханов А р у н г а з и-А б у л - г а з и. В его ставке Э в е р с м а н н имел возможносоть применить свои медицинские знания в типично восточной обстановке. Позже в Бухаре он сделал несколько простых операций, произведших на его бухарских местных коллег, совершенно, конечно, невежественных, большое впечатление. Его первый дебют был не очень удачен. Он вызвал насмешки хана тем, что не смог определить у него сифилиса по пульсу — хороший врач, по мнению казахов, должен был так распознавать любую болезнь. Зато с применением некоторых хитростей Э в е р с м а н н у удалось все-таки, пощупав пульс жены хана, установить, что она бесплодна и тем несколько укрепить свою репутацию.

12 октября экспедиция была у Битли-су, 16 — у Кара-Бутака, 17—19 проходила истоки Илека, далее, пройдя через верховья Эмбы, 20 пересекла Мугоджары и 4 ноября вступила в Большие Барсуки, где остановилась у колодца Куль-кудук. Пройдя колодцы Шур-кудук, 9 ноября вступили в Малые Барсуки. Через истоки Сары-булак и песчаные холмы Терменбес, 12 ноября достигли песков Кара-кум (аральских). С возвышенности Кюль 13 ноября наконец увидели вдали Арал. Через пески Сапак-кум достигли большого озера, соединявшегося с Сыр-дарьей Здесь была сделана двухдневная экскурсия по камышам Сыр-дарьи, населенным нищими, недавно вконец обобранными хивинскими отрядами, казахами. 20—22 ноября огромный караван переправился через Сыр-дарью—сначала пушки и вьюки, потом животные. Вступив в Междуречье, 24 ноября достигли Куван-дарьи, 1 декабря Джаны(Янги)-дарьи и 4 вступили в пески Кызылкум-

ской пустыни. 7 декабря были у колодцев Юз-кудук и 11 декабря прошли холмы Сусык-кара. 12 были у Кара-ата, вступив в пределы Бухарского государства; здесь Негри встречали первые представители хана. 16 вступили в культурную зону Бухарского оазиса у кишлака Кагатана, 17 прошли город Вафкенд и 18 декабря после двух месяцев и девяти дней пути, сделав около 1 700 км (1 596 верст), торжественно встреченное посольство подошло к стенам Бухары и 20 вступило в город. Эверсманн еще 18 декабря отделился от миссии и первым из европейских ученых въехал под видом купца в ворота таинственной и знаменитой Бухары и расположился в татарском караван-сарае. Можно себе представить, что 26-летний путешественник, вероятно, не без волнения отметил этот этап в исполнении своих планов и мечтаний.

О жизни Эверсманна в Бухаре ничего доподлинно неизвестно. Во всяком случае, он работал и собирал здесь сведения весьма энергично. Его привлекало все — сам город и его планировка, генеалогия эмира, национальный состав и особенности отдельных групп населения, торговля, земледелие и скотоводство, болезни, врачевание и лекарства, нравы населения и т. п. Видно, что человек работал с жадностью и старался впитать в себя все, что он видит вокруг. Занятия эти были не очень безопасны. Нравы бухарского правительства были ужасны, сам властитель эмир Кайдар-хан был жесток и скор на расправу, город положительно кишел шпионами. Вместе с тем, всякий вопрос или поступок, не относящийся непосредственно к торговле, со стороны иностранца, которым был «татарский купец», мог очень легко вызвать подозрения, чреватые самыми ужасными последствиями. Еще двадцатью годами позже эмир Насрулла убил, после жестоких истязаний, посланных к нему английским правительством Стоддарда и Конолли. Их не могло спасти вмешательство гостившего тогда в Бухаре и весьма влиятельного посольства горного инженера Бутенева и Богословского. Эверсманн же был совершенно беззащитным неофициальным лицом.

Чтобы не обращать на себя внимания, Эверсманн писал свои заметки тайком по ночам. Самое замечательное то, что он в такой обстановке ухитрялся даже собирать насекомых. Там же и при таких же обстоятельствах он свел свои наблюдения и изложил их систематически. Это и была знаменитая «Reise». Эверсманн очень торопился с этой работой и закончил ее в три месяца, предполагая отправить рукопись с посольством в Россию и, далее, Берлинскому университету для печати. Он уже приготовился присоединиться к торговому каравану, который должен был вскоре отправиться в Кашгар с тем, чтобы дальше итти в Тибет.

Эверсманн очевидно представлялся бухарскому хану, во всяком случае он получил разрешение на дальнейший путь, и ему было обещано покровительство. Однако все эти планы неожиданно рухнули. В вечер перед отправлением на Восток Эверсманн узнал (как именно — неизвестно), что один из бухарцев, который имел случай познакомиться с Эверсманном в Оренбурге, опознал его и раскрыл хану действительное лицо «татарского купца». Тот решил, что он имеет дело с русским шпионом. Открыто расправиться с Эверсманном по причине присутствия Негри и вообще во избежание неприятностей с русским правительством было, однако, неудобно. Поэтому Кайдар-хан поручил провожатым и охране, которых он сам

дал Эверсманну, по дороге без шуму и без поводов к дипломатическим осложнениям «убрать» нежелательного соглядатая, к слову сказать, на язык весьма острого и никак не польстившего впоследствии бухарскому государству в своей книге.

Сведения эти, как сказано, были точны и Эверсманну просто уже для спасения жизни ничего не оставалось, как снова присоединиться к миссии, которая готовилась в это время вернуться обратно в Оренбург. Едва ли можно при таких условиях обвинить его в малодушии...

Марш в Россию начался 23 марта 1821 г. и шел по старому пути. В мае посольство прибыло в Оренбург. На обратном пути, хотя он был проделан и быстрее, чем путь в Бухару, время года было для зоологических наблюдений и сборов благоприятнее, да и Эверсманн, инкогнито которого было все равно более или менее раскрыто, вероятно, чувствовал себя свободнее.

Впрочем, безопасной дорога не была. Однажды, на половине пути, когда полуторговый, полувоенный караван Негри поднялся на одну из возвышенностей, путешественники увидели перед собою ужасную картину недавнего побоища. Всюду валялись разбросанные вещи, в крови лежали человеческие и верблюжьи трупы и даже отдельные части трупов, втоптанные в грязь. Это были следы нападения целой армии хивинских наездников на большой бухарский торговый караван, вышедший из Бухары незадолго до посольства. Вскоре подверглось нападению и посольство. Хивинцы были настолько сильны и смелы, что их не удержало и военное прикрытие каравана Негри и они окружили его. Едва успели русские занять холм, удобный для обороны, поместить внутри вьюки и животных, расположить по флангам пушки и казачью конницу и поставить карре, как началась стремительная атака. Конечно, большие массы хивинцев при дисциплинированной общей атаке легко смяли и уничтожили бы маленький отряд. К счастью для путешественников они бросались в атаку отдельными группами. Сильным огнем и даже штыками эти отряды отбрасывались каждый раз. Несколько дней продолжались нападения хивинцев на завидную добычу, но они никак не могли добиться успехов и несли большие потери. Убыль в людях, безуспешность всех усилий и недостаток воды заставили наконец хивинский отряд уйти, и караван уже без дальнейших приключений вернулся в Оренбург.

Поездка в Бухару осталась для Эверсманна одним из наиболее приятных и богатых воспоминаний, и он охотно делился ими в дружеском кругу.

Возвратившись из Бухары, Эверсманн остался в Оренбурге. Первое время он, приводил в порядок свои материалы. Они были довольно значительны и гораздо больше, чем у официального натуралиста посольства — Пандера, участие которого в поездке вообще оставило незначительный след[1]. Из письма Эверсманна к Фишеру от 6/IX 1821 г. можно видеть, что рукопись своей «Reise» он

[1] Насколько энергичнее собирал Эверсманн, можно видеть хотя бы из сравнения статьи Лихтенштейна о его сборах (см. ниже) со сведениями о коллекции Пандера, опубликованными Фишером (1821 г.). Сам Пандер дал лишь описание геологии пройденного пути в виде статьи, приложенной к описанию посольства, опубликованному в 1829 г. в Париже секретарем и статистиком миссии офицером генерального штаба Мейендорфом (см. приложения).

должен был отправить в середине сентября и только в это время коллекции были приготовлены к отправке Берлинскому университету В этом же письме Эверсманн выражает сожаление, что ничего не может выделить из своих материалов для Общества, и сетует, что запрос Фишера о возможности получения коллекций пришел слишком поздно Очевидно в это время Эверсманн уже известил Университет о посылке материалов и сговорился об их обработке Вероятно отправка коллекций Берлинскому университету была связана с необходимостью возместить субсидию, полученную от прусского правительства

Описание путешествия — знаменитая «Reise von Orenburg nach Buchara» (3) — появилась в Берлине в 1823 г. Книга произвела большое впечатление и вызвала всеобщий интерес. Это было, несомненно, если и не самое значительное, то, во всяком случае, наиболее известное и «эффектное» сочинение Эверсманна, сразу создавшее ему положение и имя в ученых кругах В 1824 г его выбрала в число своих членов Каролино-Леопольдинская академия, а затем и некоторые другие ученые коллегии В разных журналах появились заметки о «Reise», рефераты и выдержки из нее[1]. С появлением этого сочинения оренбургский врач сразу занял в ученых кругах заметное место и получил известность среди специалистов разных наук. Несомненно, что «Reise» создала известность Эверсманну и в более широких кругах образованной публики, в то время очень интересовавшейся путешествиями Книга была даже издана в переработке для детей

«Reise» представляет собою небольшой том in quarto объемом в 150 страниц с тремя гравюрами. Текст составлен из следующих частей: вступление, афгано-татарско-персидский словарь, описание пути с заметками географического, геологического и зоологического характера, специальный геологический обзор пути, описание города, сведения о властителях Бухары, обитатели Бухары, окрестности города, плоды, домашние животные, климат, врачи, лекарства, болезни, падеж скота, нищие, монеты, вино, водка. Книга написана крайне сжато, но с большим уменьем, прекрасным языком и с явным литературным талантом. Она читается и сейчас с большим интересом, чему немало способствуют довольно едкий юмор автора, впрочем несколько мрачного тона и его резкие определенные характеристики и суждения. Особенно это касается очень красочных описаний обычаев и нравов бухарских властей, в высшей степени непривлекательных, которые автор отнюдь не стремился приукрасить При вкусе к чтению путешествий в то время успех книги становится понятным. Интерес этого сочинения, конечно, повышается, если принять во внимание обстановку, при которой она писалась. Этим, кроме того, объясняется, что у Эверсманна нет никаких сравнительных данных, ссылок на литературу и т. п. Изложено только то, что автор наблюдал сам. Впрочем эту непосредственность наблюдений и изложения следует отнести к достоинствам книги.

Нужно заметить, что ценность книги и ее успех, в частности в зоологических кругах, в значительной степени возрасли благодаря участию в ней столь авторитетного ученого, как Лихтенштейн Он дал предисловие, весьма лестно рекомендующее автора, подстрочные примечания, а главное присовокупил к книге «Anhang», содержа-

[1] Некоторые приведены в конце в приложении

щий несколько замечаний о растениях и полную обработку не только зоологических сборов (насекомые определены Клугом), но очевидно и дневников Эверсманна В «Прибавлении» описано много новых видов, таких ныне общеизвестных, как, например, желтый суслик и др. Здесь, между прочим, предприняты очень любопытные попытки характеризовать степную и пустынную фауну в целом. Они сделаны явно не без участия Эверсманна, который впоследствии несколько развил высказанные здесь мысли.

Вернувшись в Оренбург, Эверсманн обосновался здесь на 7 лет и занимался врачебной практикой Эверсманн возвратился из Бухары, так сказать, героем «В Оренбурге, — пишет Клаус, — молодой ученый доктор, известность которого была уже довольно велика, был встречен с распростертыми объятиями и введен в лучшее общество Такое приобретение было для образованной части публики слишком большой находкой, чтобы не сделать всего возможного для удержания Эверсманна в Оренбурге. Генерал-губернатор Эссен, который и раньше протежировал Эверсманну в связи с его путешествием, осыпал его всякого рода знаками внимания, и самые лучшие дома соревновались между собою в усилиях сделать для Эверсманна пребывание в них приятным. Само собой разумеется, что дамы здесь играли главную роль. Кто может упрекнуть их в желании иметь при себе умелого, любезного и притом красивого врача, чем советоваться со старыми врачами-инвалидами» Впрочем все это мало трогало невозмутимого и холодного Эверсманна Всегда равнодушный к женщинам, в Оренбурге он влюбился в дочку генеральши Мансуровой и уже осенью 1821 года, т. е вскоре же по возвращении из Бухары, был помолвлен с этой красивой девушкой.

Покойный отец его жены был генерал Мансуров, соратник А. В. Суворова и участник итальянского похода и перехода через Альпы.

Своей женитьбой на Мансуровой Эверсманн вошел в известную и богатую семью

«Повидимому, — говорит Клаус, — этот выскочка, этот homo novus был для аристократической семьи несколько неудобен Однако эти неблагоприятные обстоятельства скоро сгладились силой высокой интеллигентности и приятности его характера, и он вскоре стал не только любимцем всей семьи, но и высшим авторитетом в ней и как бы патриархом ее» У Эверсманна было пять человек детей — четыре сына и дочь [1]. Женитьба на Мансуровой сделала Эверсманна в денежном отношении в достаточной мере обеспеченным человеком.

---

[1] Старший сын Николай родился в 1823 или 1824 г, в 1844, 1845 г и 1846 г он изучал медицину заграницей и, вероятно, в 1847 г получил докторскую степень в Московском университете Вслед за тем он работал врачем на курорте в Сергиевске В 1860 г, как видно из его письма к Ренару, он здесь был старшим врачем Сын Александр служил в Казанском университете в качестве астронома наблюдателя Оставив работу в Университете, он был мировым судьей Оренбургского округа (к нему перешло Спасское, расположенное недалеко от Оренбурга) и умер в 80-х гг Младший сын Эверсманна в начале 60-х гг. учился в университете. Других данных у меня нет

Относительно дочери Эверсманна, которая была младшим ребенком, сведений нет Есть лишь указания, что в начале 60-х гг она была замужем в Оренбурге Есть также сведения, что она, повидимому, принимала участие в революционном движении Ей во всяком случае, приписывали доставку нелегальной литературы

Эверсманн жил в Оренбурге в качестве практикующего врача, не связывая себя службой, и строил планы новых поездок. В том же письме он пишет Фишеру, что весною 1822 г. намерен отправиться в Восточную Сибирь, где, как он выражается, «тоже еще можно найти много интересного». Видимо в его планах произошли существенные изменения, притом, как можно судить по упомянутому письму, во время или непосредственно после бухарского путешествия. Вероятнее всего, этот опыт убедил Эверсманна не только в крайней опасности путешествия под маской купца-лекаря, но и показал ему, что возможности непосредственного изучения страны и особенно собирания естественно-научных предметов в таких условиях крайне ограничены[1]. Так или иначе Эверсманн больше не делал попыток проникнуть в Срединную Азию, и мы даже не знаем о его планах такого рода. Все его позднейшие пути, за одним исключением, пролегали по русским землям. Не есть ли фраза об «интересном в Восточной Сибири» некоторого рода самоутешение?

Во время своей жизни в Оренбурге Эверсманн сошелся со многими местными деятелями и прежде всего с местными натуралистами и всеми теми, кто интерессвался природой Казахстана и исследовал постепенно открывавшиеся для путешествия и изучения новые пространства. В частности он познакомился со знаменитым впоследствии путешественником-зоологом и ботаником Григорием Силовичем Карелиным[2]. Обоих выдающихся исследователей Арало-Каспийских стран, повидимому, соединяли дружеские отношения, и они в период 1821—1830 гг. неоднократно вместе экскурсировали и совершили одну большую поездку (см. ниже). В конце двадцатых годов произошло, повидимому, некоторое охлаждение, не изменившее существенно их отношений. Карелин всегда доставлял Эверсманну материалы; в частности, по сборам Карелина Эверсманн описал мангышлакского горного барана (Ovis arkar). Впоследствии Эверсманн с Карелиным даже породнились — старший сын Эверсманна женился на Надежде Григорьевне Карелиной.

Эверсманн зимой жил в самом Оренбурге, занимаясь практикой, летом в своей усадьбе в Спасском на Урале[3]. Все эти годы были заняты энергичной работой. Он написал несколько статей, но главным образом путешествовал. Начав с окрестностей Спасского и Оренбурга, Эверсманн затем все более расширял круг своих по-

---

[1] Напомним, что путешествие в Бухару, переодевшись татарским муллой, совершил в 1834 году учитель татарского языка Оренбургского училища Демезон Этот впоследствии знаменитый ученый был лингвистом и этим в значительной мере объясняется успех его предприятия, оцененного как „смелый подвиг, совершенный ученым ориенталистом". Венгерец Вамбери, проделавший во второй половине столетия (1863) большое путешествие по Ирану и Турану переодетым хаджи, тоже не занимался зоологией. И все же он только чудом избег гибели и именно в Бухаре.

[2] О Карелине см. монографию Н. В. Павлова в издании Моск. о-ва исп. природы, 1940.

[3] Спасское было довольно большое имение, расположенное в живописных юго-западных предгорьях Урала на правом берегу Большого Ика, правого притока Сакмары, примерно в 100 км к ВСВ от Оренбурга.

Эверсманн очень любил этот край, совершенно сроднился с ним и считал его самой красивой и интересной частью России. В Спасском он держал и животных, в частности, у него был ручной медведь. Эверсманн не без юмора описывает, как зверь проводил время на базаре и в кабаке. Напившись, он, как и другие пьяницы, шел отсыпаться в „Сибирку".

ездок, проникая до Каспия (см. ниже). В свои поездки он имел обыкновение приглашать кого-либо из своих друзей — местных натуралистов. Он усиленно коллектировал и с ружьем (стрелял Эверсманн без промаха), сачком, банками со спиртом и гербарными папками не расставался. Его, впоследствии огромная, прекрасно собранная личная коллекция насекомых[1] и других животных быстро росла. Свои коллекции и в путешествии и дома Эверсманн держал в образцовом порядке. За эти годы окончательно сложилась его репутация большого и весьма разностороннего знатока природы очень обширного пространства.

В 1824 г. Эверсманн с семьей ездил за границу, на воды в Австрию, и через Львов, Киев и Пензу вернулся оттуда в Оренбург в августе. В ответ на избрание в Каролино-Леопольдинскую академию, а может быть, в результате знакомства с учеными во время этой поездки, он посылает в 1825 г. в издания Академии статью о съедобных лишайниках (10), виденных и собранных во время поездки в Бухару. Работа, написанная по-латыни и прекрасно иллюстрированная цветными рисунками, вышла из печати только в 1831 г. К ней в виде прибавления дана статья Nees von Esenbeck, дополняющая сведения по морфологии, приводимые Эверсманном, некоторыми другими, в частности данными по химизму лишайников. Это была вторая работа по бухарской экспедиции и больше он о ней ничего не печатал, хотя позднее использовал сделанные наблюдения неоднократно.

Кроме этой работы, за время жизни в Оренбурге Эверсманн написал еще несколько. Это были две заметки о граде с металлическим включением внутри, который он наблюдал у Стерлитамака, возвращаясь из-за границы (4, 5); сначала сведения были опубликованы в виде выдержки из письма Эверсманна (4). Кроме того, он опубликовал статью о золоте на Урале (6), что в те годы, вообще говоря, было в достаточной степени новым. Как видно, интересы Эверсманна были довольно разносторонни. Позже они концентрируются исключительно на зоологии и преимущественно на энтомологии.

Зимой 1825—1826 гг. Эверсманн, опять официально в качестве врача, принял участие в экспедиции полковника Ф. Ф. Берга. Это была рекогносцировочная военно-географическая и топографическая экспедиция, имевшая задачей общее обследование и описание пространства между Аральским морем и Каспием, нивеллировку этой области и установление абсолютных уровней морей. Поскольку работы велись вне русских пределов и в соседстве с неспокойной Хивой, экспедиция имела военное прикрытие. Эверсманн мог работать спокойно и гораздо более свободно, чем при путешествии в Бухару. Поездка была в высшей степени замечательна уже тем, что Эверсманн был не только первым зоологом, побывавшим в «Туманных горах» и на Усть-урте, но и единственным за все последующее столетие. Снова посещать эту пустынную страну стали только в последние годы. Работы происходили в крайне трудных условиях, так как места, по которым шла экспедиция, весьма пустынны, а зима

---

[1] Впоследствии она была приобретена Русским энтомологическим обществом и в настоящее время хранится в Ленинграде в Зоологическом музее Академии наук.

была на редкость холодная и бесснежная. Через 14 лет в письме к секретарю Общества И. О. Шиховскому (27/XII 1839 г.), описывая суровые бесснежные морозы 1839 г. в Казани, Эверсманн пишет: «Бедным чертям, которые сейчас находятся на пути в Хиву, вероятно, приходится выносить многое. Я один знаю, как мне пришлось страдать во время экспедиции 1825—1826 года, когда мы три месяца гонялись в степи между Каспийским морем и Аралом. Еще 1 марта, если я не ошибаюсь, было —31° R на 46° широты. Самое ужасное это постоянный восточный ветер, который дует в степях».

Экспедиция Ф. Ф. Берга начала маршрут в первых числах декабря 1825 г. от крепости Сарайчиковской (Сарачиковской) на «Нижне-Уральской линии» (близ Гурьева), прошла северо-восточным берегом Каспия и по Усть-урту по 45° с. ш. дошла до Аральского моря. Повернув к северу, она достигла его северо-западного угла. Отсюда отряд повернул обратно к Усть-урту и, держась Чинка, примерно по 46°, вернулся опять в Сарайчиковскую.

Экспедиция имела первостепенное значение для географии, но с зоологической стороны успех ее был весьма незначителен, главным образом, можно думать из-за неблагоприятного времени года, когда растений, птиц и насекомых не было, а многие звери спали; должна была сказаться и суровость зимы. Впрочем Эверсманн при прошении о напечатании представил в Казанский университет рукопись «Die Expedition zwischen dem Kaspischen Meer und dem Aralsee im Winter 1825—6». Статья осталась не напечатанной, и рукопись ее, повидимому, утеряна. Ничего другого специально по этой поездке Эверсманн не писал, хотя сделанные наблюдения, в частности геологические, впоследствии использовал и изложил. «За умелые труды во время экспедиции к Каспийскому морю и хивинской границе» Эверсманн был награжден.

В 1827 г. Эверсманн вместе с Кариным и Г. С. Карелиным, тогда еще начинающим натуралистом (род. 1801 г.), отправился в поездку на юг и обследовал пространство между нижними течениями Волги и Урала — земли Внутренней Букеевской орды. Эверсманн проехал из Оренбурга к Уральску, затем степью к Узеням, оттуда в Ханскую ставку (ныне г. Урда) и в Рын-пески. Обратный путь прошел через Общий Сырт. Маршрут, если его оценить с нашей точки зрения, прекрасен и сделан так, что захватывает наиболее типичные места разных географических зон. Это маршрут, составленный настоящим географом и зоогеографом.

Поездка была с чисто зоологической стороны успешна, а главное, познакомила Эверсманна с одним из интереснейших районов Европейской России, в то время не посещенным еще никем, не считая Палласа и его спутника Никиты Соколова. Результаты этой поездки были напечатаны в двух журналах в Германии в 1828 г. (7, 8)[1]. Эверсманн посетил указанную область впоследствии два раза (см. ниже) и получил о ней весьма полное представление. Сделанные им наблюдения и сборы он широко использовал во многих своих позднейших работах. Обе упомянутые статьи были последними

[1] В одной из статей дана карта земель Букеевской орды, составленная Г. С. Карелиным. Повидимому публикация этой карты и послужила поводом для некоторых резких замечаний об Эверсманне очень горячего, а в молодости необузданно вспыльчивого Карелина. Это дало основания некоторым биографам Карелина говорить о его разрыве с Эверсманном, что, на наш взгляд, неправильно.

работами, посланными Эверсманном заграницу[1], и с этого времени он печатается только в России, сначала в казанских изданиях, а затем почти исключительно в «Бюллетене» и «Мемуарах» Общества испытателей природы.

Научная известность Эверсманна была уже очень велика и когда в 1827 г. в Казанском университете, за уходом Эйхвальда, освободилась кафедра естественной истории, Университет предложил профессорскую должность Эверсманну. Это было несомненно не только признание Эверсманна со стороны официальной науки, но и явный знак уважения к его научным заслугам, т. к. Эверсманн, хотя и дважды доктор, не был связан ни с одним университетом. Ему предлагали начать академическую карьеру, так сказать, с ее высшей степени.

Эверсманн в январе 1828 г. приезжает в Казань и подает заявление на место ординарного профессора по кафедре ботаники и зоологии с обязательством читать на русском языке. Пробная лекция Эверсманна имела темой микроскопическое строение и химический состав растении. Как видно, она имела очень малое отношение к действительным интересам профессора и была сугубо «академична». Эверсманн представил рукопись лекции и конспект курса. 28 февраля 1828 г. Совет университета одиннадцатью избирательными голосами при двух неизбирательных поручил Эверсманну кафедру. По весьма лестному представлению и рекомендации попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина 21 марта 1828 г. министр утвердил избрание. Мусин-Пушкин, весьма просвещенный человек, сделал много для Казанского университета и в дальнейшем много помогал и Эверсманну, в частности в его деятельности по организации Музея при университете.

С этого начинается «казанский» период жизни Эверсманна. Ему было в это время 34 года, и его научная деятельность и сама жизнь приняла настоящие академические формы. Внешние этапы его карьеры таковы. В 1835 г. Казанский университет был преобразован и получил новый устав. Ботаника была выделена в отдельную кафедру, и Эверсманн 1 августа 1837 г. сделался ординарным профессором по кафедре зоологии. 20 марта 1850 г.[2] за выслугой лет он должен был выйти в отставку, но был оставлен с полной пенсией на службе и избран на новое пятилетие. 2 декабря 1853 г. ему было присвоено звание заслуженного профессора (professor emeritus). 28 ноября 1856 г. Эверсманн снова был избран на 5 лет и состоял профессором до самой смерти.

Мы за все это время не видим Эверсманна в каких-либо положениях или должностях, которые свидетельствовали бы о его стремлении к внешнему успеху и «карьере». Он не занимает даже заметного положения в органах университетского управления. Имя его в чисто внешней истории Казанского университета, несмотря на длительность пребывания в нем, встречается далеко не часто и во всяком случае не среди первых. Он не был «академическим деятелем». В значительной мере это объясняется не только тем стилем жизни, который принял Эверсманн, но и некоторыми свойствами его ха-

[1] Работа о лишайниках, напечатанная в 1831 г. (10), была послана в 1825 г. и одна из работ была в 1831 г. напечатана у нас и в Германии.

[2] По другим данным в 1852 г. после 25-летней службы.

рактера. В одном из писем к Ренару (6/V 1846 г.) он сообщает, что в скором времени в Москву сдавать экзамен на доктора медицины приедет его старший сын, окончивший учение заграницей Он имеет поручение сделать визиты влиятельным лицам — графу Строганову, Фишеру фон Вальдгейм — президенту Общества и самому Ренару, бывшему в то время секретарем Общества. Впрочем, добавляет Эверсманн, он сомневается, чтобы сын нанес эти визиты, хотя и просит принять молодого человека любезно, и высказывается, видимо, с некоторым одобрением в том духе, что сын умеет искать покровительства не лучше, чем умел это делать сам Эверсманн в его годы...

Эверсманн был знаком со многими влиятельными людьми, например с Эссеном, Перовским, Мусиным-Пушкиным и некоторыми другими, но, как можно судить, если и использовал эти знакомства, то в чисто научных целях. Перовский в течение многих лет был одним из его ближайших друзей.

Эверсманн в Казани почти не практиковал. Лишь против своей воли, уступая просьбам жены, связанной родством или дружбой с представителями большинства казанского общества, применял свои большие лекарские способности

На казенную медицинскую службу он отвлекался мало. В 1833 г. он был главным врачем при Казанской больнице Приказа общественного призрения, а с 4 ноября 1841 г. по 6 мая 1842 г. состоял врачем Родионовского женского института.

Эверсманн оставил в это время свои широкие планы путешествий и как бы успокоился, или, вернее, строго ограничил себя. С одной стороны, его связывали его профессорские обязанности, с другой, видимо, огромное количество уже собранного материала, который требовал обработки. Кроме того, пошатнулось его здоровье. Если не считать нескольких больших отдаленных экспедиций и поездок заграницу, о которых сказано ниже, жизнь его в казанскии период течет крайне размеренно. Зиму он проводит в Казани, с мая по конец августа (каникулярные месяцы) в Спасском, экскурсируя вокруг него, или в не очень отдаленных коллекторских поездках по пространству между Волгой и Уральскими горами Чем ближе к концу жизни и чем слабее становится здоровье, тем больше ограничиваются эти поездки, и лето целиком проводится с семьей в Спасском, но собирание и наблюдения идут так же деятельно. В те месяцы, когда Эверсманн живет в Казани, он все время экскурсирует в окрестностях города.

В первые годы своего пребывания в Казани Эверсманн сделал несколько крупных поездок, стремясь все больше в южные, менее известные ему и труднее доступные части страны. Целью поездок, кроме непосредственного изучения природы разных мест, было прежде всего стремление пополнить, вернее обставить, естественно-исторический кабинет Университета, который Эверсманн нашел в очень жалком виде.

Эверсманн принялся за это дело энергично, и первая поездка была сделана уже на следующий год после занятия кафедры (1829 г.). Поездка была устроена с согласия министра просвещения Ливена и «по назначению» попечителя учебного округа Мусина-Пушкина, на университетские деньги специально для обогащения зоологического кабинета и Ботанического сада. «Надежными помощниками»

Эверсманна были рано умерший студент-медик Людвиг, человек, пользовавшийся вниманием Эверсманна, и тоже студент-медик, взятый в качестве «чучельника», Истомин. Кроме того, по своей охоте и, видимо, на свои средства, к поездке присоединился друг Эверсманна, казанский аптекарь и любитель-ботаник Клаус[1]. Одной из главных задач поездки было собрать раннюю весеннюю флору в засушливых степях, которую путешественники, выезжающие обычно поздно, уже не застают. Поэтому экспедиция выехала из Казани 26 февраля по санному пути и на пятый день прибыла в Оренбург. После нескольких дней, потраченных на закупки и другие дела, экспедиция тронулась вниз по Уралу 7 марта и через три дня прибыла в Уральск, откуда выехала 12 марта. 16 была в Индерской, или, как она тогда называлась, Нагорной крепости, первой цели путешествия. В марте путешественников уже застало начало весны, дорога была ужасная и очень скучная. В Индерской степь еще была мертва, и путешественникам пришлось ждать здесь 5 недель, прежде чем они смогли начать ботанизировать. Это были, как пишет Эверсманн, 5 недель «страшной скуки». Единственно, что составляло их занятие в пути и в Индерской, это наблюдение пролета птиц, и соответственные места путевого описания содержат много интересных орнитологических и частью маммалогических заметок, изложенных с большой точностью.

По окончании работ в Индерских горах путешественники направились к низовьям Узеней, оттуда на Камыш-Самарские озера и степью к Волге. В первых числах мая они выходят к Ахтубе, спускаются вдоль нее до Сеитовки (6/V) и в тот же день лодкой приезжают в Астрахань. Здесь оказывается «мало интересного по части естественной истории», и 16/V Эверсманн со спутниками опять возвращается в Сеитовку, где было оставлено все снаряжение. Здесь путешественники разделились на две партии. Клаус и Людвиг должны были двинуться на север вдоль Ахтубы к горе Богдо, оттуда к зимней ставке хана Букеевской орды, далее к Глиненскому на Узене и отсюда к Индерску, где была назначена встреча с Эверсманном. Сам Эверсманн с Истоминым решил пройти вдоль берега Каспия на Гурьев, а затем подняться к Индерску. Эверсманн спустился к Каспию, а затем, то приближаясь, то удаляясь от берега, усиленным маршем с увеличенным числом лошадей сделал путь, в общем придерживаясь цепи застав (станиц), которые здесь держали уральские казаки. Стояла жара, дорога была очень трудна, шла частью по буграм и барханам, вода по пути была плохая, к тому же около 150 км почти совсем не было воды. В один дневной переход пришлось сделать 60 км, в другой — 80. Особенно докучали мошки и блохи. Последних было в степях такое множество, что сторожевые казаки спали на высоких помостах, а, забираясь туда вечером, оставляли все платье внизу. Эверсманн с Истоминым вышли из Сеитовки 17 мая и пришли к Уралу (к станице Яманке) 22 мая. Путь шел через станицы Бакаленскую, Кассалинскую, Кокоревскую, Кулинскую и Лебяжью (последняя перед Уралом). По дороге прошли через Байдинскую, Телепинскую, Коневскую. Выйдя к Уралу, от Яманки пу-

[1] Истомин впоследствии работал в Университете прозектором анатомии (1839 г.) и был помощником Эверсманна по Музею. Клаус, впоследствии очень известный ученый, тоже перешел в Университет и работал как химик и фармаколог.

тешественники через Сарачик, Новую Сарачиковку, Редут и Кондуровскую прибыли в Гурьев, вероятно, 24 мая. Как видно, марш был очень быстрый и напряженный.

В Гурьеве Эверсманн задержался и занялся главным образом орнитологическими наблюдениями. Необычайное богатство птичьей жизни этих мест произвело на Эверсманна большое впечатление. 25 мая сделали экскурсию на остров Большой Мокрый, против устьев Урала.

«Остров Большой Мокрой, — пишет Эверсманн, — выбрали себе преимущественно водяные птицы для витья гнезд, которых здесь такое множество, что понятие об этом может получить только очевидец. Здесь птицы сидят на яйцах не поодиночке, как это обыкновенно бывает, но целыми семействами, несколькими сотнями вместе, не скрывая гнезд. Когда мы приближались к острову, который мало-по-малу выходил из воды, то увидели далеко протянутую белеющую полосу: это, сказали наши путеводители, гнезда пеликанов, которые теперь выводят птенцов или кормят их. Приблизившись еще, увидели мы возле белой черную полосу: это были гнезда бакланов (**Pelecanus carbo**); наконец из тростника стали вытягиваться сотнями длинные шеи, озираясь с любопытством и серые и белые цапли (**Ardea cineraria** и **alba**) на своих гнездах. Колпицы (**Ptalea leucorodia**) несколько подальше на берегу не так приметны, однакож нашим приближением испуганные, поднялись в воздухе белым ослепительным облаком. Тысячи хохотунов (**Larus cachinnans Pall.**) окружили нашу лодку, прежде, нежели мы пристали к острову; а когда мы вышли на берег и на каждом шагу должны были остерегаться, чтоб не раздавить молодого хохотуна, тогда число и хохотунов и других выше упомянутых птиц еще увеличилось и произвело мрак в воздухе»

Закончив обследование устьев Урала, Эверсманн двинулся к северу к Индерску, где встретился с Клаусом и Людвигом. Они прошли из Сеитовки на Богдо, а оттуда поперек степи в Индерскую. Путешественники снова работали в Индерских горах и на Индерском озере. Отсюда через Уральск они осенью прибыли в Оренбург и возвратились в Казань.

Эта поездка, хотя и проходила в русских пределах, была однако в достаточной мере опасна. В этом году произошло большое восстание казахов под главенством хана Кайбалы. Пятнадцать тысяч всадников пытались прорваться через Урал, и как раз у Индерской произошло их столкновение с отрядом атамана Бороздина.

Описание этого путешествия послужило предметом особой статьи, опубликованной в нескольких выпусках «Казанского Вестника» в 1830, 1831 и 1832 гг. (9). Параллельный немецкий текст печатался в Германии в 1831 г. (11). Работа содержит замечания о животных, главным образом птицах, о ландшафтах по дороге, сведения о населении, описание городов, этнографические заметки, данные о торговле и т. п, словом, представляет собою довольно подробное изложение наблюдений и впечатлений путешественника. Эта статья, помещенная в редком издании, почти совершенно забыта, но представляет интерес и сейчас. С зоологической стороны, как можно судить по позднейшим работам Эверсманна, поездка была весьма удачна и материал был собран обширный.

На следующий год (1830 г.) Эверсманн снова отправляется в поездку, видимо, на средства Университета — опять с целью не только

исследования, но и сбора материала для зоологического кабинета. Маршрут на этот раз прокладывается на Кавказ

18 мая вместе со студентом Людвигом, своим спутником по прошлогодней поездке (умершим в этом же году) Эверсманн выехал из Казани. Путь шел вдоль Волги через Симбирск в Саратов. 25 мая Эверсманн выехал из Саратова и через Камышин прибыл в Царицын Отсюда путешественники свернули к западу и вышли к Дону. Они спустились «полевым берегом» вдоль реки, перешли ее у Березовского хутора и приехали в Новочеркасск. Через разлившийся Дон, с большим трудом переправились у Аксайской станицы и двинулись в Ставрополь, куда прибыли 2 июня. От Ставрополя проехали «к горячим водам у горы Магшука», т. е. теперешним Минеральным водам, месту, где должна была начаться работа. Эверсманн осмотрел всю местность, делая разъезды, описал ее геологию, источники, их лечебное значение и т. п. Те же сведения имеются в путевых записях с прибавлением некоторых бытовых мелочей. На «горячих водах» Эверсманн провел довольно много времени. Дальнейший маршрут пришлось отменить. Задуманный путь по Тереку через Кизляр на Астрахань оказался недоступен, так как в это время развилась сильная холерная эпидемия, знаменитая холера 1830 г., наделавшая много бед и шуму. Обратный путь совершили через Черкасск, Воронеж, Липецк, Тамбов и Пензу быстрым маршем.

Сборы птиц и млекопитающих были очень малы, так как на этот раз Эверсманн ездил без препаратора и, как он замечает, приехал поздно, а фауна здешних мест бедна. Зато было много собрано насекомых (впоследствии отсюда он описал много новых видов) Удачны были сборы рептилий и амфибий, среди которых тоже оказались новые виды, описанные позже (**Lacerta saxicola** и др.). Особенно удачны были сборы растений. Кроме всего удалось для Ботанического сада собрать семена приблизительно 130 видов Весь материал поступил в Зоологический кабинет, но он «до сих пор не мог разместить их систематически в кабинете, по причине появившейся холеры и слабости моего здоровья». Это был 1831 г., когда холера свирепствовала в Казани, и Эверсманн вместе с некоторыми другими профессорами отсиживался от нее в Университете. Описание этой поездки в виде выписки из донесения Совету университета было опубликовано тоже в «Казанском Вестнике» в 1831 г. (12)

Следующая и последняя более или менее крупная специально исследовательская и коллекторская поездка была совершена в 1834 г. Эверсманн вместе с профессором университета Бунге ездил с зоологическими и ботаническими целями в Саратовскую губернию и в Астраханскую, где бывал и раньше. Описание этой поездки в печати не появлялось, и маршрут ее установить не удалось

После этой значительной экскурсии Эверсманн ездил много, но его поездки носили совершенно другой характер. После окончания учебного года в мае или начале июня, редко в середине или конце месяца, он отправлялся в Спасское и жил там все лето, возвращаясь в Казань в августе. Это была его ежегодная, как он ее называет в письмах «обычная каникулярная поездка» Обыкновенно он заезжал в Оренбург, а вообще в разные годы более или менее изменял маршрут с тем, чтобы видеть новые места. В 1855 г. он после 35-летнего отсутствия посетил Златоуст (письмо в архиве Общества испытателей природы). Кроме того, Эверсманн энергично и много экскурси-

ровал в окрестностях города и, видимо, делал из него довольно далекие разъезды.

В Спасском Эверсманн целиком предавался экскурсированию и собиранию насекомых и совершенно оставлял письменные занятия и даже не писал писем. Эверсманн пишет в одном из писем к Ренару: «в каникулярное время, когда я на моих экскурсиях разъезжаю во всех направлениях, перо мое отдыхает совершенно». И действительно, среди приблизительно 60 писем в архиве Общества нет ни одного помеченного Спасским или каникулярными месяцами. Путешествия большие или меньшие, работа в поле и наблюдения в природе были для Эверсманна до самых последних дней органической потребностью.

Эти поездки дали Эверсманну основание уже в 1831 г. говорить, что пространство между Волгой и Уральскими горами он изъездил во всех направлениях. Области, лежащие к югу, он изучил во время своих больших поездок, перечисленных выше, маршруты которых и само направление были не случайны, но глубоко продуманы и осуществлялись планомерно. После того как волею обстоятельств, Эверсманн был вынужден отказаться от своих юношеских планов исследования Глубинной Азии, он наметил себе другой совершенно определенный круг работ и интересов. Он избрал пространство преддверия Азии — область от бассейна Камы на север до Каспия и Арала на юге и от Волги до Уральских гор[1] и задался целью изучить их природу и прежде всего животный мир всесторонне и полно. Эта задача была, конечно, грандиозна и не по силам одному человеку, но Эверсманн относился к ней, как к цели своей жизни, и проводил намеченный план и в поле и в кабинете с методичностью, упорством и настойчивостью, а, главное, с успехом, едва ли не беспримерным. Он никогда не сужал однажды поставленной себе трудной задачи, и если мы замечаем в его жизни уклонения от нее, то только в смысле расширения. Уже очень скоро он всесторонне изучил эту огромную территорию и стал лучшим и общепризнанным знатоком ее, притом таким, которым может сделаться только образованный и талантливый ученый. Для ее изучения больше Эверсманна никто не сделал. Эверсманн всю жизнь горячо интересовался Казахскими степями (области далее к югу до самой его смерти оставались недоступными) и всю жизнь делал все, чтобы добывать оттуда зоологический материал. Не ездя сам, он, фигурально выражаясь, как бы шел следом и вместе с войсками, постепенно занимавшими степи, изучал страну, осваивая ее для науки. Он был не единственным, который с жадностью набросился на эти новые страны, постепенно в течение нескольких десятков лет открывавшиеся для изучения, но одним из наиболее выдающихся. На это он не жалел усилий и, видимо, и денег и уже под конец жизни, пользуясь своими связями, он даже послал своих двух сыновей в качестве коллекторов при военном походе в низовья Сыр-дарьи.

То время освоения Казахстанских степей в первой половине девятнадцатого века (которое описано выше) и более позднее, уже после смерти Эверсманна, освоение Турана, было весьма любопытно в

[1] Позднее восточную границу он определял меридианом крепости Звериноголовской, т. е. включил в свои исследования и часть Зауралья и юго-восточного Приуралья.

одном отношении: русские натуралисты и вообще ученые шли здесь вместе с дипломатами, как Эверсманн, Леман, Пандер, Ханыков, Бутенев, Базинер, Демезон и др., или с войсками. Высшие администраторы и военачальники, как Эссен, Зухтелен, Перовский, по выражению Г. С. Карелина «scientiarum fautor», а позже Кауфман, Черняев и другие, охотно посылали с частями или брали в свои отряды естествоиспытателей. Последние же, не смущаясь большими опасностями для жизни исследователей, положительно рвались в совершенно новую среднеазиатскую природу, постепенно делавшуюся в какой-то мере доступной. Многие, как например Карелин, проникали гораздо дальше — в еще не завоеванные страны. Не говоря об Эверсманне, достаточно вспомнить путешествия Н. А. Северцова, М. Н. Богданова, П. П. Семенова. Некоторые из видных военных, как например Колпаковский, Ионов, Корольков, сами были натуралистами-зоологами или ботаниками-любителями или географами и естественно всячески помогали изучению страны. Все эти обстоятельства объясняют нам, почему между завоеванием Средней Азии и ее изучением русскими учеными самых различных специальностей не было перерыва, и почему успехи в исследованиях были так быстры и так велики. Эверсманн своим путешествием в Бухару начал это движение, а своим постоянным горячим интересом к азиатским странам поддерживал его. Его работы и всю деятельность по Казахстану следует рассматривать именно на фоне той картины движения на юг, которая была набросана выше.

Зоологические работы Эверсманна в избранной им для себя стране нарушались только несколько раз в связи с его поездками заграницу. Впрочем, это нарушение было в значительной мере формальным, так как заграницей он много занимался в музеях, обрабатывая и сравнивая свои оренбургские коллекции. Заграничных поездок было пять разной продолжительности. В большинстве случаев они представляли собою командировки по поручению Университета с целью приобретения разного рода предметов для Зоологического кабинета, превращенного Эверсманном в музей. На это или министерством или из «экономических» сумм Университета выделялись специальные деньги, впрочем, в большинстве случаев (кроме второй поездки) незначительные. Таким образом Эверсманн такие путешествия проводил отчасти и на собственные деньги. Это позволяло ему также и задерживаться дольше официального срока командировки. Позже, когда здоровье Эверсманна уже сильно пошатнулось, он вынужден был ездить заграницу уже в значительной мере ради лечения или просто скрываясь от русской зимы, которая была для него опасна.

Первый раз (не считая поездки 1824 г.) Эверсманн ездил заграницу в 1832 г., пробыв в отсутствии с 12 мая по 25 октября, т. е. каникулярное время. Сведений о цели поездки и посещенных местах нет. Повидимому, он ездил навещать родных, но занимался, судя по некоторым сведениям, покупкой материалов для оборудования кабинета (в одном из писем к Фишеру есть указание на расчеты за коллекцию птиц и млекопитающих из Гамбурга). Второе, более длительное путешествие было совершено в 1837 г., когда Эверсманн на четыре месяца был командирован в Пруссию для приобретения различных предметов для музея и где «осматривал тамошние зоол-

гические собрания и входил в ближайшие сношения с германскими естествоиспытателями». Командировка была продолжена, и он проездил с 8 сентября 1837 г. по 4 июня 1838 г. Сведений о маршруте этой поездки тоже нет. На нее распоряжением министерства, вероятно по хлопотам попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина, была отпущена весьма солидная сумма в 3 000 рублей. Столь крупных единовременных субсидий Эверсманн при дальнейших заграничных поездках, видимо, не получал.

Следующая большая поездка заграницу, предварительно рассчитанная на 8 месяцев, состоялась в 1844—1845 гг. Командирован был Эверсманн 21 марта 1844 г., но выехал гораздо позже. Ренару он пишет из Казани еще 28 апреля 1844 г., что собирается выехать через 2 недели и в конце июня рассчитывает быть в Москве. Заграницу Эверсманн ехал через Москву и Петербург и дальше морем. За эту поездку Эверсманн посетил Германию, Францию и Италию. В Италии он был в Чивитта-Веккиа, Ливорно, Генуе, Риме, Болонье. Он познакомился, между прочим, со знаменитым К. Бонапартом и работал над его орнитологической коллекцией. Из Неаполя Эверсманн проехал пароходом в Марсель и побывал в Париже. Он приехал в Петербург 6 марта 1845 г. Здесь задержался на некоторое время, работая в Зоологическом музее Академии наук, и 22 марта вернулся в Казань. Эта поездка была столь же связана с его научными и учебными интересами, как и с необходимостью лечения.

Четвертую свою заграничную поездку Эверсманн совершил для поправления здоровья, но имел также поручение от Университета приобретать зоологические материалы, на что ему из «экономических сумм» было отпущено 300 р. Эверсманн был командирован на 8 месяцев и, уехав в 1852 г., вернулся в 1853 г. Судя по письмам, он выехал в мае и в мае же следующего года вернулся в Казань. Из этой поездки он напечатал свои дорожные впечатления, представляющие ряд обработанных выписок из дневников (60). Они не дают возможности восстановить весь путь Эверсманна, но хорошо показывают его интересы и занятия в эту и предыдущую заграничные поездки и в известной мере характеризуют его самого. Эверсманн проехал через Германию и Швейцарию в Италию, а оттуда пароходом на южный берег Франции. В конце декабря 1852 г. он находился в Гиэре (Hyères), где спасался от зимы и холодных квартир. Погода стояла хорошая, и Эверсманн ежедневно делал зоологические, ботанические и, главным образом, энтомологические экскурсии с сыном знаменитого африканского путешественника, энтомологом Левальяном. Заметки Эверсманна-натуралиста, описывающего климат, географию, птиц, ящериц и моллюсков, сельское хозяйство и т. п., перемежаются с заметками Эверсманна-врача, обсуждающего достоинства и недостатки Ривьеры с лечебной стороны. Наступившие холода вынуждают больного ученого искать более теплые места, и он во второй половине февраля через Тулон и Марсель направляется в Алжир. В этих городах он осматривает порты и военные корабли, бродит по лавочкам, любуясь привезенными из дальних стран птицами, раковинами и т. п. Как и везде, он посещает музей и знакомится с его директором доктором Бартелеми.

Первого марта 1853 г. Эверсманн высаживается в Алжире. Рекомендательные письма к влиятельным лицам давали ему возмож-

ность проникнуть вглубь Сахары к передовым французским постам (французы начали оккупацию Алжира только в 1830 г.), но здоровье не позволяет ему этого. Он осматривает город, больницы, тюрьмы, опытную станцию и т. п. Пользуясь прекрасными условиями передвижения вокруг города, экскурсирует в его окрестностях и собирает насекомых, находит даже новые виды; на рынках и в рыбачьих становищах собирает у рыбаков морских животных. Только незадолго перед тем (1840—1843 гг.) здесь работала большая правительственная экспедиция (научная экспедиция по исследованию Алжира), и рыбаки уже приучены были сохранять все интересное. Он знакомится с местными зоологами (д-р Гюйон и др.), проводит время в их обществе и вместе с ними делает длинные экскурсии.

За недостатком времени и из-за болезни, лишенный возможности углубиться в пустыню, он все же 11 марта выезжает в большую экскурсию в Атлас — через Блида в крепость Медеа, один из передовых французских гарнизонов. Его окружает еще мало тронутая природа и столь знакомая ему по Оренбургу обстановка освоения новых территорий. В горах еще существует рабство; львы (вскоре после того выбитые совсем) еще подходят к стенам Медеа. Он дает точное и полное описание природы осмотренной области. 6 апреля Эверсманн покинул Алжир и через Париж, Петербург и Москву возвращается домой.

Через пять лет Эверсманн испрашивает годичный отпуск (см. ниже) и снова едет заграницу для поправления здоровья. Другая его цель — возобновить старые связи с учеными Запада и принять участие в съезде естествоиспытателей и врачей в Бонне. Это была его последняя поездка, длившаяся целый год. Он опять опубликовал путевые очерки (63), которые содержат много любопытного. Эверсманн выехал из Казани 13 июня 1857 г.[1] пароходом в Тверь, куда прибыл 20, а оттуда поездом проехал в Петербург. Здесь ему пришлось задержаться некоторое время и восстанавливать украденный заграничный паспорт. Из Петербурга он пароходом проехал в Штеттин, а оттуда в Берлин. Здесь Эверсманн посетил своего старого учителя Лихтенштейна. Старик умер через несколько недель, но в это время был еще настолько бодр, что пригласил Эверсманна на свою лекцию в Зоологическом саду к 7 часам утра и занимался со студентами 4 часа. В Берлине Эверсманн снова подробно осматривает зоологические учреждения. В Эрфурте он посещает известного энтомолога Кефершгейна и живет у него, работая над его коллекцией. Съезд в Бонне произвел на Эверсманна большое впечатление. В письме к Ренару он характеризует его как «блестящий и очень интересный». Особенно заинтересовали его доклады Лейкарта. Он внимательно знакомится здесь с работами директора Музея проф. Трошеля над языком моллюсков, вникая в их технику. Из Бонна, где энтомологов не оказалось, Эверсманн едет в Аахен к Ферстеру. Последний занимался мельчайшими перепончатокрылыми, и его коллекция в 100 000 экземпляров чуть видных насекомых, мастерски отпрепарированных и наколотых на тончайшую серебряную проволоку, производит на Эверсманна большое впечатление. Он знакомится с техникой сборов и убивания этих насекомых. Повидимому Ферстер, если не первый, то один из пер-

[1] Срок отпуска по некоторым сведениям с 17/VII 1857 по 17/VII 1858 г.

вых, применил химический способ замаривания насекомых (парами серы)[1]. Ознакомившись с коллекцией, Эверсманн решительно берет под защиту ее владельца, которого обвиняли в напрасном описании новых видов; впоследствии он рекомендует его в члены Общества испытателей природы.

Осмотр коллекций Эверсманн ведет методически В Аахене же он изучает коллекцию ночных бабочек учителя Кальтенбаха, во Франкфурте-на-Майне внимательно осматривает и тогда уже весьма известный Зенкенберговский музей и одну из богатейших коллекций **Microlepidoptera** фон Гейдена. Далее он знакомится с музеем в Гейдельберге и переезжает в Швейцарию, где осматривает музей в Базеле и Цюрихе. Здесь он застает своего старого друга известного зоолога Шинца в параличе и при смерти... Дальше следует Берн с его швейцарской выставкой и музеем, Люцерн, с лысухами на озере, и Андерматт у С.-Готтарда, где Эверсманн осматривает коллекцию известного в то время сборщика и торговца коллекциями Нагера. В Италии он посещает Болонью, Флоренцию, Пизу, Рим, Неаполь, Венецию. Всюду он осматривает музеи, зоологические кабинеты университетов, интересуется новыми объектами, системой преподавания. Музеи Италии произвели на него очень неблагоприятное впечатление, за исключением отдельных предметов, как, например, великолепных анатомических и медицинских препаратов во дворце Питти во Флоренции, о которых он отзывается восторженно. Он с неудовольствием отмечает, что великолепная коллекция птиц Карла Бонапарта, которую он видел раньше, совершенно запущена. Профессор Делла Чиайя в Неаполе, как и другие итальянские зоологи, принимал его очень любезно, но в свой Зоологический кабинет сам с ним не пошел, а послал хранителя «вероятно, потому, пишет Эверсманн, что стыдился сам пойти туда: кабинет был совершенно в том же состоянии, в каком я его видел 13 лет тому назад». В музеях много ошибок. Ренару Эверсманн писал, что «в Италии дело с естествознанием обстоит гораздо хуже», чем в Германии и Швейцарии, и лишь о немногих итальянских ученых Эверсманн отзывается как об осведомленных в современном состоянии науки. Похвала в достаточной мере сдержанная.. Наибольшее впечатление на него произвел д-р Ян в Миланском музее, главным образом своими опытами гипноза ящериц и змей. Вообще пребывание в Италии и путешествие в этой стране было мало приятно, и Эверсманн постарался скорее выбраться отсюда

«В Неаполе,—пишет Эверсманн, — я с удовольствием расстался с Италией, этой хваленой страной, и отправился пароходом в Марсель. Оборванные носильщики, дворники, лакеи или кельнеры, портье, наемные слуги, нищие, полиция, таможни, консулы и посланники — все они обирают, ощипывают и раздевают путешественника; сама по себе жизнь в Италии дешева, однако все эти мелкие побочные расходы требуют денег. В гораздо большей мере, чем эти расхо-

[1] В то время все энтомологи убивали насекомых или сдавливая им грудь (бабочки) или живыми накалывали на булавку. Между прочим, Эверсманн в 1845 г (47) опубликовал инструкцию по сборам и препаровке прямокрылых. В ней сказано, что малая изученность этой группы объясняется главным образом тем, что энтомологи неохотно собирают кобылок. Это происходит потому, что кобылки очень долго живут на булавках и бьются, отчего ломают себе ноги и портят других насекомых, наколотых рядом с ними...

ды, все это само по себе вызывает у иностранца отвращение и приводит к тому, что красивая страна скоро надоедает».

Из Неаполя пароходом, не без неприятностей в том же роде, Эверсманн едет в Марсель, где снова встречается с Бертелеми, которого ценил за его энергичную деятельность в музее, и знакомится с орнитологом и врачем Жубером. В Марселе Эверсманн особенно интересуется вопросами акклиматизации и собирает об этом подробные сведения.

Из Марселя путь снова лежит в Алжир, и пребывание здесь, как говорит Эверсманн, было очень приятно. Его привлекал не только мягкий и здоровый климат и замечательная природа, но и общество, которое он здесь нашел и с которым завязал дружеские связи. Это были военные, чиновники и врачи, любители природы и естественных наук, коллекторы и владельцы коллекций — энтомологи, конхилиологи, геологи, ботаники и даже археологи. Принят он всеми был очень любезно. В Алжире Эверсманн пробыл с 19 декабря 1857 г. до 18 марта 1858 г. и все время экскурсировал в окрестностях города. Эти экскурсии были очень удобны, так как вокруг города были прекрасные дороги и хорошее омнибусное сообщение. В воскресные дни вся компания в числе 10—14 человек утром встречалась у городских ворот, отправлялась на омнибусе в заранее намеченное место, целый день экскурсировала пешком, затем садилась в омнибус на какой-либо другой дороге и к ночи возвращалась в город.

С помощью этих людей Эверсманн хорошо изучил природу Алжира и нашел много нового. Он даже занимался здесь выведением бабочек

Особенно подружился Эверсманн с известным знатоком птиц и зверей Северной Африки капитаном Лошем, директором два года тому назад организованного Алжирского музея, и его женой. «Лош — великий Нимврод, — пишет Эверсманн, — он имеет особый талант приручать зверей и энтузиаст этого дела. В еще большей степени это касается его жены, которая не хуже своего мужа знает орнитологию и маммологию». Весь дом Лоша был заполнен самыми разнообразными и совершенно ручными зверями — во дворе на свободе, на цепи, в комнатах, в клетках, в садках. Музей был хорош, и собственная коллекция Лоша великолепна. Эверсманн внимательно описывает показанную ему добычу первой Сахарской экспедиции Лоша (он как раз собирался во вторую). Среди них была и **Felis margarita,** барханная кошка, своеобразный песчано-пустынный вид, только недавно найденный у нас в Туркмении.

Из Алжира Эверсманн едет снова на Ривьеру (в Марсель), оттуда через Лион в Париж. Здесь он опять проводит время в научных учреждениях, посещает колониальную выставку и внимательно знакомится с опытами по разведению сатурний на шелк и с работой проф. Коста по рыбоводству. Последнее представляется ему в той действительно примитивной форме, как это велось, нерентабельным: «В целом это представляется мне не более, как интересной игрой», — замечает он. Судя по письмам, Эверсманн вернулся морем в Петербург в июне и несколько задержался там, попав в Казань в июле.

Из сделанных очерков заграничных путешествий Эверсманна видно, что даже тогда, когда они предпринимались в виде отпуска для лечения, это отнюдь не был отдых в обычном смысле слова.

Эверсманн мало сидел на курортах, но проделывал большие маршруты, по тем временам в достаточной мере утомительные и простиравшиеся даже на столь мало обжитую страну, как Алжир. Этот человек не мог сидеть без работы и, если не имел возможности экскурсировать и собирать, то изучал музеи и коллекции и в некоторых, как, например, в Берлинском музее у Клуга, работал подолгу.

Эверсманн всю жизнь вел подробные дневники и для своих заграничных поездок не делал исключения. Его статьи о путешествиях представляют собою во многих частях такие же описания, какие он делал во время своих специальных исследовательских поездок по России. Его интересы весьма разнообразны. Не считая мелких бытовых черт, замечаний об условиях путешествия, описания городов и г. п., мы находим здесь описания геологических явлений, ландшафтов, климата, рассуждения об отдельных метеорологических явлениях (мистраль), списки растений, фенологические сведения, списки насекомых, описания отдельных из них, биологические сведения, данные о развитии отдельных видов, замечания о позвоночных. Осматривая музеи и кабинеты, он описывает вещи, обратившие на себя внимание; целые страницы бывают заняты критическими замечаниями об отдельных видах птиц и млекопитающих, об интересных гибридах, осматривая партию зверей, прибывшую в Марсель, он подробно отмечает и описывает особенно интересные экземпляры; изучая Лошевскую коллекцию, тщательно записывает характерные признаки его новых видов, хотя казалось бы непосредственного значения это для его тем не имеет. Он подробно излагает работы некоторых ученых; как педагог интересуется учебной деятельностью университетов Много внимания уделяет возникшим тогда идеям акклиматизации и проводимым опытам[1]. Как врач он интересуется лечебными свойствами разных местностей, во многом не сходясь со своими современниками, осматривает лазареты, тюрьмы и т. п., описывает опыты разведения пиявок. В такой же степени его интересуют земледелие, животноводство, борьба с с. х. вредителями. Путевые заметки Эверсманна свидетельствуют не только о его разносторонности, наблюдательности и остром интересе ко всему, что его окружает, но и о большой работе, которую он нес во время своего «отдыха». Нужно иметь в виду, что в последнюю поездку Эверсманну было уже 63 года, и он был очень болен. На просьбу Ренара дать для «Бюллетеня» Общества статью о путешествии, Эверсманн 3 октября 1858 г. ему ответил: «В прошлом году, когда я уезжал отсюда, я был очень ипохондрически настроен и был убежден в том, что кончу свою жизнь во время поездки, поэтому дневники мои очень тощие, и едва ли статья представит интерес». Однако через две недели (19/X) он посылает рукопись, которая показывает, что работа во время этого путешествия шла не менее напряженно, чем в предыдущих, и дневники, как всегда, были достаточно полны.

---

[1] Эверсманн дает в этом очерке относительно очень подробное изложение собранных им сведений по акклиматизации. Как можно судить по письмам, это объясняется следующим обстоятельством. Только что основанное Московское общество акклиматизации животных и растений, по возвращении Эверсманна из-за границы, обратилось к нему с просьбой сообщить Обществу свои сведения об акклиматизационных работах заграницей. Чтобы не писать отдельного доклада, Эверсманн подробнее изложил соответственные материалы в своих путевых очерках и послал в Общество оттиск.

Поселившись в Казани[1] и превратившись в академического деятеля, Эверсманн отказался от своих планов далеких путешествий, но поставил себе другую цель. Он задался мыслью всесторонне изучить доступную ему территорию и с самого начала своей деятельности определил ее, как указано выше. Он с удивительной настойчивостью преследовал свою цель и отвлекался от нее лишь очень редко, описывая отдельные формы из других территорий или обращаясь к сводкам по всей России. Эти работы, однако, не основное в его деятельности. Эверсманн таким образом в известной степени был предшественником современных краеведов, однако, страна, избранная им в качестве поля деятельности, была огромна. В таком ограничении своей работы Эверсманн исходил из важного принципиального соображения, которое он высказывал неоднократно и в своих статьях и в письмах. Он считал, что одной из основных задач русских зоологов в его время должно быть полное описание животного мира России. Трудность такого грандиозного предприятия была Эверсманну, конечно, совершенно ясна — ведь и до сих пор мы еще не имеем полной «фауны» нашего отечества. То обстоятельство, что Эверсманн видел необходимость в ней, несомненно, делает ему честь, но еще более достойно уважения то, что он сто с лишним лет назад взялся за эту работу. Он совершенно справедливо считал, что единственная возможность осуществить такое дело заключается только в совместной работе большого числа авторов, и к ней он неоднократно призывал русских зоологов. Он ясно видел и необходимость известного рода организации сил и потому в письме к Г. И. Фишеру (8/V 1833 г.) горячо поддерживает выдвинутую последним идею учреждения большого Национального естественно-научного музея в Москве.

Коллективную работу над русской фауной он представлял себе несколько иначе, чем мы теперь. «Покуда не будет у нас издана порознь Естественная история разных частей огромной Русской империи, дотоле нельзя и ожидать подобного творения в отношении к целому государству», — писал он в 1840 г. Именно из таких соображений — ограничения ради общей широкой цели — занялся Эверсманн изучением «Оренбургского края» и этой цели подчинил и посвятил всю свою жизнь, совершив поистине огромный труд.

Эверсманну были вообще очень близки интересы русской науки. Немец по рождению, он совершенно сроднился со своей новой родиной и горячо любил ее природу. Формальный переход его в русское подданство (присяга в Казанском губернском правлении 10 мая 1840 г) только внешне оформил его внутреннюю связь с Россией, и дал ему уже полное право употреблять по отношению к ней термин «отечество». С Россией он сроднился и своей женитьбой на русской. На русских были женаты и его сыновья. Дети Эверсманна, повидимому, принимали участие и в общественных движениях своего времени.

Из сделанного выше обзора работ и путешествий Эверсманна не трудно видеть, что все они, частью даже и заграничные поездки, стояли в том же начертанном им «плане жизни».

---

[1] Эверсманн имел дом на Грузинской улице с большим садом и огородом который, как сообщил мне М. Д Рузский, хотя и переменил после смерти Эверсманна много владельцев, но оставался в прежнем состоянии еще в 1913 г.,

Совершенно о том же свидетельствует его кабинетная работа и напечатанные им труды.

Эверсманн был в высшей степени образованный и начитанный натуралист с широкими знаниями и интересами. Он весьма интересуется общими вопросами естествознания и высказывает нередко интересные собственные соображения. Всему складу его нрава были чужды общие места и спекуляции. Все его выводы делаются на основании огромного количества фактов, и собиранию фактов он с упорством предается всю жизнь. В этом он истинный сын своего времени. Обратившись естественным образом к систематике и зоогеографии, Эверсманн, начиная с первых лет своей работы, собирает коллекцию. Уже в 1831 г., как он пишет Фишеру (28/VIII), у него 139 видов бабочек (против 239 известных в то время для Европы), около 1 500 видов жуков и приблизительно по 400 видов двукрылых и перепончатокрылых К концу жизни его коллекция превратилась в одно из лучших частных собраний в Европе[1]. Он много собирает сам, меняется с русскими и иностранными зоологами и создает большую сеть корреспондентов в различных местах России, не говоря о том, что ему шлют на обработку отдельные группы. Среди доставлявших Эверсманну коллекции находятся и ученые и любители — проф. Фукс в Казани, проф Г. И. Фишер в Москве, Седаков в Томске, Цвик в Сарепте, Менетрие, врач и любитель лепидоптеролог Умов в Симбирске, казанский аптекарь и любитель-энтомолог Гелльман, студент Киттары, Таушер (Сарепта) и очень многие другие.

Особенно ценил Эверсманн Киндерманна и, при всей своей скупости на похвалы, о нем он отзывался с восхищением. Это был, повидимому, действительно замечательный сборщик и красочная фигура. По профессии торговец насекомыми, он был, видимо, сборщик-фанатик. Он собирал в разных местах — на Кавказе, на Урале, на Нижней Волге, в Алжире, в Иране, в Сибири и т. п., часто с

[1] В коллекциях Эверсманна в год его смерти, как это обозначено в письме его сына к Ренару (27/I 1861 г), хранилось следующее количество насекомых.

Lepidoptera	2848	видов	13964	экз.
Hymenoptera	2096	„	9254	„
Neuroptera	262	„	1449	„
Orthoptera	169	„	1551	„
Diptera	1410	„	6116	„
Kynchota	616	„	2307	„
Coleoptera	3852	„	15749	„
Всего	11252	вида	50420	экз

Нужно иметь ввиду, что Эверсманн дарил много своих материалов разным лицам и музеям, в частности охотно рассылал паратипы своих описаний Много посылалось Менетрие в Зоологический музей Академии наук В одном из своих писем он говорит, что, отбирая в 1859 г. материал для Академии, он устроил настоящее „разграбление" своей коллекции. Не без юмора замечает он, что охотно посылает материал Менетрие в подарок, но „достаточно умен", чтобы, несмотря на просьбы, не посылать на просмотр из опыта он установил, что получить материал из Академии назад не удается Большую ценность коллекции Эверсманна придавал широкий обмен, который он вел с русскими и заграничными учеными, его собственные сборы в Западной Европе и Северной Африке и то обстоятельство, что свои материалы он сравнивал с коллекциями многих заграничных музеев. Благодаря этому он мог совершенно уверенно работать в Казани и не ездить для научных занятий в музеи Москвы и Петербурга. Впрочем, эти последние в то время были еще весьма несовершенны.

приключениями Из Сибири его, например, как австрийца полиция изгнала с большими неприятностями (письмо Эверсманна).

«Несомненно, — пишет Эверсманн (1852 г.), — никто в большей степени не обладает уменьем собирать насекомых, чем неутомимый Киндерманн, который занимается этим с детства, и днем и ночью бродит по самым опасным местностям. Как известно, ночной лов самый добычливый и в течение всего лета и до глубокой осени, пока еще летают ночные бабочки, каждую подходящую ночь, вплоть до рассвета, проводит Киндерманн с фонарем на охоте; потом он ложится на несколько часов спать в лесу и, как только солнце немного обогреет землю, начинается дневной лов. В этой своей трудной жизни, которую может вынести только закаленное тело, Киндерманн уже часто (в горах Балкан, Турции, в Малой Азии, на Кавказе, в Грузии и других местах) подвергался величайшей смертельной опасности».

Эверсманн с ним был в дружбе, и Киндерманн несколько раз посещал его в Спасском и живал у него подолгу

Огромный и очень интересный материал, притом не только по насекомым, доставляли Эверсманну его препараторы Мирон Владимиров и особенно Павел Романов. Романов был человек мало грамотный, но очень любознательный и талантливый. Он обладал хорошими знаниями и даже помогал Эверсманну на лекциях. Прекрасный охотник, он к тому же отличался истинным талантом путешественника. На весьма скромные средства, которые ему давались, при всех трудностях в то время он ездил в самые отдаленные и трудные места[1]. Романов ездил и с Карелиным. Очень многое новое и замечательное из того, что описал Эверсманн, было добыто Романовым.

На свою коллекцию Эверсманн тратил очень много денег, в частности Романова он содержал на собственные средства Когда после смерти Эверсманна возник вопрос о продаже коллекций, то родственники не брались оценивать ее по расходам, понесенным на ее составление, так как цена получилась бы слишком высокая. Собирали и члены семьи Эверсманна. Двое сыновей Эверсманна, один из которых в то время уже был врачем, в 1853 г. приняли участие в военном походе на Ак-мечеть (позднее Перовск, ныне Кзыл-орда) (письмо 10/III 1854 г.). Они привезли оттуда много новых насекомых, послуживших материалом для специальной статьи (59). Так или иначе многие годы сборов создали в руках Эверсманна

[1] „С ничтожными денежными средствами, которыми снабжал его Эверсманн, Павел Романов совершил несколько замечательных путешествий и доставил Эверсманну чрезвычайно интересные коллекции зверей и птиц К сожалению, не нашлось никаких сведений о том, когда начались путешествия Павла Романова В июне 1838 г. он послан был Эверсманном в Киргизские степи Из Оренбурга Романов с отрядом Мансурова посетил Мугоджарские горы, оттуда пробрался в Гурьев, проехал морем в укрепление Ново-Александровское, провел здесь весну и часть лета и в конце сентября 1839 г воротился в Казань С 1840 г до 1844 г Павел Романов три раза был отправляем Эверсманном на Алтай и каждый раз вывозил оттуда богатые коллекции Он побывал в бассейнах рек Катуни и Чуи, пройдя последнии до китайской границы Посетил Тарбагатай, был на оз Нор-Зайсане, на р Аягузе, на оз Алакуле и в горах Алатау В 1847 г Романов был отправлен в южные отроги Урала и в Илецкую защиту В 1848 г Эверсманн посылал его на берега Аральского моря, где он пробыл несколько месяцев, коллектируя в окрестностях укрепления Раимского, в низовьях Сыр-дарьи“ (М Н Богданов, 1875 г).

такую коллекцию, которая позволила ему, не выезжая из Казани, весьма совершенно работать по систематике очень многих групп.

Для удобства обозрения трудов Эверсманна мы сначала рассмотрим его работы по позвоночным. По рыбам, как и амфибиям, Эверсманн совсем не писал и по рептилиям дал только одну работу в 1834 г. Это «Lacertae Imperii Rossici» (18), представляющая собою монографию, с прекрасными диагнозами, точными описаниями, тщательным анализом признаков, внимательным разбором личной изменчивости. Распространение дано весьма точно. Совершенно великолепны рисунки как тотальные, так и отдельных признаков. Это сочинение во всех отношениях образцовое, в котором талант исследователя соединяется с величайшей точностью и тщательностью работы. В ней прекрасно отразился весь стиль работы Эверсманна. Можно считать, что это было лучшее, что появлялось по русским рептилиям до него, и многие работы более поздних авторов несомненно уступают этой.

Специально по птицам и млекопитающим Эверсманн выпустил в общей сложности 11 работ разного объема Из них заслуживают особого упоминания следующие. Это прежде всего три выпуска «Добавлений» к Зоографии Палласа («Addenda» — 19), вышедшие в 1835, 1841 и 1842 гг. Они содержат сведения о различных видах в форме кратких и разрозненных заметок. В них заключаются данные по системе, биологии, распространению и описания новых форм. Все это выписки из дневников и замечания по поступающим коллекциям. Такие же сведения даны в отдельных статьях и позже в 1848, 1853 и 1855 гг. (49, 58, 62). Только млекопитающим посвящены две работы. Это «Сообщения о некоторых новых и мало известных видах млекопитающих России» 1840 г. (27) и обзор летучих мышей предгорий Урала 1845 г. (42). Первая работа совершенно в стиле только что упомянутых. Все они в сумме представляют большой интерес и не столько тем, что в них описано много новых видов, сколько сведениями о распространении главным образом некоторых ныне редких и исчезающих видов. После данных Палласа и других работы Эверсманна рисуют нам следующий этап изменений ареалов ряда форм. Статья о летучих мышах, как можно судить по письму к Ренару, написана под влиянием работ Кейзерлинга и Блазиуса и представляет собою, вероятно, первый в нашей литературе опыт описания этой группы с учетом краниологических признаков, зубной системы и т п., исполненный на современном нам уровне. Она иллюстрирована прекрасными рисунками. С посылкой рукописи этой статьи он пишет Ренару 2/II 1844 г.: «если бы каждый, находящийся в моем положении, хотел бы сделать что-нибудь подобное, могла бы получиться полная картина». Снова та же идея о коллективном и планомерном изучении фауны .

Как сказано, обзор летучих мышей сделан Эверсманном под влиянием новых работ Блазиуса. Это очень характерно для Эверсманна — выход монографий сразу обращал его к критическому пересмотру своих материалов по данной группе, к переоценке и ревизии своих взглядов и представлений. Иногда это служило поводом к изданию добавлений и исправлений, иногда к написанию совершенно нового обзора. Так было в нескольких случаях и с отдельными группами насекомых.

Из орнитологических работ одна (1850 г) содержит такого же рода материалы, как и названные по млекопитающим (53), две других (1845, 1852 гг) — описания новых видов с Арала и Алтая (40, 57).

Перечисленным и исчерпываются статьи Эверсманна по позвоночным. Он интересовался этой группой всю жизнь и знал ее отлично, широко и довольно хорошо ориентировался, например, в африканской фауне. Очень велики были и собранные им коллекции по позвоночным.

Совершенно особое место среди сочинений Эверсманна занимает его известная «Естественная история Оренбургского края», которую только формально можно отнести к числу работ по позвоночным. Это чрезвычайно широко задуманное произведение, которое автор характеризует так: «План моей книги очень прост: я намерен обозначить подробно и систематически все произведения природы, животных, растения и ископаемые, все что удалось мне собрать или видеть самому или, по крайней мере, о чем знаю положительно и достоверно, что оно принадлежит к числу Оренбургских произведений». Для нас, конечно, ясно, что исполнить такое намерение не под силу одному человеку, и что на это нехватит целой жизни. И тем не менее Эверсманн взялся за него и, хотя ему и не удалось кончить всей работы, он все-таки сумел сделать чрезвычайно много.

Первая часть книги была им написана за зиму 1836—1837 гг. (предисловие помечено январем 1837 г.) и вышла в 1840 г. Это — «Вступление в подробную естественную историю Оренбургской губернии, или общий взгляд на край Оренбургский в отношении к произведениям природы» (28). Том в 100 страниц содержит подробное географическое описание огромной страны со стороны климата, геологии, почв, геоморфологии, орографии и т. п. со включением отдельных моментов, характеризующих условия существования живых существ, как например степные палы (пожары) и т. п. Описание ведется по ландшафтным зонам. Задача этого тома развернуть тот фон, на котором протекает жизнь животных и растений в стране, и этой задаче подчинено все изложение. Читая эту замечательную книгу, поневоле удивляешься обширности познаний автора и мастерству, с которым физическое описание дано как раз в той форме и мере, которая нужна для понимания особенностей животной и растительной жизни страны. Оно дано не в качестве чего-то самодовлеющего, но именно «в отношении к произведениям природы». Такую характеристику страны мы не часто встречаем и в наше время

Идея о связи и зависимости животных от среды не сформулирована прямо, но сама по себе конструкция текста ясно говорит об этом. Достаточно упомянуть хотя бы об основном плане описания по ландшафтам.

«Естественная история», особенно в соединении с некоторыми другими работами, показывает, что Эверсманн, который хотя и не писал специально зоогеографических сочинений, обладал весьма глубокими и правильными взглядами в этой области. Его книга несомненно должна рассматриваться как предшественник тех замечательных сочинений, которые позже писали Богданов, Северцов, Миддендорф, и она конечно сказалась на них.

Разбираемая книга интересна и с чисто географической стороны. Эверсманн выступает в ней не как простой описатель, но ставит и пытается разрешить столь интересные проблемы, как история

Арало-Каспийских степей и происхождение чернозема, частью затронутые им, впрочем, и раньше.

«Естественная история» написана чрезвычайно легко, и заметно стремление автора сделать ее понятной и полезной не только специалистам. Последнее объясняется, вероятно, историей ее появления. Толчок к написанию давно задуманной книги дал В. А. Перовский, тогдашний Оренбургский военный губернатор, посетивший в 1836 г. Эверсманна. Перовский, конечно, был заинтересован в наибольшей доступности изложения. Он же, видимо, позаботился и о печатании книги, так как она была издана в Оренбурге в типографии Штаба отдельного оренбургского корпуса. Рукопись Эверсманн писал по-немецки, а перевод и очень полезные примечания сделал служивший при Перовском В. Даль. Последним объясняется и стилистически безупречный текст. Книга произвела большое впечатление на достаточно широкие круги. Отражением этого была благодарность за нее Министерства народного просвещения, выраженная Эверсманну в 1842 г.

Второй том «Естественной истории», посвященный млекопитающим, «их образу жизни, способам ловли и отношению к промышленности», вышел в 1850 г., через 10 лет после первого.

Эта большая задержка произошла не по вине Эверсманна и была вызвана, как он пишет, «непредвиденными обстоятельствами». Вероятнее всего, это было отсутствие денег, о которых пришлось хлопотать. Деньги были даны Министерством народного просвещения по ходатайству попечителя учебного округа.

Это прекрасное и весьма полное (почти 300 страниц) описание зверей, в сущности первое, и одно из лучших произведений такого рода в нашей литературе. До того, если не считать классической «Zoographia», были лишь путевые записи или скудные компиляции и каталоги.

Птицы у Эверсманна были написаны полностью, но при жизни автора обширный труд этот (более 600 страниц) так и не был издан. Он вышел только в 1866 г. Обработку рукописи и ее подготовку к печати сделал М. Н. Богданов, тогда еще казанский студент.

«Естественная история» в задуманном масштабе осталась не законченной. Однако, как мы увидим дальше, некоторые другие разделы оренбургской фауны были все же написаны. 1-й том оказался введением также и для целой серии энтомологических работ Эверсманна. Работы Эверсманна по насекомым касаются почти всех отрядов, и он не писал специальных сочинений только по жукам, хотя имел их много и знал хорошо. По этому отряду в России работало несколько человек, и он считал, что нет поэтому большой необходимости в его разработке. Специально по двукрылым он выпустил одну статью (17) в начале своей деятельности (1834 г.). Она представляет собою голый каталог с несколькими nomina nuda и не имеет интереса. Такова же и специальная статья по стрекозам (20) 1836 г. Точно так же только одна специальная работа была выпущена по сетчатокрылым, впрочем уже в 1850 г. В нескольких статьях даются сведения, главным образом новоописания, представителей нескольких отрядов. Главный интерес Эверсманна были бабочки и почти столько же внимания он уделял изучению перепончатокрылых. По этим группам, особенно по первой, он написал больше всего.

Энтомологические работы Эверсманна были нескольких типов. Наименьший интерес представляют те отдельные голые списки («nudi catalogi») бабочек, стрекоз, двукрылых, которые он опубликовал в первые годы работы. Эверсманн сам не придавал им значения. Некоторые из них Фишер, видимо, напечатал по собственному почину. Так например, статья о бабочках 1831 г. (14) представляет собою в сущности пересказ письма Эверсманна к Фишеру от 28/VIII 1831 г. и список, присланный ему, видимо, просто для сведения. В дальнейшем такого рода работ Эверсманн не выпускал.

В течение всей жизни, сравнительно меньше после 1850 г., Эверсманн опубликовывал отдельные заметки, содержащие, главным образом, описания новых форм или данные о мало известных. Эти работы содержали серии новых видов одного отряда, главным образом бабочек, или нескольких сразу. Появление таких работ вызывалось необходимостью «освобождаться» от огромного количества новых видов, постоянно накапливавшихся по мере быстрого роста коллекции и деятельной работы над ней. Запас этих новостей всегда был очень велик, и некоторые из них дожидались своей очереди опубликования много лет. Из некоторых данных можно составить себе представление, как это делалось. Повидимому, обнаруживая новый вид, Эверсманн отставлял его, делал рисунок (все совершенно виртуозные рисунки, которыми иллюстрированы его работы, он делал сам) и откладывал его. Повидимому у него были значительные альбомы таких рисунков. От времени до времени он собирал группу таких новых видов, как он шутливо называл их «рекрутов», и отправлял в печать.

Обычно, когда Общество просило его дать статью для «Бюллетеня» и у Эверсманна не было ничего готового, он, не желая отказывать Обществу, быстро обрабатывал диагнозы, вырезывал соответственные рисунки, наклеивал их на лист в формат «Бюллетеня» и через несколько дней посылал статью в Москву. Редко его публикации этого рода были результатом обработки новой полученной коллекции, как, например, сборов сыновей в походе 1853 г. В первые годы работы в Казани Эверсманн описывал новые формы, главным образом, из «Оренбургского края», включая и области, прилежащие к Каспию, в большинстве случаев то, что собирал он сам или его друзья. В дальнейшем, по мере расширения русских владений, все больше появляется новостей из Казахстана, а затем, с ростом сети его корреспондентов и репутации крупнейшего специалиста, появляются описания форм с Кавказа, Алтая, Джунгарской границы, Иркутска, Забайкалья (Даурии). В известной части это были сборы Романова.

Третий и наиболее важный тип работ Эверсманна это крупные систематико-фаунистические сводки и монографии, которые были двух родов: они касались или «Волжско-Уральских областей» или всей России. К сводкам по бабочкам Эверсманн приступил сравнительно рано, но, вообще говоря, они характеризуют собою последний период его жизни—время наибольшей зрелости. При этом можно заметить, что сводки по «волжско-уральским» странам предшествуют попыткам сводок по всей России. При чтении работ Эверсманна и его писем создается определенное впечатление, что он, тяжело болея и подходя к закату своих дней, явно торопился обобщить и

свести свои материалы даже по группам, по которым он почти не печатал ранее. Такова, например, статья 1850 г. по сетчатокрылым (52). Эта группа очень малочисленна, виды ее редки, и Эверсманн занялся ею потому, что за несколько десятков лет в его коллекции скопился хороший материал. Он стремился оставить после себя цельные и законченные работы все в том же и даже более широком плане полного изучения избранной для этого страны. Он почти не писал по цикадам, но незадолго до смерти в 1859 г. выпустил монографию «**Cicadae** Volgo-Uralenses» (66), группы, которая составляла для него много затруднений и над которой он работал и заграницей. В том же году вышла сводка «**Orthoptera** Volgo-Uralensia» (65) по группе, по которой Эверсманн писал довольно много.

Особо следует остановиться на сводках Эверсманна по бабочкам и перепончатокрылым. За сводки по бабочкам Эверсманн принимался несколько раз. Первая попытка была сделана в 1831 г., когда он опубликовал «Описание чешуекрылых насекомых, находящихся между Волгою и Уральским хребтом» на русском языке в нескольких выпусках «Казанского Вестника» (13). Работа эта во многих отношениях примечательна, но неполна и представляет собою первый вариант позднейших.

Первая большая работа этого рода по бабочкам вышла в 1841 г. — это «Fauna entomologica и т. д.», напечатанная двумя выпусками в Ученых записках казанского университета. Они составили первую половину первой части, вторая половина, уже почти напечатанная, сгорела в типографии[1], повидимому вместе со значительной частью тиража третьего выпуска «Addenda». Через три года, в 1844 г. Эверсманну, тоже в Казани, удалось выпустить расширенное издание этого сочинения (вероятно удалось восстановить его погибшую часть) под несколько измененным заглавием «Fauna lepidopterologica Volgo-Uralensis». Это большой том объемом в XIV + 633 страницы — произведение в высшей степени замечательное и, по крайней мере, в русской зоологической литературе не имевшее предшественников. Работа вполне соответствовала лучшим монографиям того времени по европейской фауне и в некоторых отношениях превосходила их. Совершенно естественно, что оно было событием в области энтомологии и тем более вызывает глубокое уважение к автору, что Эверсманн был первым, начавшим в России внимательно заниматься бабочками, следовательно, никакой литературы не было. Именно эта работа, особенно в соединении с последующими, сделала приуральские страны в отношении бабочек одной из наилучше известных областей Европы. Работа не представляет собою простого перечня видов с диагнозами. Это настоящая монография в нашем теперешнем смысле слова. В ней дана общая морфологическая и частью даже биологическая характеристика группы, диагнозы и характеристики семейств, то же для родов (с описанием гусениц). Виды описаны подробно, с указанием на половые отличия и варьететы и с подробными данными о распространении, времени лёта и т. п. Совершенно в противоположность распространенному тогда обыкновению Эверсманн описывал распространение весьма точно, в чем

[1] Письмо к Ренару 26/XI 1842 г. На экземпляре библиотеки Общества рукой Эверсманна сделана пометка „Opusculi continuatio incendio funesto, 24. Augusti 1842. habito complagrata est...“.

проявил не малое новаторство. Этому правилу он следовал всегда, и это делает все его работы совершенно полноценными с точки зрения наших современных требований. Особенно привлекает в этой книге оригинальность всех сведений. По любой странице можно видеть совершенно ясно, что это не компиляция и что Эверсманн не только имел перед глазами каждый вид, но и ловил его, наблюдал в природе, интересовался его биологией и использовал для книги не только коллекцию, но и большие дневники[1]. Выпустив эту работу, которая должна рассматриваться, как особый том его «Естественной истории»[2], Эверсманн как бы нашел свой тип монографий и в дальнейшем придерживался его с большим постоянством, внося лишь отдельные усовершенствования.

Сообщая Ренару в письме от 3 марта 1844 г. о том, что «Fauna lepidopterologica» на днях выходит из печати, Эверсманн говорит, что он «сделал что мог сделать в моем положении» и переходит теперь к другим группам, по которым за 25 лет накопился большой и хорошо собранный материал. Выполняя это свое намерение, Эверсманн уже в 1846 г. выпускает свою первую работу специально по перепончатокрылым. Это — серия новых видов. Первый выпуск его большого труда «Fauna hymenopterologica Volgo-Uralensis» (1847), как он сам говорит, есть плод 26 лет работы. Следующие выпуски появились в 1849, 1852, 1857 гг. В сумме они составили том в 300 с лишним страниц. Эту большую обобщающую работу, тоже составляющую один из томов «Естественной истории», Эверсманн сам считал одним из своих главных произведений. Работа построена по тому же принципу, что и сводка по бабочкам, но несколько еще улучшенному. Кроме диагнозов групп и видов, к каждому виду дано дополнительное описание всех частей тела насекомого и замечания об отличиях от ближайшего вида. Эверсманн это особо подчеркивает, так как краткие диагнозы, по его мнению, не могут удовлетворить, неясны и ведут только к увеличению синонимики, которой Эверсманн боялся. Даны размеры тела насекомых, опять точные данные о местах находок и биологические сведения — кормовое растение личинок. Все это выгодно отличает его книгу от тех, которые появлялись в то время. Эверсманн описывал насекомых так основательно, как в то время описывали позвоночных. Он впервые применил при этом определительные таблицы. В первом выпуске это были только краткие характеристики («Antennae nigrae, apice albae, Antennae totae luteae»), предшествующие описанию какой-либо серии видов,

---

[1] Как пример можно привести следующие отрывки:

Для Hipparchia iphis сказано: „Volat in herbidis provinciae Casanensis Simbirskiensis haud raro; in campis herbidis pinguibus et promontoriis uralensis provinciae Orenburgensis circa Orenburg, Busuluk, Sergievsk, Bugulma etc., vulgaris Junio et Julio; nec non in provincia Saratoviensi". Относительно H. phryne сообщено: „Animalculum tenerrimum, quod coelo, ventoso in campis ubique opertis et planis per vernum tempus dominante, perpetuo agitatum, facile laceratur.

Volat circa Orenburg rarissime; in campis cira Ilezk, praesertim circa fluvium Dougam, haud raro, ad fluvium Ural inferiorem et Volgam inferiorum frequenter, Aprili et Majo".

[2] В предисловии ко второму тому „Естественной истории" (1850 г.) об этом говорится так. Увидав, что издание тома зверей в „Естественной истории" „затягивается, я, — пишет Эверсманн, — приступил к обработке того же предмета с другого конца, т. е. занялся разрядом малоизвестных чешуекрылых насекомых русской фауны", и книга о бабочках „составляет часть Естественной истории Оренбургского края". Она была напечатана на специальные средства, отпущенные Университету Министерством по ходатайству Мусина-Пушкина.

в последующих выпусках — даны уже настоящие таблицы по английской системе, даже отдельные для самцов и самок. Эта книга поистине может считаться, по крайней мере, по форме и типу, образцом систематико-фаунистической работы даже и для нашего времени. В ней описаны лишь семейства **Uroceratidae, Tenthredinidae, Apidae.** Эверсманн надеялся позже дать и остальные. Следует еще заметить, что книга Эверсманна есть до известной степени результат его работы по бабочкам. Его со всех сторон побуждали опубликовать материалы и по другим группам, которые он предложил «энтомофилам». Можно заметить, что после Эверсманна и до наших дней (до появления «Фауны СССР») ничего подобного, по крайней мере в русской литературе, не появлялось. Естественно, что с точки зрения наших теперешних требований в этой работе имеются недостатки. Это сознавал и сам Эверсманн, когда писал: «Quod offeio est singuli hominis studium; qua de causa id mancum esse per se intelligetur. Sed tandem aliquando initium est capiendum. At quamcumque rem inceperis imperfectum esse, nemo est qui nesciat: nam per imperfecta ad magis perfecta nitimur».

Работая по «оренбургским» бабочкам, накопляя материал из самых разнообразных частей России и описывая его, Эверсманн сделался лучшим и общепризнанным знатоком этой группы. Не дожидаясь появления фаун отдельных частей России, к чему он уже много лет назад призывал зоологов, он понемногу подготовляется к тому, чтобы дать фауну бабочек России самостоятельно. Уже давно (с 1820 г.), правда, совсем в другом стиле, работу по сводкам ведет вице-президент Общества Г. И. Фишер, издавший до этого (с 1820 по 1832 гг.) четыре тома широко задуманной «Entomographia Rossica», заключающей полное описание насекомых России.

Фишер был уже стар, и ему по слабости глаз работать было трудно. Он пригласил для совместной работы Эверсманна, «ученого,—как говорит Фишер, — столь же заслуженного, сколь известного своими предшествующими работами в этой отрасли естественной истории». Обоих авторов соединяли дружеские отношения, завязавшиеся еще в 1821 г., и взаимное уважение. Эверсманн, как пишет Фишер, «из любви к науке и из дружбы ко мне, несмотря на многочисленные занятия», охотно принял это предложение, и так родились «Lepidoptera», том V «Entomographia Rossica». Эта работа (55), in quarto, с восемнадцатью цветными таблицами, сделанными Эверсманном, была издана Обществом в 1851 г. Эверсманну принадлежит общая редакция, повидимому, данные о распространении, в остальном же разделение труда авторов неясно. Этот том содержит только нимфалид, остальные должны были последовать. Однако по разным причинам работа задержалась, а вскоре Фишер умер (6/X 1853 г.), и издание прекратилось.

Среди прочих своих многочисленных трудов Эверсманн, однако, ведет эту работу дальше совершенно самостоятельно и скоро заканчивает описание ночных бабочек. Большая монография, написанная по типу уже упомянутых, преследует, как пишет автор, три задачи: показать и систематизировать известное к настоящему времени, дать сведения по распространению, частоте и т. п., как они известны по собственным наблюдениям автора, и дать любителям возможность самим определять материалы и таким образом разрабатывать еще очень мало изученную фауну. Как писал Эверсманн в одном из

исем к Ренару, у него материала на добрых сто лет работы, и, конечно, он не надеялся довести всю фауну до конца. Характерно, что, приступая к обработке, он взялся за самую трудную группу — ночных бабочек.

Печатать объемистое сочинение на казенные средства было очень трудно. Дела Университета, возможно в связи с началом Крымской войны, были не в блестящем состоянии, всюду проводилась строгая экономия казенных средств. Эверсманн обращается к Обществу с просьбой о публикации и оно берет это большое дело на себя и печатает, видимо не без затруднений, монографию отдельными выпусками в «Бюллетене». Вышло шесть выпусков за период с 1855 г. по 1859 г. (61). В общем это составило более 600 страниц, включая дополнения и указатели, данные в последнем выпуске. Это один из главных энтомологических трудов Эверсманна. Уже приближаясь к концу своих дней, Эверсманн, как видно из писем, очень интересовался ходом печатания своего сочинения, беспокоился об оттисках и с нетерпением ждал последнего выпуска, чтобы иметь возможность разослать все выпуски вместе в виде целого тома. Запросы об этом поступали к нему со всех сторон — и из России и особенно из-за границы. Для всех энтомологов его труд был сочинением первостепенной важности.

Вступление Эверсманна в число профессоров Казанского университета оказалось обстоятельством, решающим в его ученой деятельности. До этого времени (1828 г.) он еще не вполне определился в науке, хотя к началу академической карьеры ему было уже 34 года. Правда, в эти годы, как уже сказано, он много работал и много экскурсировал. Начиная, по крайней мере, с 1823 г., он каждый год публиковал статьи по разным вопросам. Юношеские планы больших путешествий были уже оставлены, а жизнь врача видимо не давала возможности целиком сосредоточиться на научных занятиях.

Первый период профессорства, если судить по его печатным трудам, был относительно менее продуктивен. С одной стороны, вероятно, много времени отнимала кафедра, с другой — и наверное это главное — годы с 1828 по 1840 были годами накопления полевых сборов, а также периодом внутреннего созревания. За это время все же, не считая многих мелких работ, им были написаны и такие солидные труды, как первый том «Естественной истории» и «Fauna lepidopterologica». Имя Эверсманна в это время в ученых кругах у нас и заграницей было известно достаточно широко. Однако наиболее продуктивными в смысле числа и солидности работ были, конечно, сороковые и пятидесятые годы — «Юпитеров возраст» Эверсманна (в 1840 г. ему было 46 лет). Тогда появилось наибольшее число его работ и при этом наиболее капитальных. В эти 20 лет, если не считать выездов заграницу и летних поездок в Спасское, Эверсманн работал почти исключительно над коллекциями и работал крайне интенсивно. Даже тяжелая болезнь не оторвала его от занятий, хотя очень много мешала.

У Эверсманна была болезнь сердца. Позже присоединились и другие болезни. Возможно, что сердечные страдания появились в результате бухарской экспедиции. Болезнь все время прогрессировала и была, собственно, главной помехой в личной и научной жизни этого удачливого человека. Еще во время пребывания в Оренбурге, вскоре после женитьбы, его здоровье было далеко не блестящим.

Врачи даже решили, что ему не прожить больше чем до 30 лет К счастью, врачи ошиблись, и сильный организм Эверсманна успешно противостоял болезни, несмотря на тот образ жизни, который он вел в вечно напряженной работе, экспедициях, экскурсиях и т. д Но болезнь сильно мешала ему работать, подрывала его силы и рано превратила его в старика 40 лет он боролся с ней, и в конце концов раньше времени она свела его в могилу.

Уже с сороковых годов ему приходилось для лечения ездить заграницу. Как можно судить по его письмам, болезнь часто принимала острые формы и развивалась быстро. Уже в 1846 г. он жалуется на слабость глаз — в короткие зимние дни он почти не может рисовать и ему приходится эти работы откладывать до весны. Несколько позднее: в 1849 г., живя летом в деревне, он жалуется на болезнь В 1850 г. он пишет о необходимости снова ехать заграницу для лечения, но условия для поездки были очень сложны, и поехать ему не удалось. 1851 г. был также очень тяжелым для Эверсманна, он болел все лето. Из Спасского его привезли больного в Оренбург, где он десять дней пролежал в больнице без всякой пользы для здоровья. Он заставил привезти себя все еще больного в Казань и, несмотря на шесть дней пути, почувствовал себя в Казани лучше Осенью Эверсманна здоровье опять очень плохо, но он все же выезжает. Его мучит ревматизм, появились опухоли в ухе. Ученый совсем не может работать, очень страдает от этого, терзается от скуки «Время идет со скоростью улитки», жалуется он в письме к Ренару

Научные интересы его, однако, не ослабевают, о болезни он пишет только вскользь, но даже по его почерку видно, что ему очень плохо. Тонкий, совершенно бисерный, как бы специально для энтомологических этикеток, но всегда ровный и твердый почерк в эти годы становится старческим, грубоватым и менее разборчивым В 1852 г. Эверсманн надолго наконец уезжает заграницу (см. выше). Оттуда он возвращается очень поздоровевшим, тон его писем делается бодрее, и почерк снова прежний — четкий и изящный. Здоровье Эверсманна поправилось не надолго В начале 1855 г. он опять тяжело болен и с нетерпением ждет весны. «Зима, пишет он, мой главный враг». Тем не менее, еще совсем больной, он на ближайшее лето строит планы большой поездки в «Джунгарские степи и горы» и предвкушает удовольствие привезти оттуда большую добычу, «так как, пишет он Ренару 10 марта, я поеду в местности, где не был еще ни один естествоиспытатель». Этому последнему плану большой поездки не удалось сбыться. Болезнь обострилась, и 17 апреля он пишет, что «десять дней был почти при смерти.. Из Джунгарской поездки, видимо, ничего не выйдет, даже если я поправлюсь, все равно будет поздно» « Куда я поеду, добавляет он, я не знаю, но если я хочу прожить следующую зиму, куда-нибудь ехать надо» Еще не совсем оправившись, он все-таки уезжает из Казани. Он едет в Златоуст, в Спасское, в Оренбург. Лето было дождливое и холодное, дороги ужасные, и двухмесячное путешествие оказалось в достаточной мере тяжелым, но, пишет Эверсманн, «после таких тягот я чувствую себя всегда лучше». Сказывалась старая любовь к путешествиям, бодрившая его еще на 62 году жизни.

Несмотря на тяжелую болезнь, Эверсманн не прекращает работы Можно даже сказать, что именно 1855 г. и последующие годы

были у него особенно плодотворны. Создается впечатление, что Эверсманн чувствовал близкий конец (а как врач, он мог это видеть лучше других) и торопился побольше сделать. Он больше беспокоится о судьбе своих статей, иногда просит ускорить их печатание, чего раньше не было. Наравне с этим у него не ослабевает живой интерес ко всем научным событиям и новостям. Он с интересом запрашивает Ренара о новых появляющихся в Бюллетене авторах, критикует статьи, делится полученными им сведениями о научных новостях из-за границы, например, о работах Зибольда по партеногенезу у бабочек и пчел, сообщает о своих работах, пишет о поездках и добыче Киндерманна, сообщает свои фенологические наблюдения и т п и попрежнему, по первой просьбе Общества, с готовностью садится за статьи для «Бюллетеня». При всем том, состояние его здоровья очень плохо, и это начинает сказываться на его настроении, обычно совершенно бодром. В начале 1857 г. здоровье его снова резко ухудшается Приводимое ниже письмо к Ренару лучше всего характеризует Эверсманна в эти годы.

«Уважаемый друг,

С глубокой благодарностью извещаю Вас, что № IV Бюллетеня за 1856 я получил Я искал в нем окончания моих Noctuélites, но напрасно.

Я опять, более чем в течение шести недель, был болен и лишь только неделю тому назад смог начать немного заниматься. Это ужасно скучно, когда находишься в таком состоянии угасания и по слабости тела и духа нет никакой возможности работать. Я просил годичный отпуск, чтобы поехать заграницу, и надеюсь, что мне это разрешат; тогда я выеду в мае или в начале июня.

В Петербурге много работают над бабочками; особенно деятельно занимается Менетрие приведением бабочек в порядок и составлением каталога, первая часть которого была уже напечатана в прошлом году, а вторая почти готова. Они там получили некоторые интересные вещи с Амура; эта местность однако должна дать в двадцать раз больше, если туда как-нибудь поедет такой сборщик, как Киндерманн Материал, полученный оттуда, до сих пор относится главным образом к дневным бабочкам.

Будьте здоровы! С дружеским приветом и глубоким уважением

Преданный Вам Д-р Э. Эверсманн

Казань, 25 апреля
1857».

Заграничная поездка 1857—1858 гг, из которой он даже не рассчитывал вернуться, позволила ему избегнуть опасной для него зимы (он был в это время в Алжире) Как уже было сказано, во время этого путешествия он был даже очень деятелен.

Несмотря на улучшение, Эверсманн, конечно, ясно видел близость конца и, вернувшись в Россию, спешил докончить свои дела. Последние полтора—два года его жизни, несмотря на болезнь и старость, были наполнены усиленной работой. 18 февраля 1859 г он посылает Ренару рисунки к статье о цикадах (66), видимо, только что написанной Это последние рисунки, пишет он, так как руки уже больше не слушаются. После болезни, потрясшей организм два года тому назад, оправиться уже нельзя.. Вскоре наступает новый приступ

болезни, но летом Эверсманн все-таки уезжает из Казани. По дороге он заезжает к сыну в Сергиевск, где тот был старшим врачем курорта, и там снова заболевает. Он лежит три недели и больным велит везти себя в Казань, где немного оправляется. Он уже плохо слышит, у него неясная голова. Несмотря на это, 2 сентября 1859 г он пишет Ренару, что на предложение Общества приготовить второе издание «Fauna hymenopterologica» идет охотно, обещает скоро прислать рукопись и садится за эту огромную работу.

К болезни присоединяются и некоторые житейские неприятности в Казани дороговизна, нет разменной монеты, раздражают трудности, созданные новым таможенным законом. У него масса корреспондентов заграницей, а посылать оттиски стало нельзя, и он просит Общество помочь. Начинаются студенческие волнения — в Университете арестовывают 20 студентов и с жандармами отсылают на родину. Возможно, что и семья Эверсманна как-то была причастна к этому движению, о чем уже было сказано выше. У Университета нет денег, и он не может купить коллекции, которые ему предлагает Ренар. При попечителе Мусине-Пушкине он ежегодно имел тысячу рублей на покупки для музея, теперь же ни одного рубля. Экономических сумм у Университета мало, а бюджет его музея всего 132 рубля. «С преемниками Мусина-Пушкина ничего нельзя было предпринять раньше, нельзя и теперь». На это он жалуется горько и больше, чем на свою болезнь

Очень тяжело переносит он ту борьбу, которую ведет против него в Университете, совместно с некоторыми другими профессорами, его бывший близкий друг профессор Вагнер (см. ниже). Все это, а особенно университетские неприятности, очень тяжело отражаются на нем, сильно ухудшают и ускоряют течение его опасной болезни и создают мрачное и тяжелое настроение. 25 ноября 1859 г. он пишет Ренару· «Я все прихварываю и притом нахожусь в фатально-ипохондрическом настроении, и ничто меня не радует». Однако в этом же письме он пишет об обмене коллекциями и сообщает, что скоро отправляет рукопись II издания «Fauna». В декабре рукопись «Fauna hymenopterologica editio altera, emendata et aucta» была готова Она содержала в расширенном виде (было сделано очень много добавлений) семейства, опубликованные ранее, и было добавлено новое (**Mutillidae**). Это расширило объем работы (в первом издании было около 305 страниц) примерно на 3 печатных листа. Эверсманн сам и особо тщательно переписал всю рукопись, так как, пишет он, в первом издании были опечатки в знаках препинания, отчего искажался смысл. Это прекрасно характеризует тщательность, с какой работал Эверсманн. Тяжело больной старик сумел сделать все это в четыре месяца

Нужно еще иметь ввиду, что в 1859 г. Эверсманн усиленно работал над «Орнитологией Оренбургской», третьим томом «Естественной истории», посвященном птицам. Эта книга, объемом в 600 страниц, вышла уже после его смерти. Она была в большей своей части написана и закончена тоже в 1859 г. Итог по важнейшим разделам сорокалетних работ по позвоночным был подведен.

1 января 1860 г. Эверсманн извещает Ренара, что со следующей почтой отправляет рукопись по перепончатокрылым, а в середине января он уже слег и больше не вставал 6 марта торопливым и неясным почерком он пишет своему старому другу Ренару ко-

роткое и мужественное письмо, которым кончается переписка, длившаяся двадцать лет.

«Высокоценимый друг!

Вы не должны больше ждать от меня письма, приближается мой конец, я уже два с половиной месяца moribundus; редко выпадают несколько минут, когда у меня бывает столько сил, чтобы, как, например, сейчас, нанести на бумагу несколько слов. Я давно уже хотел Вас об этом известить, но до сих пор не был в состоянии этого сделать. Будьте здоровы! Если бы мне пришлось, против всяких ожиданий оправиться от моей болезни, то я надеюсь об этом Вам в свое время сообщить.

Всегда в дружбе
Ваш

Д-р Эдуард Эверсманн.

Казань. 6 марта
1860».

Эверсманн болел еще более месяца и болел тяжко, но был в сознании. Еще за несколько дней до смерти он получил письмо от Арцыбашева с орнитологическими вопросами — ответ на его запросы к Ренару. Старший сын, по просьбе Эверсманна, извещает Ренара, что отец благодарит за письмо, но просит сообщить, что не может заняться этим делом.

В ночь с 13 на 14 апреля 1860 г шестидесяти шести лет от роду Эверсманн умер.

Эверсманн был несомненно одним из самых выдающихся и одним из самых известных русских зоологов первой половины прошлого века, времени вообще довольно богатого славными именами. Имя Эверсманна мы встречаем во всех современных ему энциклопедиях, справочниках, обзорах успехов зоологии и т. п. как имя одного из наиболее крупных и заслуженных ученых. Работы Эверсманна вызывали большой интерес. Любопытно, что те тома «Бюллетеня» Московского общества испытателей природы, которые содержали его статьи, расходились целиком и скорее, чем другие. Высокая оценка заслуг Эверсманна современниками нашла свое внешнее выражение в избрании его членом многих ученых обществ. Кроме Московского общества испытателей природы, он был избран в члены Каролино-Леопольдинской академии в Бонне, Общества любителей естествознания в Берлине, Академия общеполезных знаний в Эрфурте, Штеттинского энтомологического общества, Общества естествоиспытателей в Афинах, Общества Лотос в Праге, Русского географического общества, С.-Петербургской Академии наук, Зенкенбергского общества во Франкфурте-на-Майне.

Широкая известность Эверсманна в немалой степени объясняется также и тем, что он вел очень обширную внутреннюю и международную переписку, а также обмен работами и коллекциями. Эверсманн был лично знаком с очень большим количеством европейских ученых и среди них с крупнейшими и наиболее известными в то время Очень многие и в том числе такие, как Лессон и Бонапарт, в знак уважения в его трудам назвали в честь его новые виды. Формы eversmanni имеются среди млекопитающих, птиц,

рептилий, всех групп насекомых — всего несколько десятков. Многие растения также носят его имя.

Мы уже давали выше оценку некоторых трудов Эверсманна. Здесь можно в обобщенной форме сказать, что едва ли кто-нибудь из его современников сделал столько для изучения животного мира России. Он избрал для своих главных трудов, правда, лишь часть России, однако, огромную, и изучил ее в такой подробности и совершенстве, что она, по справедливости, долгое время считалась наилучше изученной. Можно даже сказать, что область исследований Эверсманна к концу его жизни и исключительно благодаря его трудам сделалась одной из наилучше известных частей Европы, не говоря уже о любой части Азии. Одна из причин того, что о фауне Урала и Приуралья и до сего времени западные энтомологи знают больше, чем о фауне других частей СССР, заключается именно в том, что здесь работал Эверсманн. Можно без преувеличения сказать, что для изучения нашей родины вообще мало кто сделал столько, сколько Эверсманн. Его по праву можно назвать Палласом первой половины прошлого века, конечно, в том смысле, какое можно в такое понятие вложить, имея ввиду уровень и объем знаний того времени, диференциацию наук, ушедшую тогда уже далеко, и другие особенности естествознания того времени. Эверсманн сам считал себя продолжателем дела Палласа

Он был несомненно первым, который так углубленно и разносторонне изучил огромную территорию, изучил не только современными методами и приемами, но во многом нашел и осуществлял новый тип изучения и описания. В подобном виде он применялся на Западе по отношению к гораздо меньшим и часто менее разнообразным территориям, у нас же работы Эверсманна стали образцом фаунистических работ в лучшем и современном нам смысле слова. Введение их в науку — большая заслуга Эверсманна. Особенность научных трудов Эверсманна заключается в том, что после него ни один зоолог не знал избранной территории с такой глубиной, полнотой и разносторонностью, как Эверсманн. После Эверсманна во второй половине века фаунистические работы по полноте и научному уровню, за отдельными исключениями, были гораздо ниже. Это происходило не только потому, что вместить такой фактический материал, какой вместил Эверсманн, было не по силам подавляющему большинству зоологов. Причина лежала и в том, что сами цели и задачи фаунистического исследования, в связи с полным и безраздельным властвованием чисто статистических принципов в зоогеографии, оказались, к сожалению, принижены Если Северцов в начале своей деятельности и особенно Минддендорф сумели дать исключительные образцы зоогеографических работ, в известной мере вытекающие из работ Эверсманна, то в этом заслуга только их ума и таланта, давших такие плоды вопреки господствовавшим мнениям. За это они, впрочем, в значительной мере поплатились тем, что и до настоящего времени недостаточно оценены..

Что характерно для Эверсманна, как для ученого и человека? Мы говорим «и человека» потому, что в этой цельной натуре обе стороны не отделимы. Первая черта — это исключительная любовь и преданность, можно сказать, страсть к науке. Из этого вытекает и остальное. В 1839 г. на публичном университетском акте Эверсманн произнес речь «о пользе наук естественных в особенности

зоологии» (26). Это очень любопытный документ, который интересен также и для характеристики самого Эверсманна, в частности, для его отношения к науке. Доказательства пользы зоологии Эверсманн приводит двоякого рода. С одной стороны, он подробно рассматривает те чисто хозяйственные интересы, которые связаны с зоологией (об этом сказано ниже), с другой же — аргументирует пользу этой науки со стороны, так сказать, моральной. Чувства ученого, почти фанатика своей науки, правда, в необычном для нас, но в соответствующем эпохе и случаю стиле, выражены здесь очень ярко. Мы приведем несколько выдержек.

«Без исключения всякая наука, говорит Эверсманн, доставляет нам удовольствие, когда с ней уже знакомы коротко; когда знаем ее столько, чтобы занятиям предаваться с охотой, с той охотой, которая, как скоро родилась, необходимо растет и превращается наконец в непреодолимую страсть. Человеку свойственно во всяком учении желать итти далее, неизвестное сыскать, причины их действия постигнуть, явления понять и протолковать из общих законов, которые наконец раскрыть и тем рассеять темноту вокруг него. Вот каким образом случается, что самой отвлеченной и, кажется, сухой, безжизненной предмет, когда наш ум усвоил его себе, бывает предметом любимым и доставляет нам самые приятные занятия. Так, посвятя всю жизнь изучению мертвых языков, филолог сидит обкладенный кучею ржавых книг и мечтает с восторгом, что нашел сокровище, тогда как удалось ему сыскать только корень какого нибудь слова Углубленный в размышлениях, несколько часов с ряду, ни чем неразвлекаемый математик, о чем думает? — трудится выразить числом длину кривой линии Простолюдину конечно до того нет нужды, вода простое тело, или состоит из водотвора и кислотвора? электричество перескакивает искрой из проводника ли в разрядник, или наоборот? два ли существуют электричества, положительное с отрицательным, или одно, которое бывает то в избытке, то в недостатке? свет распространяется волнами, или течет струей по прямой линии? Какая мне прибыль, говорит он, то или другое справедливо; или ни то, ни другое не верно? Так думает тот, кому науки чужды; но разсуждает не так озаренный светом учения, преданный исследованиям своим со страстью, подстрекаемый любопытством и трудностию в успехе. Решение таких вопросов, по его мнению, должно, либо служить к подтверждению, либо совсем разрушить умозрительную систему, а с ней его все наслаждения, все благополучение в его жизни. Если с этой стороны смотрим на всякую науку, если тут мы соглашаемся, что самой отвлеченной и мертвой предмет в учении может нас занимать приятно; то как же не предполагать удовольствия в исследованиях орудной природы, где все дышет жизнию, где нам она представляется в разнообразных и бесчисленных видах, вызывает наш ум к самым занимательным толкованиям и дает обильную пищу деятельному воображению? Чем глубже вникаем в премудрость сотворения, тем справедливее можем восклицать с Плинием — magna natura in minimis — велика природа в своих малейших произведениях!».

Эта страсть к науке соединялась у Эверсманна с искренней и глубокой любовью к живой природе и к путешествиям, любовью, которая в нем была ярка в ранней юности и с которой он умер. «Что может быть приятнее знакомства с хозяйством и бытом природы, всегда юной природы, которая ни стареет, ни слабеет, в которой на-

ходит ум новые предметы для своих исследований, хотя бы века для людей проходили в этих непрерывных занятиях? Жизнь даже всякого насекомого представляет заманчивой, обширной и любопытной роман».

«Какое множество предметов, говорит он далее, путешественник в природе встречает, с удовольствием созерцает и дивится; но все под условием однакож, быть хорошо знакому с наукой. Подобно тому, как тяжело бывает присутствовать в обществе, где видим одне чуждые лица; как напротив приятно быть в беседе с людьми нашего круга, равных с нами познаний, с теми же привычками в образе жизни: так точно знаток в произведениях природы, посвящая свободные часы любимым занятиям, в прогулке на каждом шагу беседует с одушевленным, понятным для него во всех явлениях жизни, с этим разнообразным, столько дивным миром. Каждую былинку, каждый цветок встречает радостным взглядом, как предмет его любимых исследований: он его рассекает и предается наблюдениям. В каждом насекомом видит уже прежнего знакомца, который известен ему во всех преобразованиях, начатых с неприметного яйца, в образе червячка потом, и сонной в запелененной куколке. Пение птицы для него приятнее нежели другому, потому что знает побудительную причину. Для него таится поэзия в самом чириканьи стрекозы, в этом призывном звуке влюбленного самца, тоскливаго по своей подруге. Словом, все привлекает, все приводит его в восторг».

Эверсманн не видит наслаждения природой без знания ее. Говоря об инстинкте (там же) и приводя примеры его, он заключает:

«Сколько тысяч можно насчитать подобных явлений от внутренняго побуждения, которому нельзя довольно надивиться. Между тем это все приносит удовольствие, душевное наслаждение тому, кто, посвятив себя науке, постигает деятельность живаго мира; тогда как напротив, природа мертва для того, кто сам ее чуждаясь, если выходит напрогулку, то с тем ограниченным только желанием, чтобы подышать свежим воздухом».

Превознося любимую науку в таком выспреннем и вместе с тем, даже трогательном стиле, Эверсманн находит и более веские, хотя для нас и необычные аргументы ее общественной полезности.

«Молодому человеку, говорит он, надобно советовать, чтоб он учился Естественной истории, чтобы в будущем с этими познаниями для него приготовлен был предмет приятных занятий, по крайней мере, для праздного времени. Особенно в нашем обширном государстве, как часто юность, кончив поприще наук, обещая много в начале по своим способностям, едет в отдаленную страну, где среди бедного народонаселения, в обращении с людьми, которых образованность еще скуднее, попавшись в пустой уезд на дальние заводы Сибири, не находя приличнаго товарищества, вне просвященнаго круга, со скуки предается безпутству, губя в нем навсегда свои дарования со всеми познаниями, приобретенными собственным трудом и напрасным попечением правительства. Сколько я видел сам этому примеров в моем путешествии. Еслиб эти же молодые люди научались Естественной истории, по крайней мере, до той степени, чтобы с охотой могли свои познания применять и таким упражнением наполнять промежуток досужнаго времени, не правда ли чтоб они, продолжая полезную службу, сделались бы вместе примерно добрыми гражданами? Итак вот еще сторона, с которой смотря на нашу науку, должны по-

читать изучение природы необходимым в воспитании; должны также сознаться, что к сожалению предметом этим обыкновенно мы пренебрегаем». И далее: «Зоология, приятно занимая нас, образует и самый ум, с тем преимуществом пред другим учением, что не подрывая здоровья в принужденном роде жизни, как это бывает к сожалению при других, умственных напряжениях, она напротив укрепляет наше тело и придает веселый нрав, который собственно составляет один наше благополучие, который отклоняет нас от пронырства, тщеславия, суетности, сварливости, от поступков завистливаго самолюбия, от излишества чувственных наслаждений».

Два важнейших двигательных стимула всей деятельности Эверсманна — любовь к науке и любовь к природе — соединялись у него с исключительным трудолюбием, трудоспособностью и настойчивостью. В период, когда академические профессора больше сидели в своих кабинетах, а путешествовали по России и с какой-то жадностью, часто с опасностью для жизни, ее изучали, главным образом, неофициальные зоологи, Эверсманн сделал огромные маршруты и собственноручно собрал богатейшие коллекции. Наравне с этим он написал такое количество трудов, которых по масштабам и темпам того времени хватило бы на добрых две жизни. Достаточно упомянуть об «Естественной истории Оренбургского края», о монографиях бабочек и перепончатокрылых. Каждая из этих работ в отдельности могла бы увенчать труды солидного зоолога. Живя исключительно интересами науки и проводя время [1] только в кабинете и природе, Эверсманн отказался от всякой иной жизни, и в этом причина того, что его научная деятельность была так богата и так плодотворна. Из его писем мы видим, что он тоскует и плохо настроен тогда, когда не может работать, и он упорно работает всю жизнь до последних дней, работает даже тяжко больной, мужественно борясь с болезнью.

Очень характерна для Эверсманна строгая планомерность и последовательность его работы, та твердая, неуклонная воля, с которой он проводил в жизнь свои планы и, можно сказать, строил свою жизнь. Наметив себе в юности путь исследователя Азии, он начал его осуществлять в двадцатилетнем возрасте и шел по этой дороге до конца жизни. Она была не очень пряма — ему пришлось отказаться, по условиям времени, от юношеских планов путешествий в глубину Азии, а здоровье и, может быть, житейские обстоятельства не дали ему возможности самому сделать все те маршруты, к которым он стремился в зрелых годах. И все же вся его деятельность была посвящена именно изучению фауны Азии и ее преддверий. Сделал он в этой области чрезвычайно много и всегда будет занимать почетное место в ряду первых исследователей азиатской природы.

С той же настойчивостью и упорством он в течение целой жизни осуществлял широко задуманное изучение оренбургской фауны, как основную свою работу в плане фаунистического изучения Азии; он обрабатывал последовательно группу за группой — над последними он работал еще за несколько месяцев до смерти, спустя почти сорок лет после того, как работа была начата.

Эверсманн как зоолог прежде всего — систематик. Возникает вопрос, может быть и несколько странный: что именно заставило его избрать эту область зоологических исследований, при разнообразии его склонностей, интересов и знаний? Нам думается, что причина ле-

жит не только в его, так сказать, натуре систематика, но опять в той же поставленной себе жизненной цели: нельзя было отдать свои силы обобщающим темам до тех пор, пока не будет изучена фауна систематически, пока не будет разработан основной фактический материал для обобщений. И Эверсманн настойчиво делает эту работу, откладывая специальную обработку и изложение интересных общих соображений, которые — это легко видеть — постоянно возникают и занимают его. Он всегда стремится, говоря его же словами. «явления понять и протолковать из общих законов». Эверсманн был весьма образованный не только зоолог, но и естественник вообще и очень интересовался успехами не только ботаники, которую хорошо знал, но, например, и физики, он следил за литературой и в этой области. Особенно, конечно, внимателен он ко всем направлениям, намечающимся в биологии, и ко всему новому здесь. Сообщая Ренару о своих впечатлениях от съезда в Бонне, он пишет 9 декабря 1857 г.: «бросается в глаза материалистическая тенденция, которая царствует теперь среди естествоиспытателей». Эверсманн был и геологом и хорошим географом. В частности, он интересовался такими проблемами, как происхождение Арало-Каспийских степей, происхождение чернозема и писал по этим вопросам.

Эверсманн был несомненно выдающимся систематиком и совершенно исключительно знал фауну не только Оренбургского края, но и всей России, а также и зарубежных стран. Он выступал со специально систематическими работами и частью монографиями по всем позвоночным (кроме рыб), по бабочкам, перепончатокрылым, полужесткокрылым, стрекозам, прямокрылым, цикадам, сетчатокрылым. Достаточно прочитать хотя бы орнитологические статьи этого «энтомолога», чтобы видеть, что он знал не случайно вырванные отделы, но группы целиком — в каждой он чувствовал себя, так сказать, «дома», даже в тех, по которым специально не писал, как, например, в группе пауков. Число описанных им видов, прежде всего бабочек, огромно и превышает несколько сотен. Такое знание фауны встречается вообще крайне редко.

Эверсманн был человеком фактов. Он ясно видел, что, работая как систематик и фаунист, он кладет фундамент изучения животного мира России. Можно быть уверенным, что не только по свойствам своего характера, но и потому, что ясно видел важное значение этой работы, он был очень точен и осторожен в своих систематических работах. В них у него, как у всякого, есть и ошибки, но они объясняются отнюдь не неосторожностью или поспешностью. Эверсманн описал огромное количество новых видов, но все же очень многие виды остались не описанными. Он не торопился с опубликованием новостей и уже отнюдь не гнался за этим—многие из них «торчали» у него годами и даже десятилетиями. Отчасти просто руки не доходили, отчасти же вещи «вылеживались» в ожидании дополнительного материала[1]. Иногда, прежде чем описать новый вид, он успевал собрать по нему много биологического материала. Так, попутно с подробным описанием биологии одной из цикад, он дает и ее диагноз;

[1] Издание второго тома „Естественной Истории“ по „непредвиденным обстоятельствам“ задержалось, и он вышел только через 10 лет после первого „Впрочем, пишет Эверсманн, остановка эта обратилась мне в пользу. она дала возможность дополнить мои наблюдения“.

в другом случае биологический очерк относится к одному из новых видов, который так и остался неописанным.

Эверсманн положительно боялся синонимики, считая ее одной из главных помех в работе. В его письмах можно встретить любопытные указания на это: в одном он просит, например, изъять из печати его рукопись о новом сверчке, так как у него появились сомнения: «у нас и так довольно синонимов», пишет он. В другом письме он просит Ренара внести исправления в текст, изменить везде имя новой летучей мыши, обозначенное им в посланной рукописи, как **Vespertilio hortulanus,** так как он узнал, что одному из своих корреспондентов уже давно послал экземпляр этого животного, обозначив его тогда по этикетке как **V. brandti.** Это уже положительно крайняя степень осторожности, которую можно проявить в отношении номенклатуры.

Эверсманн крайне осторожен и в обозначении новых видов, стараясь тщательно элиминировать варьететы. На них он обращает очень серьезное внимание, но отнюдь не с целью создания новых имен для них — тенденция, которая среди энтомологов часто принимает не только совершенно бессмысленные, но и крайне вредные формы. Эверсманн изучает варьететы с целью уяснить себе границы данного вида. Не только желание сделать свои работы предельно ясными и полными, но та же боязнь синонимики, стремление не вводить никого в добросовестное заблуждение и дать возможность критиковать свои формы заставляют его делать очень полные описания насекомых. Он был, вероятно, одним из первых энтомологов, который описывал насекомое целиком, все части его тела, а не ограничивался диагнозом в одну строчку Это, конечно, огромный труд, но Эверсманн шел на него, так как считал это нужным ради общего развития науки. Все описания видов в монографиях и фаунистических работах сделаны Эверсманном на основании экземпляров, пойманных именно в данной местности. Самца и самку он относил к одному виду только в том случае, если ловил их in copula.

Эверсманн совершенно справедливо считал, что географическое распространение животных «есть весьма важный отдел науки» и требует самого доброкачественного фактического материала. Поэтому его указания на географическое распространение видов исключительно точны, осторожны и никогда не даются в общей форме. Этому у него могли бы поучиться очень многие из теперешних энтомологов, которые, видимо, считают обязательным точное описание морфологических признаков насекомого, но в то же время допускают самые расплывчатые и неопределенные указания на географическое распространение.

Эверсманн не написал ни одной работы, которую мы могли бы обозначить, как посвященную теории систематики. Однако некоторые его высказывания в этом отношении представляют интерес. Они любопытны, правда, с чисто исторической стороны и тем более, что исходят от одного из наиболее выдающихся систематиков. Эверсманн проявляет, можно сказать, даже удивительное равнодушие к вопросам надвидовой системы и, в частности, к понятию рода. Многочисленные системы, прежде всего насекомых, появлявшиеся в то время, по его мнению, не лучше одна другой и все совершенно не удовлетворяли его. Как практик он не принимал системы, основанной на «невидимых» признаках,—на строении личинок и т. п., и

по разным причинам, которые можно не приводить, считал обязательным основываться лишь на признаках имагинальных стадий. С нашей теперешней точки зрения, учет особенностей развития при выяснении взаимоотношений групп, вообще говоря, представлял собою в то время несомненно прогрессивный момент. Это была подготовка к приданию системе характера естественной — выражения генетических связей. Однако это проводилось в формах, вызывавших со стороны Эверсманна резкие возражения. Главное, что ставило его в оппозицию к новым системам, была очень резкая тенденция к «рододробительству», которая делалась господствующей. Он особенно протестует против узкой трактовки рода. К слову сказать, в ней было довольно много простого стремления к новоописаниям, чего Эверсманн не мог не видеть и что ему претило. «В современных системах млекопитающих, говорит Эверсманн, мы находим почти для каждого вида особый подрод, род, подсемейство и семейство; часто даже секции и подсекции, трибы и подтрибы», и эта опасность грозит и системе насекомых. В своей манере трактовать род широко Эверсманн близок к взглядам современных систематиков и, конечно, прав. Однако аргументация его свидетельствует отнюдь не о желании сделать систему возможно более естественной. Со свойственной ему прямотой он пишет (1848 г.): «Я хорошо знаю, что те естествоиспытатели, которые не ценят таких систем (систем с дробными родами — **В. Г.**), считаются людьми, упорно придерживающимися старины и не желающими или не могущими итти вперед вместе с духом времени. Пусть будет так. Для меня система не более, чем средство для определенной цели. Цель же заключается в том, чтобы легко найти нужный вид, и система должна дать к тому возможность. Та система, которая этой цели достигает наилучшим образом, для меня самая лучшая. Я не хочу этим сказать, что система Трейчке вполне достигает этой цели; я только потому продолжаю ее употреблять, что однажды начал ею пользоваться, а также потому, что остальные системы столь же неопределенны, как и эта».

Центром внимания Эверсманна был вид. Просматривая его статьи, мы можем констатировать, что он весьма интересовался внутривидовыми изменениями и их закономерностями; под варьететами он в большинстве случаев понимает то, что мы сейчас называем подвидом. Этим и объясняется его тенденция соединять несколько видов в один, переквалифицируя виды в варьететы, имеющие определенный географический ареал. Конечно, вопросы внутривидовой изменчивости, разработанные в сущности лишь в последние сорок лет, были ему неясны в полном объеме, но по ряду вопросов он имел достаточно определенные представления, сходные с нашими. Его взгляды в этом направлении сложились уже в тридцатых годах и, например, в 1837 г. (22) он ясно указывает на определенные географические направления изменений и географический изоморфизм. Он сравнивает описываемых им бабочек с представителями того же вида с Севера, из Сибири и из Западной Европы в отношении размеров и окраски. Один из общих его выводов сводится к заключению о посветлении окраски на юге в более пустынных местностях — общеизвестное ныне правило Глогера. Немного позже (1840 г.—см. ниже) Эверсманн развил эти замечания в заметках, где затронуты столь существенные вопросы, как зависимость признаков животных от климата, связь их распространения с климатом и ландшафтом, вика-

риат близких форм; в ясной форме акцентируется вопрос о географических расах, констатируется даже такое явление, как переходные формы и зоны между систематически близкими формами и т. п. (см. ниже). Остается только пожалеть, что все эти мысли он не развил подробнее [1].

Замечания Эверсманна весьма интересны также и потому, что в них он особо подчеркивает важность биологии животных для систематики. Его примеры, правда, не все удачны, но в них есть мысль, весьма полезная и до сих пор еще мало претворенная в жизнь. Биология животных (еще юношеский интерес Эверсманна) привлекала его всегда. Он останавливается на ней в своих работах по позвоночным, но особенно показательны его статьи по биологии насекомых. Их немного (30, 34, 35, 43, 51, и нек. др.), что легко понятно, если принять во внимание трудоемкость этих работ. Они весьма интересны и рисуют нам Эверсманна как тонкого и хорошего наблюдателя. Эта отрасль знания в то время отнюдь не пользовалась популярностью и развилась по-настоящему значительно позднее. Мы имеем основания считать Эверсманна одним из первых, по крайней мере в России, работников в этой области, давшим к тому же хорошие образцы. Такова, например, его статья по биологии одиночной осы, заготавливающей пауков для своего потомства.

Эверсманн в течение всей своей жизни, и не только в поездках, вел подробные дневники, и это отразилось в его работах, где по отношению к очень большому количеству видов приведены фенологические сведения. Фенология интересовала Эверсманна и сама по себе; из его писем видно, что, например, данные о ходе весны, о погоде вообще, о сезонных явлениях в жизни животных у него были собраны за несколько десятков лет. Сообщая Ренару об одной ненормальной весне, он особо подчеркивает, что отмечает ее особенности на основании сравнения своих записей за 26 лет.

Экологические работы привлекали Эверсманна не только сами по себе, как чисто зоологическая тема. Его всегда интересовала прикладная зоология; достаточно указать на заглавие второй части «Естественной Истории». Особенно интересовался он насекомыми, вредителями сельского хозяйства. В своей интересной «Речи о пользе естественных наук», указывая на практическое значение зоологии, он больше всего останавливается именно на этом вопросе, горячо пропагандируя то, что мы называем теперь биологическим методом борьбы с вредителями и чем, к слову сказать, еще не вполне научились пользоваться. В этом он видит главную практическую надобность изучения биологии насекомых: «надобно коротко быть знакому с бытом каждого животного, чтобы сделать безошибочно заключение, полезно или вредно его существование для нашего хозяйства». Из теоретической зоологии хозяйство... «без сомнения, в той

[1] Весьма любопытно, что Эверсманн отрицательно относился к Х. Л. Брэму, который считается основателем изучения субтильных внутривидовых особенностей и работы которого Эверсманн хорошо знал. Ренар, по просьбе Брэма, обратился к Эверсманну с просьбой прислать казанских сорок. Эверсманн пишет (10.IX.58), что охотно велит настрелять для него просимых птиц. „Не знаю только, добавляет он, что пастор Брэм хочет делать с нашей обыкновенной сорокой; может быть, он опять предполагает новый вид и нашу здешнюю сороку хочет в видовом отношении отделить от германской". Отрицательное отношение Эверсманна к Брэму, пожалуй, понятно, так как последний, конечно, слишком уж увлекался введением новых имен, чего Эверсманн, как сказано, не любил.

же мере будет извлекать свою пользу, в какой учение самое расширяется все далее в пределах».

В Эверсманне, экологе и зоогеографе, замечательно его умение отметить основные черты в условиях существования фауны и в ее составе в их взаимной связи, его умение оценить фауну как целое, отметить такие общие биологические закономерности, как колебания численности и т. п В этом отношении очень интересна краткая характеристика степной фауны, сделанная им совершенно попутно в систематической работе. Она выходит за пределы того, что давалось в его время, и по идее вполне соответствует тому, что мы сейчас можем требовать от полного фаунистического исследования (см. в приложении № III). Это в сущности краткий конспект, но здесь виден тот подход к фауне, который был на много лет заброшен, если не считать Миддендорфа и раннего Северцова, и возрождается лишь в последнее время

Возвращаясь к воззрениям Эверсманна на вопросы систематики, нельзя не отметить, что вдумчивая работа привела его не только к тем важным и прогрессивным представлениям, которые отмечены выше. Систематика и именно занятия внутривидовой изменчивостью (любопытная историческая аналогия с некоторыми современными направлениями систематики) поставила его уже в тридцатых годах в ряды эволюционистов Аргументация Эверсманна при этом иногда довольно своеобразна, конечно, неполна, он не дает разработанной системы. Но его «система» ни чем не хуже некоторых других додарвиновских теорий Если у Эверсманна и нет стройной теории, то, во всяком случае, взгляды его достаточно определенны. Он признает не только само по себе изменение животных, но указывает и главные факторы этих изменений: это — географическая среда, ландшафт. Как результат влияния ландшафта им принимается полифилия. Приходится опять пожалеть, что Эверсманн нигде подробнее не развил своих взглядов, изложенных очень кратко и в сущности лишь попутно в предисловии к мало известной систематико-фаунистической статье (см. приложение № IV).

Казань в то время была глухой провинцией Однако, в Эверсманне как ученом мы не можем обнаружить ни одной черты «провинциала в науке». Здесь дело не в том, что он во время своих заграничных путешествий имел общение с большим числом ученых, знакомился с новыми идеями, был, так сказать, у истока передовой науки. Основная причина, сделавшая Эверсманна одним из лучших представителей науки своего века, заключалась в его таланте, в его независимом и широком уме.

Тридцать два года, с тридцатичетырехлетнего возраста и до самой смерти, Эверсманн был связан с Казанским университетом. Мы, по задачам нашего очерка, не можем подробно останавливаться на этой стороне его деятельности и потому сообщим лишь краткие сведения. Официально основанный в 1805 г Университет в течение некоторого времени влачил в достаточной мере жалкое существование, не имея достаточных средств и не всегда удовлетворительный преподавательский состав. Некоторые профессора, как например, профессор анатомии Арнгольд, не умевший собрать скелета, были настолько плохи, что, как сказано в акте ревизии 1819 г, «они не только не приносят пользы..., но причиняют общественный вред полуученостью образуемых ими воспитанников».

Наравне с такими грустными фигурами в Университете были и выдающиеся личности, вроде, например, знаменитого математика Лобачевского, с которым позже Эверсманн был в дружественных отношениях Не относился приведенный резкий отзыв и к профессору естественной истории Фуксу. Он был по образованию врач, но с 1806 по 1817 гг. представлял в Университете все естествознание. Энтомолог, интересовавшийся птицами и млекопитающими, он прежде всего был горячий любитель ботаники. Им основан Казанский ботанический сад. Фукс, человек очень живой, был в известном смысле центром казанского образованного общества, он не был однако ни путешественником, ни серьезным кабинетным работником Тем не менее он умел заинтересовать студентов. У него в частности учились Панаев и С. Т. Аксаков, которые очень увлекались бабочками. У Аксакова в «Собирании бабочек» очень живо описан тот ажиотаж, который царил среди студентов, увлеченных энтомологией. Фукс в конце концов совершенно перешел на медицину, и его заменил его ученик профессор Тимьянский, вскоре уехавший в Америку С 1823 г. в Университете естественником был профессор Эйхвальд, деятельный член Московского общества испытателей природы, известный исследователь Каспийского моря, автор «Fauna caspio-caucasica», один из весьма видных зоологов первой половины прошлого века. После перехода Эйхвальда в Виленский университет кафедру зоологии и ботаники занял уже Эверсманн

Таким образом, Эверсманн попал в Казанский университет, когда там уже существовали известные зоологические интересы и традиции. Однако действительным создателем зоологии в Казанском университете надо считать Эверсманна. Ему университет в немалой мере обязан и тем, что в послеэверсманновские времена зоология в Казани стояла на должной высоте.

Как профессор-преподаватель Эверсманн, судя по всему, мало удовлетворял свою аудиторию. Он не любил преподавательской деятельности и читал плохо, вяло, монотонно; оживлялся он на лекциях редко, главным образом тогда, когда касался собственных наблюдений и впечатлений из своих путешествий. Тогда лекции его делались интересны и, вероятно, довольно живы, о чем, по крайней мере, можно судить по его «Речи». При чтении лекций он строго придерживался известных немецких учебников Вигманна, Руте, Блюменбаха. «Книгу последнего, пишет мне М. Д. Рузскии[1], он, сидя на кафедре, держал перед собой и, водя пальцем, переводил с немецкого на русский язык, делая только местами добавочные примечания и вставки от себя. Ассистента у него не было, а на лекциях неизменно стоял у дверей препаратор Павел Романов, а потом Мирон Владимиров. Если нужно было достать для демонстрации какую-нибудь птицу, то Эверсманн подзывал его и приказывал принести из Музея, что тот и делал, а затем велел уносить обратно. Например, показывая свиристеля, он так характеризовал его: «Вот посмотрите — интересная красивая птица, но только глупая, молчаливая, только и знает, что жрет...».

На характере лекций Эверсманна отражалось и то, что он до конца жизни говорил по-русски нечисто, — с заметным немецким акцентом и не вполне правильно. Писал он по-немецки, частью по-фран-

[1] М Д. Рузский получал сведения от профессора Мельникова

цузски и по-латыни и оба эти языка знал великолепно, как и древнегреческий, татарский, арабский и персидский. Его работы, напечатанные по-русски, представляют собою перевод с немецких рукописей. Впрочем, том птиц в «Естественной Истории», составленный незадолго до смерти (1859 г.), был написан Эверсманном, повидимому, уже по-русски, и М. Н. Богданову пришлось заниматься лишь исправлением стиля, но не переводом рукописи.

Тот прием чтения лекций, который применял Эверсманн, был видимо, довольно распространен в то время. Как можно судить по университетским отчетам, например, в 1840 г. «по собственным запискам профессора» читалось очень мало курсов. Эверсманн читал очень немного, например, в 1839—1840 учебном году всего 6 часов в неделю студентам-естественникам и медикам 1 курса. Эверсманн популярностью среди студентов не пользовался и не имел большого количества учеников, тем более, что он был со студентами очень мало разговорчив, а в научных вопросах почти недоступен, и вообще был, повидимому, строг и требователен. Несмотря на то, что Эверсманн не был «популярным профессором» и не был окружен учениками, он обладал способностью замечать среди студентов талантливых людей, выделял их, приближал к себе и много занимался с ними. Среди учеников Эверсманна можно назвать несколько достаточно известных имен.

Одним из более ранних учеников Эверсманна был Киттары, впоследствии профессор анатомии. Он интересовался энтомологией и вместе с Вагнером, профессором Казанского университета, совершил поездку в «Южные степи», привез оттуда коллекцию, которую обработал и опубликовал в «Бюллетене» в 1849 г. Эверсманн, впрочем, ценил Киттары очень невысоко и в одном из писем к Ренару называет его малоизящным словом, которое точнее всего переводится как «трепач». Весьма возможно, что на отношение Эверсманна к Киттары отразилась упомянутая статья последнего. Он пользовался коллекцией Эверсманна, его указаниями и, видимо, с разрешения Эверсманна, описал и те новые виды, которые уже давно в качестве таковых хранились в коллекции Эверсманна. Однако, он обозначил их не теми именами[1], под которыми Эверсманн рассылал свои материалы. Это, по мнению Эверсманна, усложняло синонимику, и, естественно, он не мог этого одобрить.

Известный зоолог М. Н. Богданов занимался у Эверсманна с 1858 г., когда поступил в Университет. Кандидатскую степень он получил за работу «Материалы для исследования орнитологической фауны Казанской и Симбирской губернии», написанную под руководством Эверсманна. После смерти Эверсманна Богданов, как сказано, готовил к печати его рукопись по птицам Оренбургского края. Можно думать, что интерес Богданова к Арало-Каспийским странам возник не без влияния Эверсманна.

Н. П. Мельников, впоследствии казанский профессор и преемник Эверсманна, был тоже учеником Эверсманна. Он поступил в Университет в 1857 г. и окончил его в 1861 г. В 1859 г. Мельников под руководством Эверсманна написал сочинение на степень кандидата на тему: «О лучших признаках для классификации птиц» и получил золотую медаль за это сочинение.

[1] Среди них был и **Decticus eversmanni n. sp.**

Учеником Эверсманна был зоолог профессор Н. П. Вагнер (учился в 1845—1849 гг.), сын профессора минералогии Казанского университета. Под руководством Эверсманна он написал (1849 г.) кандидатскую диссертацию: «О лучших характеристических признаках для классификации насекомых», за которую получил золотую медаль, а потом (1851 г.) написал тоже под руководством Эверсманна и магистерскую диссертацию: «О чернотелках (Melasomata), водящихся в России».

Учеником Эверсманна был и А. М. Бутлеров, впоследствии знаменитый химик и член Академии наук. Он учился в Казанском университете в 1844—1849 гг. и, по предложению Эверсманна, еще студентом в 1846 г. совершил путешествие в степи Букеевской орды (между Волгой и Уралом) и в Индерские горы. Его кандидатская работа (напечатана в Ученых Записках университета) называлась: «Дневные бабочки Волго-Уральской фауны». Бутлеров имел хорошую коллекцию (о ней упоминает и С. Т. Аксаков). По окончании университета Бутлеров оставил зоологию и работал у профессора Зинина по химии, но дружбу с Эверсманном сохранил. Последний покровительствовал молодому ученому и в 1854 г. вместе с П. Н. Вагнером отстаивал кандидатуру Бутлерова в экстраординарные профессора. Бутлеров продолжал интересоваться насекомыми, уже будучи химиком, и, как мне сообщил проф. М. Д. Рузский, после смерти Эверсманна к Бутлерову перешла часть коллекции бабочек Эверсманна.

В последние годы у Эверсманна работал и был его близким учеником Бальон, которого Эверсманн ценил и которому покровительствовал.

Эверсманн прекрасно поставил музей Казанского университета. При кафедре был до Эверсманна лишь жалкий основанный Эихвальдом «кабинет». Он состоял из нескольких десятков скверных чучел и некоторых других предметов. Эверсманн превратил его в настоящий большой музей, не уступавший по качеству музеям известных западноевропейских университетов и даже превосходивший некоторые из них. Самого Эверсманна мало что удивляло в постановке университетских музеев заграницей. Своим Казанским музеем Эверсманн очень интересовался, это было его детище, он его пополнял постоянно всеми возможными способами. Для музея он устраивал специальные коллекторские поездки (см. выше), поступали в музей и некоторые сборы студентов, например, коллекции Бутлерова; многое покупалось в России (коллекция птиц и млекопитающих Фукса и др. собрания), а заграницей покупки производились у торговцев натуралиями. В 1857 г. Эверсманн привез из-за границы много чучел и спиртовых препаратов. Особенно развилась в этом отношении деятельность Эверсманна после введения нового университетского устава 1835 г., когда кафедры зоологии и ботаники были разделены, увеличились штаты и средства Университета и были построены новые здания. В 1838 г., когда музей занял новое обширное и светлое помещение, в нем состояло уже более 6 000 предметов общей стоимостью в двенадцать с лишним тысяч рублей. Нужно иметь в виду, что такие результаты были достигнуты всего спустя 10 лет после вступления Эверсманна в Университет. Проработал он в нем 32 года и свою деятельность по усовершенствованию музея не ослаблял до последних дней. Цен-

ность музея в смысле возможностей работы в нем, значительно увеличивалась тем, что он дополнялся весьма большой личной коллекцией Эверсманна, из которой птицы и звери после его смерти были приобретены Университетом.

Эверсманну удалось исхлопотать у попечителя Казанского учебного округа Мусина-Пушкина на расходы по музею ежегодную сумму в размере 1 000 руб. Возможно, что через попечителя Эверсманн получил от министерства специальные средства и на издание II тома «Естественной Истории». В конце жизни Эверсманна его музей имел всего 132 руб. в год и ни одного рубля на покупки.

Вообще же Эверсманн всячески старался доставать средства на свой музей Можно сказать, что он один, из ничего, своим трудом, своими коллекциями и своими заботами о материальных средствах создал выдающееся научно-учебное учреждение, в котором можно было вести серьезные научные занятия по зоологии.

Эверсманн как ученый зоолог, а также музей и его коллекции, были широко известны. В его время Казань на востоке Европейской России была зоологическим центром, значение которого далеко выходило за пределы университетского преподавания. Эверсманн концентрировал вокруг себя не только специалистов, но известное количество любителей, связанных с исследованием Азии. Его знали и посещали очень многие, в том числе С. Т. Аксаков.

Говоря о значении Эверсманна для Университета нельзя упускать из виду и еще одного обстоятельства. В Казанском университете было немало выдающихся профессоров: были хорошие ориенталисты, Лобачевский характеризовал собою уровень Университета в отношении математики; зоологию представлял Эверсманн — ученый, очень много печатавший, признанный знаток многих групп и фауны России Он обладал широкой европейской известностью Все свои работы он подписывал как профессор Казанского университета и этим самым создавал в международных ученых кругах репутацию не только отечественной зоологии, но и молодому тогда Казанскому университету. Нам думается, что даже со специально университетской точки зрения, эта и другие упомянутые черты в академической деятельности Эверсманна в Казани позволяют забыть о недостатках его как педагога-лектора

Нельзя не отметить, что Эверсманн стремился и к популяризации знаний о природе в России. Свои специальные работы он печатал, правда, по-латыни, по-немецки или по-французски, чтобы сделать их доступными зарубежным ученым. Однако «Естественную Историю» он издал по-русски. Он делал это совершенно сознательно, и для этого излагал материал в очень доступной форме не только в смысле стиля, но и по содержанию, снабдив текст прекрасными вводными очерками к отдельным группам. Рассчитывал он и на то, что книга может быть полезна и как учебная. В популяризации зоологии этот труд несомненно сыграл значительную роль.

Биографические очерки принято заканчивать штрихами, которые характеризуют человека таким, каким он был в общежитии Нам это очень трудно сделать, так как соответствующих материалов почти нет. То, о чем можно было составить себе представление по немногим прямым, а, главное, по косвенным данным, уже сказано в разных

местах выше и к этому трудно прибавить что-нибудь существенное. Эверсманн не был светским человеком, хотя по своему положению и связям принадлежал к так называемому высшему обществу. Это происходило не только потому, что он для светской жизни не имел времени, но и по складу своего характера — довольно угрюмого и мало общительного. «Он не любил большого общества, — говорит Клаус, — и если ему для соблюдения приличий приходилось в нем появляться, он старался воспользоваться всяким поводом, чтобы исчезнуть. Он был скряга особого рода — он экономил время». В Казани «его считали чудаком, так как он избегал общества, не играл в карты, не пил вина, высказывался всегда открыто и от души без всяких комплиментов и по отношению к дамам был не более вежлив, чем с мужчинами». Несмотря на это, или именно поэтому, он пользовался большим уважением и весом.

Избегая большого общества, Эверсманн охотно принимал у себя, и радовался, когда у него собирался небольшой кружок его интимных друзей, главным образом, любителей естественных наук.

Эверсманн был требователен и скуп на похвалы и суховат как в изложении своих впечатлений, так и в письмах. Он обладал прямым, открытым и независимым характером. В своих мнениях он очень определенен и подчас резок, не стесняется высказывать свои отрицательные суждения как в письмах, так и в печати, как, например, при изложении своих заграничных впечатлений.

Он очень строго судил о научных работах и в этом был совершенно нелицеприятен. О статьях Киреевского, которого ценил как интересного и образованного человека, он в письме к Ренару отзывается резко, называя их глупыми и протестует против печатания такого рода работ. Некоторые другие данные свидетельствуют о той же беспристрастности и прямоте его нрава. Очень показателен следующий случай—Эверсманн был большим другом своего коллеги по Университету профессора П. Н. Вагнера, а сын последнего был его близким учеником. Однако, когда в совете Университета возник вопрос об избрании Н. П. Вагнера (младшего) в профессора, Эверсманн резко восставал против этого. Это привело к ссоре и сильной борьбе Вагнеров и некоторых других профессоров против Эверсманна[1]. Все это тяжело отразилось на старом и уже больном человеке и сильно ускорило его конец Едва ли Эверсманн, выступая против семьи своего близкого друга, мог руководствоваться чем-нибудь, кроме объективной оценки знаний молодого ученого...

Эверсманн был человек мужественный, большой силы и большой воли, но внутренне очень сдержанный. Такова и его внешность в старости — высокий, прямой, суховатый, с густыми совершенно белыми волосами, с пристальным взглядом и внешне суровый. Было бы однако совершенно неправильным считать его черствым и сухим. Он обладал чувством юмора, правда, несколько едкого. Его любовь к природе и науке горяча и искренна и в замкнутом человеке даже

---

[1] Сообщено М Д Рузским В дальнейшем отношения, по крайне мере с Н П. Вагнером, видимо, в какой-то мере восстановились Вагнер вскоре после смерти Эверсманна (1863 г) выступал с актовой речью, посвященной памяти Эверсманна, и предпринимал шаги, чтобы ее напечатать.

трогательна. Она толкает его даже на несвойственные ему патетические и лирические обороты речи [1].

Вообще говоря суховатый и замкнутый, он был прекрасным семьянином, и у него было много друзей. Он сам обладал редким свойством быть верным другом Со многими дружба соединяла его на целую жизнь. Такими близкими друзьями у него были университетский товарищ врач Тиле, профессор Клаус, торговец насекомыми Киндерманн, Перовский и ближайший друг и спутник во многих поездках, скромный казанский аптекарь и энтомолог Гелльман. Эверсманн, как говорит Клаус «если что нибудь любил, то предавался этому со всей теплотой сангвинического сердца и хранил это со всем постоянством флегматика». Это сказано о вещах, но относится и к людям. В этом внешне суровом человеке было что-то от романтики его века.

Особенно показательна, как нам кажется, для внутреннего облика Эверсманна его дружба с секретарем, а позднее вице-президентом Общества директором Зоологического музея Московского университета профессором К. И. Ренаром. Их отношения ограничивались перепиской. Она началась официальными и чисто деловыми письмами члена Общества к его секретарю, понемногу письма становятся сердечнее, обращения менее официальными, под конец совершенно дружественными, а содержание уже наполовину личным.

Эта «эпистолярная дружба», как можно судить даже по тем разрозненным письмам, которые были у меня в руках, была, видимо, важной стороной во внутренней жизни Эверсманна. Он жалуется, что чувствует себя необычно, не получая ежемесячно письма от Ренара и перед концом, смертельно больной, находит в себе силы написать другу несколько прощальных слов. Виделись же Эверсманн с Ренаром, повидимому, всего один раз — в июне 1844 г., когда Эверсманн по пути заграницу заезжал в Москву.

Эверсманн не раз призывал русских ученых к общей и объединенной работе по изучению животного мира отечества. Он обращался к ним с призывом — «да принесет каждый, что у него есть, что успел собрать». Он мог спокойно и с достоинством сказать: «я приношу свое», потому что принес в общее дело столько, сколько редко кому удавалось. Как в истории изучения России в восемнадцатом веке мы центральную фигуру видим в Палласе, точно так же первая половина девятнадцатого века естественно связывается с именем Эверсманна. Трудом всей своей жизни он создал основу современного изучения животного мира нашей родины, и его имя всегда будет вспоминаться с живейшей признательностью.

---

[1] Мы позволим себе привести еще один, уже совершенно лирический отрывок из той же его публичной речи о пользе зоологии. В ней он так описывает жизнь муравейника. „Республиканской союз состоит из мужчин, женщин и рабочего сословия безполых, подобно как и между пчелами, но всегда безкрылых. Только на то время, когда различной пол должен покоряться взаимной склонности, мущинам и женщинам муравьям природа дает крылья. Только на короткое время теперь окрыленные в ясную погоду подымаются в воздух, чтобы насладиться скоропреходящей любовью. —Истинной образ любви, которая также на своих крыльях уносит и нас в небо наслаждений. Пора любви проходит и крылья падают, и муравей возвратясь в туже кучу, не различаясь более с рабочим своим собратом, заботливо суетится по земле как будто в поисках о потерянном рае".

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.

Некоторые даты жизни Э. А. Эверсманна,

11 января 1794 г.—Родился в д. Верингаузен, близ г. Гагена в Вестфалии.

1812 г.—Поступление в Марбургский университет.

1813 г.—Работа в Берлинском университете у Лихтенштейна.

9 августа 1814 г.—Защита диссертации на степень доктора философии и свободных искусств в Галле.

Конец 1814 г. (начало 1815 г.?)—Приезд в Россию и поступление в Дерптский университет.

26 февраля 1816 г.—Защита диссертации на степень доктора медицины и повивального искусства в Дерпте.

Конец 1816 г.—Переезд в Златоуст к отцу.

18 февраля 1818 г.—Поступление врачем на оружейный завод в Златоусте.

16 мая 1820 г.—Отставка и переезд в Оренбург.

20 мая 1820 г.—Избрание в члены Московского Общества испытателей природы.

10 октября 1820 г.—Отправление в Бухару с караваном посольства Негри.

18 декабря 1820 г.—Прибытие в Бухару.

Май 1821 г.—Возвращение в Оренбург.

1821 (1822 г.?)—Женитьба.

1823 г.—Выход в свет описания путешествия в Бухару.

1824 г.—Поездка заграницу.

Декабрь 1825 г.—март 1826 г.—Путешествие по Усть-Урту с отрядом полковника Ф. Ф. Берга.

1827 г.—Поездка с Карелиным и Кариным в Букеевскую орду.

28 февраля 1828 г.—Избрание в ординарные профессора Казанского университета по кафедре зоологии и ботаники; переезд в Казань.

Февраль—октябрь 1829 г.—Поездка с Людвигом, Клаусом и Истоминым в Волго-Уральские степи.

Май—август 1830 г.—Поездка с Людвигом на Кавказ.

1832 г.—Поездка заграницу.

1834 г.—Поездка с Бунге в Саратовскую и Астраханскую губернии.

1 августа 1837 г.—Утверждение ординарным профессором по кафедре зоологии.

1837—1838 гг.—Поездка в Пруссию.

10 мая 1840 г.—Переход в русское подданство.

1840 г.—Выход I тома „Естественной Истории Оренбургского Края“.

1844 г.—Выход „Fauna lepidopterologica Volgo-Uralensis“.

1844—1845 гг.—Поездка в Германию, Италию и Францию.

1847 г.—Выход первого выпуска „Fauna hymenopterologica Volgo-Uralensis“.

20 марта 1850 (1852 г.?)—Выслуга 25 лет и избрание профессором на новое пятилетие.

1850 г.—Выход второго тома „Естественной Истории“.

1852—1853 гг.—Поездка в Германию, Швейцарию, Италию, Францию и Алжир.

2 декабря 1853 г.—Получение звания заслуженного профессора.

1855 г.—Начало печатания „Les Noctuélites de la Russie“.

28 ноября 1856 г.—Избрание профессором на новое пятилетие.

1857—1858 гг.—Поездка по тем же странам.

1859 г.—Написание „Птицы Оренбургского Края“ и изготовление рукописи второго издания „Fauna hymenopterologica“.

14 апреля 1860 г.—Смерть в Казани.

II.

Маршрут посольства Негри в Бухару в 1820 г.

(по G. Meyendorf, 1826 г.).

Октябрь 10—выход из Оренбурга, источники Бердянка.
„ 12—источники Битли-су.
„ 13 „ Бурте.
„ 14 „ Узун-бурте.

Октябрь 16—источники Кара-бутак.
„ 17—река Илек.
„ 19 „ „
„ 20—ист. Тамды-Яман (у Эверсманна Тамбутан).
„ 21— „ Суюк-су.
„ 23— „ Талаш-бег.
„ 24—холмы Бассага.
„ 25—речка Кублейли-Темир (у Эверсманна Яман-темир).
„ 27—речка Тираклу.
„ 28—ист. Кара-акенты.
„ 30— „ Тубан (переход Мугоджар).
„ 31—речка Кованджур.
Ноябрь 2—озеро Ходжа.
„ 4—колодец Куль-кудук.
„ 6—Аджи-кудук.
„ 7—Чубар-тепе.
„ 8—ист. Ок-тани (у Эверсманна Челек).
„ 9— „ Сары-булак.
„ 11—холмы Дерман-баши.
„ 12—колодец Урачай.
„ 13—холмы Кюлли (Кюль; виден Арал).
„ 14—пески Сапак-кум.
„ 15—залив (озеро) Камышлы.
„ 18—Ялтыр-куль.
„ 19—Сыр-дарья.
„ 24—Куван-дарья.
„ 25—28—Путь вдоль Куван-дарьи.
Декабрь 1—Джаны-дарья (Янги-дарья у Эверсманна).
„ 3—6—Кызыл-кумы.
„ 7—колодец Юз-кудук.
„ 10—пески Батпак.
„ 11—горы Сусык-кара.
„ 12—ист. Кара-агач (Кара-ата у Эверсманна).
„ 13— „ Агатма.
„ 15—колодец Одун-кудук.
„ 16—кишлак Кагатан (начало культурных земель Бухарского оазиса).
„ 17—город Вафкенд.
„ 18—кишлак Базарчи.
„ 20—Бухара.

III.

„Степи, особенно южные, сколь они ни бесплодны и не пустынны, все же дают путешественнику много интересного, как в отношении зоологии, так и ботаники, их флора и фауна, зависящие от почвы и климата, столь сильно отличаются от таковых других местностей, что им по праву дано наименование степной фауны и флоры. Настоящие степные растения всегда многолетние; их корни, чтобы противостоять засухе идут необычайно глубоко вертикально вглубь земли; однолетние растения чужды степи—они не могут здесь существовать. Настоящие степные жуки бескрылы, как например большая группа Melasomata, Curculionidae из родов Cleonis и др. Остальные отряды насекомых представлены слабо и встречаются главным образом в таких местностях, которые уже несколько отклоняются от настоящих степных условий; однако то, что удается найти, в большинстве случаев интересно. Только прямокрылые представляют здесь исключение; однако и они, поскольку они среди всех насекомых наиболее прожорливы, покидают сухие степи и держатся мест, более богатых травою.—Амфибии представлены, как множеством ящериц, так и большим числом змей, которые питаются главным образом степными жуками, а также многочисленными мелкими степными млекопитающими. Я однажды убил змею, у которой в желудке было двенадцать маленьких молодых сусликов. Наземные черепахи попадаются лишь далее к югу и только один вид Testudo ibera Pall., но он водится в большом числе. Из птиц встречаешь, главным образом, необычайное число жаворонков разных видов, которые питаются семенами растений и жуками. Зимою они держатся, главным образом, на засоленных участках, где снег не ложится и питаются здесь семенами солянок.—К интереснейшим созданиям степи принадлежат бесспорно многочисленные мелкие млекопитающие из отряда грызунов, которые питаются частью семенами растений, частью корнями многолетних растений, и во всех направлениях изрывают почву.

В целом степи бедны видами, но богаты особями, однако эта бедность не так велика, как принято думать. Причина этого неправильного мнения частью заключается в том, что настоящие южные степи в естественно-историческом отношении мало изучены и трудны для изучения; есть однако и другая очень важная причина этого неправильного представления; она заключается в том, что растения и животные, именно отдельные виды их появляются не каждый год· в одном году находишь, например, определенный вид в невероятном числе, в следующем году—только отдельные особи его; бывает, даже в большинстве случаев, что этого вида не находишь совсем. От этого и получается, что почти каждый путешественник привозит что нибудь новое, а уже известные виды ищет безуспешно. Пройдет еще много времени пока фауна степей будет изучена полностью. В ботаническом отношении степи изучены гораздо тщательнее, чем в зоологическом, однако несмотря на это путешественники все умножают число видов.

Причины отсутствия столь многих видов в разные годы различны. Я скажу только относительно насекомых. Их появление стоит нередко в зависимости от жестоких засух, которые так часто бывают в степи; если нет дождей, то растения дают лишь несколько листочков и вскоре засыхают; жив только корень. Поэтому насекомые, личинки которых питаются листьями этих растений, отсутствуют в следующем году или, если молодые погибли целиком, то отсутствуют несколько лет подряд. Другая причина, почему целые генерации насекомых погибают, заключается в том, что развившееся насекомое не может выйти на поверхность; это происходит тогда, когда после сильного дождя наступает длительная засуха и своеобразная глинистая почва степи делается твердой, как камень, а новорожденное насекомое не может преодолеть ее; едва покинув куколку, оно жалким образом погибает под землею, не увидев дневного света.—Кроме того целые поколения насекомых уничтожаются большим числом ящериц, жаворонков и других птиц (Charadrius, Glareola, Pterocles); если путешественник попадает в такие местности, где свирепствовали эти беды, то он уезжает с пустыми руками".

Из предисловия к „Beiträge zur Lepidopterologie Russlands", 1854.

IV.

„Каждая местность имеет свои особенности, животные и растения приспособлены к той стране, которая их питает; природа при одинаковых условиях создает подобные произведения—подтверждение этого мы видим многократно. Так как условия большей частью только сходны, но не совершенно одинаковы, то и произведения природы в сходных местностях только сходны, но не совершенно одинаковы. Многие виды животных и растений из разных стран света, которые по причине их сходства раньше при менее точном исследовании объединялись в качестве одного вида, оказались впоследствии в видовом отношении отличными. Доводы в пользу утверждения, что в одинаковых условиях производятся, или, по крайней мере, находятся одинаковые природные произведения, настолько многочисленны, что каждый может вспомнить любое количество их. Достаточно взять лесные деревья нашего севера и сравнить между собою европейские, азиатские и американские: виды различных родов очень похожи друг на друга, однако наравне с этим все они в незначительной степени отличаются друг от друга. Таковы, например, наши европейские березы и березы северной Америки, пихты, ели и лиственницы в областях различной долготы, как, например, Abies pectinata DC и Abies sibirica, Larix europaea и Larix sibirica и сотни других примеров. Там, где кончается распространение одного растительного или животного вида он заменяется другим сходным видом, иногда оба вида на границе смешаны и разделяются дальше, если страна, имеющая сходные условия, простирается далее. В степях и пустынях Африки, которые на больших протяжениях имеют весьма сходные условия, это проявляется наиболее ярким образом· под разными градусами долготы и широты видим мы опять разные, но весьма близкие виды одного рода. Вообще говоря, я верю, что при одинаковых климатических условиях в странах, лежащих далеко друг от друга, может находиться один и тот же вид и не вижу из-за этого необходимости принимать, что он (в обоих частях—В. Г.) происходит от одних и тех же предков—скорее можно принимать, что природа при одинаковых условиях произвела одинаковое. Если, например, южноуральская Hipparchia Hyppolyte в новейшее время была найдена в горах Андалузии, то я не думаю, что какой-нибудь случай перенес ее из Сибири через всю Европу в Испанию. Скорее принимаю я, что природа, которая имела силы произвести Hyppolyte на Урале, также хорошо смогла это сделать и в Андалузии. Однако следует считать большой случайностью, чтобы творящая природа произвела дважды одно и тоже существо—в большинстве случаев они более или менее отличаются друг от друга; часто однако настолько незначительно, что мы нередко не знаем придавать ли им права вида, или мы должны их в нашей системе поместить в ка-

честве варьететов. Достаточно посмотреть жуков однообразных степей, и именно тех жуков, которые безкрылы и поэтому привязаны к той местности, где они родились; например большая группа чернотелок (Tentyria, Akis, Blaps, Pimelia и др.); попадая под другие градусы долготы и широты, мы постоянно находим иных и иных. Все они выглядят настолько похожими, что очень часто не знаешь, где следует проводить границу вида. Что и здесь природа при большом разнообразии иногда дважды произвела одну и ту же форму, весьма вероятно. Если мы, например, обнаруживаем Pimelia subglobosa Pall. наших южных степей ввиде Pimelia verrucosa Dahlii в Сицилии, то я не хотел бы верить, что оба они происходят от одних и тех же предков.

Так мы видим, что и наши степи великой Татарии, которые на всем их необычайном протяжении от Каспийского моря до границ Китая и даже далее сохраняют величайшее однообразие, имеют на разных градусах долготы и широты похожие животные формы. Они, однако, постоянно более или менее отличаются друг от друга, главным образом по мере того как продвигаешься на разные широты"[1].

„Определение таких видов, которые стоят друг к другу очень близко, если оценивать только их внешность, связано с затруднениями, особенно в музеях, где произведения разных зон смешаны. Однако это дело очень облегчается, если призвать на помощь сведения об их отечестве (месте добычи—В. Г.) и образе жизни: северный Arctomys undulatus делает наклонную нору, уходящую в землю приблизительно под углом в 50°, живет обществами и представляет собою бойкое животное и играет при ярком солнце; А. mugosaricus делает свою нору гораздо более наклонно, кормится в степи в одиночку, бегает очень медленно—скорее пресмыкается, как мышь, так что его легко догнать; наоборот А. fulvus делает свою нору совершенно вертикально, бегает по степи в одиночку и довольно далеко от своей норы и передвигается большими прыжками и настолько быстро, что его видишь промелькнувшим вроде хорька. Если в музеях иногда приходится сомневаться, имеешь ли перед собой отдельный вид или случайное отклонение, то тот, кто наблюдал их в природе, этих сомнений не имеет. Что, однако, определение какого-либо вида в музеях, как названных сусликов, не так легко, я охотно допускаю и именно по приведенной выше причине, потому что природа при сходных или одинаковых условиях производит тоже сходные или одинаковые произведения.—Во всяком случае, однако, чтобы получить правильное представление о фауне какой-либо страны, мы должны смотреть не только на внешнюю форму, но обращать внимание и на образ жизни, чтобы этим еще более подкрепить константные признаки двух видов".

Из предисловия к „Mittheilung uber einige neue und einige weniger gekannte Saugethiere Russlands". 1840.

V.

Список работ Э. А. Эверсманна

Предлагаемый список работ Эверсманна составлен совершенно заново, и почти все, за исключением того немногого, чего нет в библиотеках Москвы, было полностью просмотрено. Этот список в некоторых частях отличается от опубликованных раньше.

1814.

1. Dissertatio inauguralis de affinitate chemica. Hallae 1814. (NV).

1816.

2. Dissertatio inauguralis medica de systemate gangliorum et cerebrali, quam consentiente amplissimo medicorum ordine in universitate literarum caesarea dorpatensi, pro gradu doctoris medicinae et artis obstetriciae, loco consueto, die XXXL augusti, publice dependet auctor, Eduardus Eversmann, germanus, philosophiae doctor. Dorpati, literis Michael. Gerhardi, Grenzii, typographi academici. MDCCCXVI. p. 1—31.

1823.

3. Reise von Orenburg nach Buchara von Eduard Eversmann Dr. der Medizin und Philos., Mitgliede der naturforschenden Gesellschaft zu Moskau, nebst einem Wortverzeichnis aus der Afghanischen Sprache, begleitet von einem naturhistorischen Anhange und einer Vorrede von H. Lichtenstein, Dr., Mitgliede der Konigl. Akademie der Wissenschaften, Professor an der Königl Universitat und Director des Zoologischen Museums zu Berlin. Mit 2 Kupfern und dem Plane von Buchara. Berlin, 1823.

[1] Далее следуют примеры зонального распространения некоторых форм сусликов и тушканчиков.

Об этом путешествии в виде рефератов, выдержек и т. п., насколько мне известно, опубликованы следующие статьи.

C. M. Sur la zoologie des deserts, situés entre Orenbourg et Bukhara, extrait du voyage de M. Eversmann, en allemand; in 4°. Berlin, 1824. Bull. des sc. naturelles et de geologie. Deuxième section du Bull. univ. des sc. et de l'industrie, publié sous la dir. de M. le Bon De Férussac. T. I. Paris, 1824. p. 263—264.

Russian Missions into the interior of Asia: I. I. Nazaroff expedition to Kokand. II. Eversmann's and Jakovlew's account of Bucharia. III. Capt. Mouraview's embassy to Turcomania and Chiva. Translated from the german. London, 1823. 8°, 112 pgs.

Zoologie. Bull.[1] № 3, p. 33—41 (Об Эверсманне и Пандере, p. 35—41).

Poselstwo Rossyjskie do Bucharyi (Doniesienie doktora Eversmanna). Dziennik Wilenski, 1821, T. I, p. 302—309.

Journ. für die neuesten Land und Seereisen. Herausg. v. Friedenberg. Bd. 58. Jan. 1828, p. 1—47.

Ed. Eversmann's Reise von Orenburg nach Buchara für die Jugend und andere Leser bearbeitet von Wilh. Harnisch (Leipzig, 1825, 8°). P. 1—36.

Кроме того есть газетные заметки.

Статья Лихтенштейна из книги Эверсманна во французском переводе целиком приведена в приложениях (отдел Zoologie, 381—479) к книге G. Meyendorf „Voyage d'Orenbourg à Boukhara", Paris, 1826.

1824.

4. Hagel mit metallischem Kern (Auszug eines Schreibens aus Orenburg, von Hrn. Dr. v. Eversmann, datiert vom 8 Okt. 1824 alt. Styls). Ann. d. Physik, herausg. v. L. W. Gilbert. B. LXXVI. Leipzig. 1824. P. 340—341 (5 рис.).

1825.

5. Aerolithen—Hagel, beobachtet zu Sterlitamak, 200 Werst von Orenburg, in Sibirien Kastner. Arch. Naturg. IV. 1825, p. 196—198 (NV).

1826.

6. Vorkommen des Goldes im Ural. Schweigger. Journ. XLVI. p. 227. 1826 (NV).

1828.

7. Eduard Eversmann. Skizzierte Beschreibung einer im Mai 1827 angetretenen Reise... in die zwischen dem südlichen Ural-Flusse und der südlichen Wolga gelegenen Steppen. Journ. für die neuesten Land-u. Seereisen (redig. von Friedenberg). B. 58, p. 1—47. Mit I. Karte. 1828. (NV).

8. Ed. Eversmann. Skizzierte Beschreibung einer im Mai 1827 angetretenen Reise... in die zwischen der südlichen Wolga gelegenen Steppen. Hertha, B. 12, p. 322—324. 1828. (NV[2]).

1830.

9. Путешествие от Казани по разным местам Оренбургской и Астраханской губернии и по берегам Каспийского моря в 1829 Эдуарда Эверсманна, профессора Императорского Казанского университета. Казанский вестник, издав. при и. Казанск. универс. Часть двадцать осьмая, книжка IV. Месяцы май и июнь 1830 г.. Казань, p. 497—531.

9а. То же (продолжение). Каз. Вестн. Часть 29, сентябрь и октябрь 1830. p. 23—63 (NV),

1831.

9в. То же (продолжение). Каз. Вестн. Часть 33. Книжка IX и X. Месяцы сентябрь и октябрь, p. 50—74.

9с. То же (продолжение). Каз. Вестн. Часть 33. Месяцы ноябрь и декабрь, p. 136—159.

10. Eduardi Eversmanni, D., professoris casaniensis, A.C.N.C.S. in Lichenem esculentum Pallasii et species consimiles adversaria. Cum tabula lapidi incisa et vivis coloribus picta (Acad. trad. die VIII. Mart. a. MDCCCXXV). Mit einem Nachtrage von Dr. Fr. L. Nees von Esenbeck, M.d.A.d.N. Nova acta phys.-med. Acad. C. Leop. Carol. nat. curios. Vol. quintidecimi, pars posterior. Vratislavae et Bonnae. MDCCCXXXI, p. 349—358. Цветн. табл. LXXVIII.

---

[1] Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou.

[2] Может быть реферат.

11. Eduard Eversmann. Reise von Kasan in verschiedene Gegenden der Orenburgischen und Astrachanischen Statthalterschaft und an das Caspische Meer, im Jahr 1829. Journ. f. die neuest. Land-und Seereisen (redig. von Friedenberg). Bd. 67, pp, 74—91, 97—163, 262—277 1831. (NV).

12. Выписка из донесения Совету императорского Казанского университета профессора Эверсманна, предпринимавшего в 1830 году путешествие к кавказским горам. Казанск. Вестн., издав. при и. Каз. Унив. Часть XXXI, кн. II 1831 г., р. 167—184. Казань.

13. Описание чешуекрылых насекомых, находящихся между Волгой и Уральским хребтом (г. профессора Казанского университета Эверсманна). Казанск. Вестн. изд. при и. Каз. Унив., апр. 1831 р. 281—289 (NV).

13а. То же (продолжение) Каз. Вестн. май и июнь 1831 р. 100—138 (NV).

13в. То же (продолжение) Каз. Вестн. июль и август 1831 р. 295—310 (NV).

13с. То же (окончание) Каз. Вестн. сент. и окт. 1831 р. 91—101.

14. Enumeratio lepidopterorum fluvium Volgam inter et Montes Uralenses habitantium (Secundum Systema Ochsenheimer) auctore E. Eversmann, M. D. Professore Casanense. Bull. III, p. 241—252. 1831.

1832.

15. Enumeratio Noctuarum Uralenses Montes inter et Wolgam fluvium habitantium. Auctore E. Eversmann. Bull. IV année. 1832 № II. p. 353—376.

16. Lepidopterorum species nonullae novae gubernium Orenburgense incolentes auctore Dr. E. Eversmann. Nouv. Mém. de la Soc. I. d. Natur, de Moscou, p. 347—354. 1832.
9 d. Путешествие от Казани... (окончание) Казанск. Вестн. янв. 1832. р. 70—79 (NV).

1834.

17. Diptera Wolgam fluvium inter et Montes Uralenses observatae auctore E. Eversmann. Bull. VII. 1834 p. 420—432 (каталог без аннотаций).

18. Lacertae Imperii Rossici variis in itineribus meis observatae auctore Dre E. Eversmann, Universitatis Caesarae Kasanensis, professore. Nouv. Mém. Soc. Nat. Mosc., T. III. p. 337—369. 1834. 4 табл. рис.

1835.

19. Addenda ad celeberrimi Pallasii Zoographiam Rosso-Asiaticam. Aves. Auctore Dre Eduardo Eversmann. Уч. зап. издав. И. Казанск. Универс. 1835. Книжка II. Казань. 1835 р. 313—372.

1836.

20. Libellulinae, Wolgam fluvium inter et Montes Uralenses observatae. Dre Eduardo Eversmann, Bull., 1835 IX, p. 231—234. 1836 (каталог).

21. Libellulinarum species novae, quas inter Wolgam fluvium et Montes Uralenses observavit Dr. Eduard Eversmann. Bull., T. IX, 1836 p. 235—248.

1837.

22. Kurze Notizen ueber einige Schmetterlinge Russlands. Als Beiträge zu Treitschke's Supplementen zu betrachten, von Dr. Eduard Eversmann, Professor der Zoologie der Universität zu Kasan. Bull. Annee 1837, № 1. p. 3—32.

22a. Kurze Notizen ueber einige Schmetterlinge Russlands; von Dr. E. Eversmann, (Fortsetzung von № 1 des Bull. de la Soc. Imp. des Nat., 1837). Bull. Année 1837. № II. p. 29—66. (II часть предыдущей работы).

23. Insecta Wolgam fluvium inter et Montes Uralenses observata a Dr. Eduardo Eversmann. Casani 1836. Bull. Annee 1837. № 1. p. 33—39 (списки Rynchota, Orthoptera, Libellulinae).

1838.

24. Lumbriculus nocticulus (von dem Herrn Professor Eversmann). Уч. Зап. и. Казанск. Унив. 1838. Книжка 1. Казань 1838. р. 156—157.

1839.

25. Gomphocerus rufus, Thunb. descriptus et icone illustratus a Professore Casaniensi Eduardo Eversmann. Bull. Ann. 1839. № 11. p. 139—140. Tab. X, 1—2.

25. Речь о пользе Наук естественных и в особенности зоологии. (Сочинил орд. проф. Зоологии Еверсман). Обозр. преподаваний в И. Казанск. Университете за 1839—1840 учебный год. Казань 1839, р. 1—10 (статьи имеют отдельную пагинацию).

1840.

27. Mittheilungen ueber einige neue und einige weniger gekannte Säugethiere Russlands. Von Dr. Eduard Eversmann, Professor der Zoologie an der Universität zu Kazan. Bull. Annee 1840. № 1, p. 3—59.

28. Естественная история Оренбургского края. Сочинение Эдуарда Эверсманна, Доктора Философии, Медицины и Акушерства, коллежского советника, профессора Естественной Истории при императорском Казанском Университете и Члена разных ученых обществ. Часть первая. Оренбург. В типографии Штаба Отдельного Оренбургского корпуса. 1840. Вступление в подробную естественную историю Оренбургской губернии, или общий взгляд на край Оренбургский в отношении к произведениям природы. Стр. V + 1—99.

1841.

29. Fauna entomologica, quam per viginti fere annos in provincias Volgam fluvium inter et montes uralenses observavit et descriptionibus illustravit Eduardus Eversmann, Dr. Phil., Med. et Art. Obst. Prof. Ord. Univers. Caesar. Casanens., a consiliis collegior. et plur. Societ. erudit. Sodalis. Tomus primus. Lepidoptera. Casani. Ex Universitatis officina typographica. 1841. p. 1—XIV, 1—190[1].

19а. Addenda ad celeberrimi Pallasii Zoographiam Rosso-asiaticam. Fasciculus II. Auctore Eduardo Eversmann. Casani. Ex universitatis officina typographica 1841, p. 1—16 (оттиск с указанием „перепеч. из 1 кн. Уч. Зап. Каз. Унив.") в томе (NV). стр. 154—167.

30. Beobachtungen über einige Schmetterlinge von Dr. Eduard Eversmann, Bull. Année 1841. № 1, p. 3—14.

31. Nachricht ueber einige noch unbeschriebene Schmetterlinge des östlichen Russlands Von Dr. Eduard Eversmann. Bull. Année 1841. № 1, p. 18—33 (1 цв. табл.).

32. Quaedum insectorum species novae in Rossia orientali observatae, nunc descriptae et depictae a Dr. Eduardo Eversmann. Cum 2 tab. Bull. 1841. № II, p. 351.

1842.

33. Quaedam lepidopterorum species novae, in Rossia orientali observatae, nunc descriptae et depictae a Dre Eduardo Eversmann. C. Tab. 2. Bull. 1842. № III, p. 543—565.

19в. Addenda ad celeberrimi Pallasii zoographiam... Fasciculus III, 1842, p. 1—19. (оттиск с указанием: переп. из Уч. Зап. Каз. Унив. Кн. 3, 1842 г.; в томе (NV), стр. 3—19)[2].

34. Die thraenenden Weiden... Dr. Eduard Eversmann (подпись в конце статьи). Bull. 1842. № IV, p. 797—800.

1843.

35. Die Metamorphose des Lixus turbatus, Gyll. von Prof. Dr. Eversmann in Kazan. Tab. 8, fig. 1—5. Bull. 1843. № III, p. 530—534.

36. Quaedam Lepidopterorum species novae, in Uralensibus et Altaicus habitantes, nunc descriptae et depictae a. Dre Eduardo Eversmann. Bull. 1843. № IV, p. 535—555.

1844.

37. Zoologische Erinnerungen aus den südwestlichen Vorgebirgen des Urals von Dr. Eduard Eversmann (Lu le 16 juin 1843). Bull. de la Cl. phys.-mathem. de l'Ac. Imp. des Sc. de St.-Petersbourg. № 32. T. II. № 8. 1844. p. 116—128.

38. De quibusdam lepidopteris rossicis Dr. Eduardus Eversmann auctor. Bull. T. VII. 1844. № III. p. 588—604.

39. Fauna lepidopterologica Volgo-Uralensis exhibens Lepidopterorum species quas per viginti fere quinque annos in provinciis Volgam fluvium inter et montes Uralenses sitis observavit et descripsit Eduardus Eversmann... Casani Typis universitatis 1844. p. 1—XIV; 1—633.

1845.

40. Nachricht ueber eine noch unbeschriebene Sumpfschnepfe (Scolopax) aus dem Altai-Gebirge von Dr. Eduard Eversmann. Bull. XVIII. 1845. I. p. 257—262. (цветн. таблица VI).

---

[1] Отдельный том, помеченный именно 1841 годом с указанием, что перепечатано из 2-й книжки Ученых Записок Казанского Университета; содержит, видимо, всю работу, не считая погибшего продолжения. Текст вполне соответствует тому, что напечатано в томе ученых Записок за 1842 г. кн. 2-я, стр. 3—190. На типографских пометках на листах есть указания „кн. 1-я 1842". У М. Д. Рузского в списке работ Эверсманна указано, что эта статья напечатана в 2-х выпусках Ученых Записок: за 1841 год кн. 2, стр. 3—66 и за 1842 год, кн. 1, стр. 3—190. Иными словами, работа должна быть больше по объему. Ученых Записок за 1841 год я в библиотеках Москвы не нашел.

[2] Все Addenda редки. Третья часть почти вся сгорела. Позже они были изданы в Англии Дрессером в виде стереотипов.

41. Anweisung, die Orthopteren auszustopfen, um ihnen eine natürliche Farbe zu erhalten, damit die ausgebreiteten Flügel späterhin weder zurückgehen, noch hängen werden, von Dr. Eduard Eversmann. Bull. XVIII. 1. 1845. 263—268.

42. Vesperiliones, in promontoriis uralensibus tractibusque confinibus observati a D. Eduardo Eversmann. Bull. XVIII. 1845. 1, p. 489—615. tab. XII и XIII.

1846.

43. Die Brutstellen des Hylaeus quadricinctus Fabr. von Dr. E. Eversmann. Bull. 1846. № 1, p. 188—193. Tab. IV.

44. Hymenopterorum rossicorum species novae vel parum cognitae descriptae et ex parte depictae a Dr. Eduardo Eversmann. Decas prima. Bull. XXX. 1846. 1. p. 436—443.

45. Lepidoptera quaedam nova in Rossia observata a Dr. Eduardo Eversmann, Bull. XIX. 1846. II. p. 83—89.

1847.

46. Fauna hymenopterologica Volgo-Uralensis exhibens hymenopterorum species quas in provinciis Volgam fluvium inter et montes Uralenses sitis observavit et nunc descripsit Dr. Eduardus Eversmann. Bull. XX, 1, 1847. p. 3—68.

47. Lepidoptera quaedam nova Rossiae et Sibiriae indigena descripsit et delineavit Dr. Eduardus Eversmann. Bull. XX, № III. Année 1847, p. 66—83, tab. 1—VI.

48. Additamenta quaedam levia ad Fischeri de Waldheim celeberrimi Orthoptera Rossica... Dr. Eduardus Eversmann. Jubilaeum Semisaecularem Doctoris medicinae et Philosophiae Gotthelf Fischer de Waldheim celebrant sodales Societatis Caesareae Naturae scrutatorum Mosquensis. p. 1—15 (каждая работа имеет свою пагинацию)... Москва, 1847.

1848.

49. Einige Beiträge zu Mammalogie und Ornithologie des Russischen Reichs von Dr. Eduard Eversmann. Bull. XXI. № 1, 1848. p. 186—227 (1 табл. рисунков).

50. Beschreibung einiger neuen Falter Russlands von Dr. Eduard Eversmann. Bull. XXI. № II. 1848. p. 205—232.

51. Die Brutstelle des Pelopoeus destillatorius Illig. Dahlb. (Sphex spirifex Panz. faun. germ. 76. 15) von Dr. Eduard Eversmann. Bull. XXI. 1848. II. p. 248—351.

1849.

46a. Fauna hymenopterologica Volgo-Uralensis. Fam. III. Sphegidae, Latr... Dr. Eduardus Eversmann. Bull. XXII. p. II. 1849. p. 359—436.

1850.

52. De Ascalaphis nonnullis Russiam incolentes Dr. Eduardo Eversmann Dre. (cum tabulae V). Bull. XXIII. № II. p. 277 - 280. 1850.

28a. Естественная история Оренбургского края... Часть вторая. Казань. В типографии и. Каз. Унив. 1850. Естественная история млекопитающих животных Оренбургского края, их образ жизни, способы ловли и отношение к промышленности. Сочинение Э. Эверсмана. стр. (4), 1—296.

53. Einige Beiträge zur Ornithologie Russlands von Dr. Eduard Eversmann Bull. XXIII. II. 1850. p. 504—579. (tab. VIII).

1851.

54. Description de quelques nouvelles espèces de Lépideptères de la Russie par le Docteur Eversmann. Bull. XXIV. № 1. p. 610—644. tab. VIII—XIII.

55. Lepidoptera Rossica auctoribus G. Fischer de Waldheim et Eduardo Eversmann. Cum 18 tabulis lithographicis. p. 1—151. Mosquae. 1851. Entomographia Imperii Rossici quae caesareae majestati Nicolao Primo autocratori totius Rossiae etc. etc. etc. dicata auctore G. Fischer de Waldheim. Tomus V.

1852.

56. Mittheilungen über einige neue Falter Russlands von Dr. Eduard Eversmann. Bull. XXV. 1852. № 1. p. 148—169.

57. Ein neuer Adler aus der Orenburgischen Kirgisen-Steppe, abgebildet und beschrieben von Dr. Ed. Eversmann. Bull. XXV. № 1, 1852. p. 545—547. Taf. VIII.

46в. Fauna hymenopterologica Volgo-Uralensis (continuatio)... Dr. Eduardus Eversmann. Bull. XXV, № II, 1852 p. 1—137.

1853.

58. Noch ein kleiner Beitrag zur Mammalogie und Ornithologie des Russischen Reiches von Dr. Eduard Eversmann. Bull. XXVI. № II. 1853. p. 487—501. Taf. III.

1854.

59. Beiträge zur Lepidopterologie Russlands und Beschreibung einiger anderer Insecten aus den südlichen Kirgisensteppen, den nördlichen Ufern des Aralsees und der Syr-Darja's von Dr. Eduard Eversmann. Mit Tafel I. Bull. XXVII № II. 1854. p. 176—205.

60. Einiges aus meinem Tagebuche während einer Reise in's Ausland im Winter 1852—53 von Dr. Ed. Eversmann, Prof. der Zoologie an der Universität zu Kasan. Bull. XXVII. № II. 1854. p. 398—445.

1855.

61. Les noctuélites de la Russie. Par le docteur Eversmann Professeur à l'Université Impériale de Casan. Bull. XXVIII. № II. 1855. p. 129—203.

61a. Les noctuélites etc. (I продолжение). Bull. XXVIII. № II. 1855. p. 129—203.

62. Kurze Bemerkungen über das Vorkommen und die Verbreitung einiger Säugethiere und Vögel in den Volgo-Uralischen Gegenden und den Steppen der Kirgisen jenseits des Uralflusses von Dr. Eduard Eversmann. Nouv. Mem. de la Soc. I. d. Natur. de Moscou X (XVI). 1855. p. 265—281.

1856.

61в. Les noctuélites etc. (II продолжение). Bull. XXIX, № I, p. 161—233.

61с. Les noctuélites etc. (III продолжение). Bull. XXIX. № II. p. 1—120.

1857

61d. Les noctuélites etc. (IV продолжение). Bull. XXX. № I. 1857. p. 48—150.

61e. Les noctuélites etc. (конец). Bull. XXX. № II. 1857. p. 355—439.

1858.

63. Erinnerungen aus einer Reise in's Ausland 1857—1858. Von Dr. Eversmann, Bull. XXXI. № II. p. 265—304.

64. То же. Der Zoologische Garten. II. 1861. p. 57—62 (NV)[1].

1859.

65. Orthoptera Volgo-Uralensia, oder die in den Gegenden östlich von der Wolga und dem Uralfluss, südlich bis zum Aralsee und dem Syr-Darja bis jetzt aufgefundenen Geradflügler von Dr. Eduard Eversmann. (Mit I Tafel). Bull. XXXII. № 1. 1859. p. 121—146.

66. Cicadae Volgo-Uralenses, oder die in den Gegenden östlich von der Wolga und dem Uralfluss südlich bis zum Aralsee und dem Syr-Darja bis jetzt beobachteten Singzirpen von Dr. Eduard Eversmann (tab. 1). Bull. XXXII. № 1. 1859. p. 147.

61f. Les noctuélites etc. Supplément. Bull. XXXII. № 1. 1859. p. 550—584.

1866.

28в. Естественная история Оренбургского края... Часть третья. Казань, В типогр. и. Казанск. Унив. 1866. Естественная история птиц Оренбургского края, Э. Эверсманна, XV+1—621.

VI.

Литературные известия об Э. А. Эверсманне

Сведения об Э. А. Эверсманне очень скудны. Имеются заметки во многих энциклопедиях и справочниках, но они очень коротки и не всегда точны. Кроме них еще известны следующие материалы.

1) Эверсманн Эдуард Александрович. Месяцеслов на 1861 год. Изд. И. Ак. Наук стр. 119—120.

2) Эверсманн Эдуард Александрович. Русский биографический словарь издаваемый Росс. Истор. Общ. („Щапов-Юшневский"). СПБ 1912 р. 173—174.

3) Рузский М. Д.—Эверсманн Эдуард Александрович. Биограф. словарь професс. и препод. И. Казанск. Унив. (1804—1904) под ред. Н. И. Загоскина. т. I. стр. 533—543 (самая полная биография Эверсманна со списком работ. Использованы архивы Университета).

[1] Повидимому, в сокращении; может быть реферат.

4) Б о г д а н о в А.—Эдуард Александрович Э в е р с м а н н. Материалы для истории научной и прикл. деятельности в России по зоологии, т. III л. 3 Москва 1891. (Очень неполный список работ; в I томе портрет—единственный опубликованный до настоящего времени).

5) Энциклопедич. словарь Брокгауза и Эфрона т. 40 стр. 130—131.

6) Р у з с к и й М. Д. Памяти проф. Э в е р с м а н н а. Бюлл. № 1 Зоолог. Секции Томск. Общ. Испыт. Прир. Труды Биол. Инст. т. IV. Томск 1937, стр. 301 (краткая заметка).

7) Б о л д ы р е в Н. Исследователи нашего края. Уральские Войсков. Ведом. 1874 г. №№ 39—42; 1875 №№ 2—6.

8) C l a u s C. Erinnerung an Eduard Friedrich Eversmann. Das Inland. 1860. № 30, 31. Eine Wochenschr. f. Liv.-, Est.- und Kurlands Gesch., Geogr., Stat. u. Liter. 25 Jahrg. № 30, 25.VII (6.VIII); № 31, 1 (13). VIII, 1860, Dorpat. (Единственные личные воспоминания об Э в е р с м а н н е).

В протоколах заседаний Общества за 1860 г. указано (XXXIII, протоколы р. 22—23), что проф. Бальон готовил для Бюллетеня биографию Эверсманна, однако таковой напечатано не было и в архивах Общества рукописи нет. На акте Университета в 1863 проф. Н. П. В а г н е р прочитал речь „Эдуард Александрович Э в е р с м а н н, Биографический очерк" и приготовил рукопись. Позже (1866 г.) он предлагал Обществу напечатать эту биографию при условии, что Общество найдет средства для гравирования портрета Э в е р с м а н н а. Этот очерк тоже не был напечатан и рукопись повидимому пропала (см. Бюллетень 1866, XXXIX. 2 р. 59—60).

О коллекции Э в е р с м а н н а напечатана статья:

Каталог коллекции чешуекрылых Э в е р с м а н н а. Тр. Р. Энтом. Общ. IV (1867—69), 1870. 23 стр.

Как указано часть бабочек поступила в коллекцию А. М. Б у т л е р о в а. Каталог этого собрания тоже напечатан:

Проф. М е л ь н и к о в. Каталог коллекций бабочек Александра Михайловича Б у т л е р о в а, пожертв. им. Зоолог. Каб. и. Казанск. Университ. Уч. Зап. Каз. Университета 1884, стр. 362—384.